

Книга известного английского востоковеда О.Р. Герни посвящена важнейшим вопросам хеттологии: этнической, политической и социально-экономической истории хеттов, характерным особенностям права, религии, литературы и искусства. Снабжена послесловием. Хетты (О.Р.Герни)

Материал с сайта <http://historic.ru/>

Предисловие

Эта небольшая работа была написана по совету проф. М. Э. Л. Мэллоуэна. Она представляет собой попытку дать английскому читателю сжатый очерк хеттской истории и цивилизации в пределах, определяемых сегодняшним уровнем наших знаний. Я не претендую на оригинальность большинства приведенных материалов. Почти все выводы, содержащиеся в этой книге, почерпнуты из трудов немецких и французских ученых, опубликованных за последние четверть века. Однако обобщения этих результатов на английском до сих пор не существовало, и поэтому можно надеяться, что настоящая книга в какой-то степени сможет удовлетворить существующую потребность в таком синтезе.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, это оказал мне добрую помощь в создании этой книги, особенно проф. А. Гётце, позволившего мне прочесть рукопись подготовленной им статьи о предшественниках Суппилулиумы. Глава о законах и учреждениях составлена в значительной мере под руководством и с помощью советов Дж. Майлса. Проф. Дж. Гэрстэнг щедро поделился со мной многими соображениями, особенно при чтении корректур, а также великодушно предоставил в мое распоряжение ряд рисунков, первоначально сделанных для его книги «Хеттская империя». Всем моим друзьям и коллегам я приношу самую искреннюю благодарность за их помощь. Я хочу особо поблагодарить свою мать, г-жу С. Г. Герни, за составление указателя.

О.Р. Герни Борз-Хилл, Оксфорд

Введение. Как были открыты хетты

В Ветхом завете хетты фигурируют главным образом как одно из племен, живущих в Палестине, с которым израильтяне встретились, ступив на землю обетованную. Хорошо известен перечень племен, упоминающихся в книге Бытия (XV. 19—21), — кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, ферезеи, рефаимы, аморреи, хананеи, гергесеи, иевусеи, а также более кратко в кн. Иисуса Навина (11.10) — хананеи, хеттеи, евеи, ферезеи, гергесеи, аморреи, иевусеи. С тем же представлением о хеттах как об исконно палестинском племени мы встречаемся и в других местах Ветхого завета: Авраам покупает пещеру Махпелу около Хеврона у сынов Хета (Бытие XXIII). Исав берет в жены хеттеянок (Бытие XXVI. 34; XXXVI. 2), Ханаан родил Хета (Бытие X. 15), Иерусалим — незаконный отпрыск аморрея и хеттеянки (Иезекииль. XVI. 3). В одном месте (Числа XIII. 30) уточняется район Палестины, населенный хеттами: «Амалик живет на южной части земли, хеттеи, иевусеи и аморреи живут на горе, хаяанеи же живут при море и на берегу Иордана». Из книги Иисуса Навина (I. 2—4) как будто следует, что хетты населяли всю территорию между Ливаном и Евфратом, но смысл текста не очень ясен.

Во всем этом нет ничего, позволяющего заключить, что хетты играли главенствующую роль по сравнению с иевусеями или гергесеями. Однако, когда мы переходим ко временам монархии, картина становится совсем другой. Хеттские жены Соломона (3-я книга Царств XI. 1) считаются чужестранками вместе с моавитянками, аммонитянками, идумеянками и сидонянками. Более того, мы находим в двух местах ссылки на «хеттских царей». Во 2-й книге Паралипоменой (I. 17) говорится о том, что Соломон ввозил лошадей из Египта и продавал их «царям хеттским и царям арамейским»; в 4-й книге Царств (VII. 6—7) мы читаем о том, что стану сирийскому послышался шум коней и колесниц и сказали они друг другу: «Верно, нанял против нас царь израильский царей хеттских и египетских... и встали и побежали в сумерки». Влияние царей, внушавших такой ужас, не должно было ограничиваться пределами их царств.

Когда исторические хроники Египта были (расшифрованы, оказалось, что цари XVIII династии имели сношения со страной, называвшейся Хета, начиная с тех лет, когда Тутмос III проник на север Сирии и перешел Евфрат в XV в. до н. э. Народ Хеты со своими многочисленными союзниками сражался проптив Рамсеса II в битве при Кадеше «а реке Оронт; эта битва с большими подробностями была описана египетским поэтом Пентауром.

Тот же царь в более поздний период своего царствования заключил с хеттами договор, текст которого был высечен на стене великого храма в Карнаке. Кто мог сомневаться, что народ Хеты в египетских текстах и хетты в Ветхом завете представляли собой одно и то же? Этот факт, казалось, получил подтверждение, когда началась дешифровка клинописных ассирийских надписей и обнаружилось, что со времени Тиглатпаласара I

(около 1100 г. до н. э.) Сирия была известна ассирийцам как «страна Хатти» со столицей в Каркемише. Тогда наличие хеттских поселений в Палестине в эпоху израильской оккупации или даже во времена Авраама выглядело естественным.

Так обстояло дело в 1876 г., когда А. Г. Сейс в докладе, прочитанном Обществу библейской археологии, предложил приписать хеттам найденные в Хаме (библ. Хамат) и в Алеппо базальтовые блоки, покрытые странными письменами. Один из хаматских камней был обнаружен еще в 1812 г. путешественником Буркхардтом, который в книге «Travel in Syria» («Путешествия по Сирии») сообщал, что в одном из домов на базарной площади, в углу стены, находится «камень со множеством фигурок и анаков, напоминающих иероглифы, хотя и не похожих на египетские». Однако это сообщение прошло почти незамеченным, пока в 1870 г. двум американским путешественникам, Джонсону и Джессапу, не удалось найти еще пять подобных камней в стенах домов Хамы. Враждебность местных жителей, однако, помешала им получить надежные копии надписей, и лишь в 1872 г., когда Уильям Райт, миссионер в Дамаске, посетил Хаму в сопровождении турецкого правителя Сирии, эти надписи стали доступны для науки. Паша приказал выломать эти пять камней из стен домов и послал их в Константинопольский музей, впрочем лишь после того, как Райт сделал слепки с надписей. Один набор слепков был послан в Британский музей, другой — в фонд палестинских изысканий.

На камень из Алеппо, встроенный в стену мечети, впервые обратили внимание в 1871 г. Местные жители верили, что камень обладает способностью исцелять воспаление глаз, и целые поколения страдающие этим недугом терли глаза о его поверхность, сглаживая ее. Впоследствии сообщалось, что камень исчез, однако в действительности он был спрятан местными жителями и спустя много лет водворен на место.

Такие же письмена были найдены И. Д. Денисом в большом наскальном изображении над рекой в Ивризе, в горах Тавра. Девис назвал тогда это письмо «хаматским». Сочетание письма и рельефа позволило Сейсу установить некую общность ряда сходных памятников, сообщения о которых поступали из отдаленных частей Малой Азии в течение уже многих лет. Среди них на первом месте были остатки строений и наскальные изображения около Богазкёя и около деревни Аладжа-Хююк в излучине реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак), описанные Шарлем Тексье в 1839 г. и Уильямом Гамильтоном в 1842 г. Над обрывистой частью холмов, возвышавшихся над Богазкёем, можно было видеть массивные стены и укрепления того, что, несомненно, было некогда важным городом-крепостью; в двух милях поодаль выступала отвесная скала, известная под названием Язылыкая («исписанная скала»). На стенах ее естественного уступа, образующего крытую кишу, был высечен выпуклый рельеф, изображавший две встречные процессии фигур, сходящихся в середине задней стены. В центральной части развалин города около Богазкёя стоял сильно выветрившийся камень (Нишан-Таш) с хеттской иероглифической надписью; фигуры в Язылыкая также имели по сторонам иероглифические надписи. В Аладжа-Хююке стояли ворота с огромными сфинксами по сторонам. За воротами находилось множество обломков, покрывавших остатки бывшего древнего города или обширного строения. Дальше к западу располагались скальные рельефы в Гявур-Калеси («Крепость Неверных»),

а в холмах над Смирной виднелись другие скальные скульптуры, известные со времен Геродота, который описал их изображения нимфы Ниобеи и египетского царя Сесостриса. А. Г. Сейс осмотрел «Ниобею» и «Сесостриса» в 1879 г. и в 1880 г. прочел в Обществе библейской археологии новый доклад, в котором уверенно заявил, что эти и другие анатолийские скульптуры являются хеттскими памятниками и что в древние времена вся горная страна, лежащая к северу от Месопотамии, включая всю Малую Азию, несомненно, была населена хеттскими племенами.

Все это пробудило широкий интерес, и в течение следующих двадцати лет все большее количество археологов стало посещать Турцию. Наградой им было открытие множества новых аналогичных скульптур, в особенности в районе гор Тавра и Антитавра. Выдающимися были экспедиции Хуманна и Пухштейна (1882/83), Рамсея и Хогарта (1890), Шантре (1893), Хогарта и Хэдлема (1894), Андерсона и Кроуфута (1900). Раскопки в Каркемише, предпринятые Британским музеем в 1879 г., выявили ряд иероглифических надписей, а также другие памятники. При раскопках в Вавилоне в 1899 г. была найдена стела с подобными же надписями, а в период между 1888 и 1892 гг. множество памятников сходного стиля было раскопано в Северной Сирии немецкой экспедицией в Зейнджирли. Таким образом, когда в 1900 г. Л. Мессершмидт предпринял публикацию корпуса хеттских надписей, в него вошло около девяноста шести значительных памятников, содержащих надписи, не считая многочисленных печатей и оттисков с них.

Тем временем многое в истории хеттов прояснилось после открытия в 1887 г. телльамарноких писем — глиняных табличек с клинописью, большей частью на аккадском языке, содержащих дипломатическую и административную переписку царя Эхнатона и его отца Аменхотепа III (за последние несколько лет его царствования), что охватывало период приблизительно с 1370 по 1348 г. до н. э. В письмах от палестинских и сирийских вассалов содержались частые упоминания о царе Хатти и передвижении его войск; более того, среди писем одно было от самого Сушшлулиумы, царя Хатти, поздравлявшего Эхнатона с его восшествием на престол. Там были также два письма на неизвестном языке, одно из которых предназначалось царю некой страны, называвшейся Арцава; норвежский ученый И. А. Кнудтсон изучал эти письма в 1902 г. и указал на то, что этот язык имеет видимое сходство с семьей индоевропейских языков, но к этой точке зрения отнеслись в то время с большим скепсисом. Несколько фрагментов текстов на том же языке были также приобретены Э. Шантре в 1893 г. недалеко от Богазкёя.

Теперь многим ученым стало ясно, что раскопки в Богазкёе обещают принести богатые результаты. Д-р Гуго Винклер добился концессии на раскопки, представляя Немецкое восточное общество, и в 1906 г. под его руководством работа была начата. Результаты не только оправдали, но и превзошли все ожидания. Было открыто около 10 тыс. клинописных табличек, и стало сразу ясно, что археологи нашли царский архив. Оказалось, что большинство этих табличек было написано на том же языке, что и оба послания из «Арцавы», и не поддавалось прочтению, но некоторые из них были на хорошо известном аккадском языке Вавилонии, и предварительное их изучение показало, что столица «страны Хатти» была именно здесь. «Арцавский» язык был, очевидно, официальным языком этого «царства Хатти», и так же как ранее слово «хеттский» связывалось с иероглифическими письменами Хамы, так теперь слово «хеттский» заменило термин «арцавский» для обозначения языка клинописных текстов. Ибо что же означало «хеттский», как не передачу изначального «хатти»? Что касается датировки клинописных табличек, то благодаря счастливейшей случайности в первый же сезон раскопок был найден документ, который оказался хеттским вариантом уже упомянутого договора между Рамсесом II и царем Хатти; египетский вариант этого договора был датирован 21-м годом царствования фараона (*фактически «египетский» вариант представляет собой перевод текста, составленного хеттами и посланного в Египет, тогда как «хеттский» вариант является копией аккадского текста, составленного египтянами.*). Значит, здесь, а не в Сирии была столица этой «Великой Хеты», которая платила дань Тутмосу III, а затем сражалась и заключила мир с Рамсесом II. В предварительном сообщении Г. Винклера об этих табличках, опубликованном в 1907 г., приводился список царей Хатти, от Суппилулиумы в первой половине четырнадцатого столетия до Арнуванды в конце

тринадцатого, после чего записи резко обрывались. Был сделан вывод, что в течение этих 200 лет каппадокийское хеттское царство главенствовало над другими государствами великой хеттской конфедерации, такими, как Каркемиш, Мелид и Хамат, упоминавшиеся в ассирийских хрониках; что это царство было опустошено около 1200 г. до н. э. вторгшимся народом мушки (в восьмом столетии ассирийцы обнаружили, что мушки все еще оккупируют эту часть страны) и что другие хеттские государства затем попросту восстановили свою независимость под гегемонией Каркемиша. Мы увидим, впрочем, что сирийские хеттские царства I тыс. до нашей эры, за исключением самого Каркемиша, были новыми государствами, возникшими после падения каппадокийского царства. Однако преэминентность иероглифической письменности была установлена не только надписями на камне Нишан-Таш, стоявшем в середине огражденной части Богазкёя, но также и наличием иероглифических знаков в оттиске печати на одной из клинописных табличек.

Весьма ценное обобщение достигнутого к этому времени прогресса в открытии заново хеттов и их памятников содержалось в публикации Дж. Гэрстэнга в 1910 г. Он много путешествовал по Малой Азии весной 1907 г. и посетил Г. Винклера в Богазкёе. В его книге «The land of the Hitties» (Страна хеттов) наряду с обзором хеттских памятников содержится привлекательное описание местности, где они были найдены, а также дается резюме истории хеттов, основанное на докладе Винклера. Эта книга стала на много лет образцовой работой в своей области. Раскопки Дж. Горстэнга в Сакджагёзо в Северной Сирии обнаружили остатки дворца позднейшей хеттской эпохи, украшенные барельефами, но ничего не добавили к нашему пониманию истории хеттов; в самом деле, древнее название этого места до сих пор неизвестно.

Начавшаяся в 1914 г. война сделала невозможными дальнейшие изыскания, а также отрезала английских ученых от немецких коллег, занявшихся теперь изучением богатых первоисточников из богазкёйских архивов. Исследование грамматики клинописного хеттского и факсимиле хеттских текстов впервые были опубликованы в Германии в годы войны, а когда после войны контакты снова возобновились, то уже существовала значительная литература по этому вопросу; английская наука здесь представлена не была. Тем не менее в 1911—1914 гг. Британский музей обогатился новыми поступлениями многих каменных памятников и иероглифических текстов, обнаруженных в Каркемише второй экспедицией под руководством Д. Г. Хогарта, Л. Вулли и Т. Е. Лоуренса. Таким образом, пока развивалась чисто немецкая хеттология, посвященная изучению клинописных табличек, небольшая группа английских энтузиастов стремилась сосредоточиться на дешифровке иероглифического письма и изучении искусства хеттов. Опыты дешифровки были опубликованы Сейсом, Коули и Кэмпбелл Томпсоном. На деле эта задача оказалась очень сложной, и их труды были в значительной мере напрасны.

Дело в том, что единственный текст, имевший сколько-нибудь существенное значение, находился на серебряной полусферической накладке «печати Таркондемоса», о которой А. Сейс написал в 1880 г. статью. Но этот текст содержал только десять клинописных и шесть иероглифических знаков, да и саму клинописную надпись можно было интерпретировать по-разному. Более полезным для дешифровки было отождествление ряда топонимов и некоторых имен собственных, известных из ассирийских надписей той же эпохи. Опираясь на них, пять ученых — Боссерт (немец), Форрер (швейцарец), Гельб (американец), Грозный (чех) и Мериджи (итальянец), — работая независимо, достигли значительной степени согласия в оценке фонетического значения большинства знаков и определили общую структуру языка. Но только открытие длинной двуязычной надписи в Каратепе в 1947 г., которая описана ниже, дало ключ к пониманию смысла многочисленных идеограмм и возможность достигнуть нынешнего уровня дешифровки, при котором всё, кроме самых архаических надписей, более или менее понятно.

В Берлине изучение клинописных табличек из Богазкёя было поручено Немецким восточным обществом группе ассириологов. Началась публикация факсимиле клинописных текстов. Прошло немного времени, и были получены сенсационные результаты в области лингвистики. В 1915 г. Б. Грозный опубликовал свой первый набросок хеттской грамматики и показал, что этот язык, несомненно, имеет индоевропейскую структуру, как это утверждал Кнудтсон в 1902 г. Вскоре вышло более

детальное исследование хеттского языка Б. Грозного под заглавием «Die Sprache der Hethier» («Язык хеттов»). К сожалению, Б. Грозный, который не был филологом-индоевропеистом, распространил свою концепцию на словарный состав хеттского языка и слишком вольно приписывал хеттским словам значения, исходя лишь из их сходства со словами других индоевропейских языков. В результате многие филологи полностью отвергли его концепцию, хотя в действительности многое в ней было вполне обоснованным.

Необходимые коррективы внес в 1920 г. Ф. Зоммер, выдающийся филолог, достигший в ассириологии достаточного уровня, чтобы прочесть опубликованные тексты. Зоммер утверждал, что успеха можно добиться, лишь соблюдая строжайшие требования: словам следует приписывать определенные значения, только основываясь на сравнении всех контекстов, где эти слова когда-либо встречались, а не пользуясь обманчивыми этимологиями. Этот метод был бы едва ли применим, если бы не широкое использование «аллографий» в хеттских текстах, когда писцы заменяли распространенные хеттские слова соответствующими шумерскими или вавилонскими с целью сокращения (см. ниже). Поскольку это делалось беспорядочно, мы встречаем в дублированных текстах и аккадские, и шумерские эквиваленты хеттских слов; и даже там, где нет дубликата, многие фразы так изобилуют аккадскими и шумерскими словами, что смысл промежуточных хеттских слов становится вполне очевидным. Известную помощь принесли фрагменты словарей, содержащие шумерские, аккадские и хеттские слова в параллельных колонках; впрочем, в целом эти словари принесли разочарование, отчасти потому, что были сильно повреждены, а отчасти потому, что состояли из слов, редко встречавшихся в самих текстах. Когда в конце концов значение ряда хеттских слов было установлено вышеуказанным методом, стало возможным распространить его на фразы, и таким образом Ф. Зоммер и его коллеги И. Фридрих, Х. Элольф и А. Гётце, постоянно продвигаясь от известного к неизвестному, довели постепенно наши знания хеттского языка до того уровня, при котором исторические тексты можно в общем перевести от начала до конца с почти полной уверенностью, хотя многие религиозные и другие тексты содержат места, все еще ставящие толкователя в тупик. В общем, большинство наилучшим образом сохранившихся исторических текстов было издано и переведено, на немецкий к 1933 г.

Тем временем Э. Форрер с энтузиазмом занялся главным образом реконструкцией истории хеттов. Работая независимо от Б. Грозного, он также составил набросок хеттской грамматики; тем не менее он не может претендовать на первенство в этой области. Э. Форреру удалось собрать и издать в одном томе почти все исторические тексты, относящиеся к периоду Древнего царства (см. ниже), и реконструировать полный перечень царей Хатти. Эта работа надолго сохранила свое значение. Его резюме языковой природы хеттского архива как целого, с его восемью языками, стало хорошо известным. Но наибольшую сенсацию вызвала его работа, опубликованная в 1924 г., в которой он заявил, что обнаружил упоминания о гомеровских греках или ахейцах и даже о конкретных лицах, таких, как Андрей и Этеокл из Орхомена и Атрей из Микен. Он основывал свои утверждения на неопубликованных источниках, что не помешало многим ученым, включая А. Сейса, принять их с тем же энтузиазмом, с которым они были сделаны. Однако И. Фридрих в статье, опубликованной в 1927 г., подверг их резкой критике. И затем многие учёные стали относиться ко всему этому с крайним скептицизмом, как и к индоевропейской теории Б. Грозного. И здесь Ф. Зоммер предпринял научный анализ всех относящихся к делу материалов; результаты его работы были опубликованы в монументальном томе «Die Ahhijava-Urkunden» («Хеттские источники об Аххияве») в 1932 г. Ниже будет изложено современное состояние этого вопроса, вытекающее из упомянутой и более поздних публикаций.

Статья о хеттах, написанная Б. Грозным для 14-го издания Британской энциклопедии (1929), была первой попыткой синтеза знаний о жизни и культуре хеттов, знаний, почерпнутых из текстов. Первое же полностью Документированное и систематическое описание хеттской цивилизации мы находим в мюллеровском "Handbuch der Althertumwissenschaft" (1933 г.), в томе о Малой Азии, принадлежащем перу А. Гётце. Он проявил такое мастерство в обращении с материалом и сумел так ясно изложить его, что,

хотя с тех пор пришлось заполнить ряд пробелов, здание, которое он возвел, все еще стоит неколебимо. Его труд неизбежно лег в основу этой книги, так же как и всех предшествовавших. Первым значительным шагом в области хеттологии за пределами Германии были «Elements de la grammaire Hittite» («Элементы хеттской грамматики») Л. Деллапорта, изданные в 1939 г. В 1930 г. по инициативе Л. Деллапорта, Е. Кавиньяка и А. Жюре в Париже было основано «Société des Etudes Hittites et Asiatiques», которое стало издавать журнал «Revue Hittite et Asiatique», посвященный изучению хеттских и анатолийских проблем. В Америке Е. Х. Стертевант, возглавивший группу филологов-индоевропейцев, занявшихся хеттским языком с точки зрения сравнительной лингвистики, опубликовал в 1933 г. «A Comparative Grammar of the Hittite Language» («Сравнительную грамматику хеттского языка»). Эта работа подверглась суровой критике за легковесные выводы в области сравнительной этимологии. Впрочем, в качестве описательной грамматики, подытоживающей (работу немецких ученых, она была очень своевременна и превзошла все предшествующие попытки подобного рода, включая и работу Деллапорта.

Грамматика Е. Х. Стертеванта продержалась в течение семи лет. Лишь в 1940 г. из-под пера одного из пионеров хеттологии вышла описательная грамматика хеттского языка, принявшая наконец законченный вид. Это была «Hethitisches Elementarbuch» («Элементарный курс хеттского языка») Й. Фридриха, которая, вероятно, останется нормативной работой в своей области еще в течение долгого времени. «Hethitisches Wörterbuch» («Хеттский словарь») того же автора (1952) снабдил ученых подобным же нормативным трудом в области лексикографии, превзойдя «Hittite Glossary» («Хеттский глоссарий») Стертеванта (1935).

На самих же хеттских землях раскопки возобновились в конце 20-х годов. Этому способствовали новые условия, существенно отличавшиеся от тех, которые имели место при довоенном турецком режиме. Х. Х. фон дер Остен и И. Й. Гельб, работавшие от Чикагского университета, совершили обширные поездки по Малой Азии и обнаружили ряд новых памятников. Фон дер Остен предпринял также раскопки в хеттском городище Алишаре, благодаря чему была установлена хронология разных видов керамики бронзового века в Анатолии. Деллапорт начал раскопки в Малатье в 1932 г. В самом Бозазкёе раскопки возобновились в 1931 г. под руководством К. Биттеля и продолжались из года в год до начала второй мировой войны.

В Сирии в этот период раскопки велись в Хаме (Хамат) датской экспедицией под руководством Гарольда Ингольта, в Телль-Тайнате — экспедицией в Чикаго и, наконец, в Телль-Атчане — Л. Вулли. Самым примечательным было возросшее участие самих турок в изучении всего, связанного с хеттами, которое велось под руководством Г. Г. Гютербока, профессора хеттологии в Анкарском университете с 1935 по 1948 г. (*Проф. Г. Гютербока достойно заместил турецкий хеттолог Д-р Седат Альп, получивший образование в Германии.*), а также Х. Т. Боссерта, директора Отдела ближневосточных исследований Стамбульского университета. Боссерту и его турецким помощникам мы обязаны открытием одного из самых важных хеттских иероглифических памятников и двуязычной надписи в Каратепе. На вершине этого холма, расположенного высоко в предгорьях Тавра, недалеко от реки Джейхан (античный Пирам), находится хеттская крепость позднего периода, впервые привлекавшая внимание проф. Боссерта в 1946 г. Раскопки были начаты осенью 1947 г., и обнаружилось, что крепость имеет два привратных строения, обращенные на север и на юг; к каждому из них ведет коридор, сложенный из камней, покрытых надписями. В обоих коридорах надпись по левую руку, сделана на древнем финикийском языке, а по правую руку надпись высечена хеттскими иероглифами, и содержание надписей по ту и другую сторону одинаково; фактически мы имеем здесь двуязычный текст — и на финикийском и на хеттском иероглифическом. Еще один такой же текст на финикийском языке высечен на статуе, лежавшей тут же, на поверхности. По страшной случайности такой крупный и важный памятник ускользал от внимания исследователей в течение многих лет. Хеттский и финикийский тексты не полностью идентичны, но между ними имеется очень близкое соответствие. Поэтому, хотя многие проблемы так и остались нерешенными, это открытие существенно продвинуло нас в понимании иероглифических надписей.

Рассказ о раскопках в хеттских землях был бы неполным, если бы мы не упомянули американскую экспедицию под руководством проф. Хетти Гояьдман, которая вела работы в Тарсусе в Киликии с 1935 по 1949 г.; нейлсоновскую экспедицию под руководством проф. Джона Гэрстанга, которая обнаружила часть хеттской крепости и более ранние материалы в Юмюктепе около Мерсина; турецкие экспедиции: раскопки близ Аладжа-Хююка под руководством доктора Хамита Кошаи; в Кюльтепе, Фыракдыне, Кара-Хююке (Эльбистане) и Хорозтепе под руководством профессора Тахсина Эзгюча; в Кара-Хююке (Конья) под руководством проф. Седата Альпа. В Тарсусе и Аладжа-Хююке нашли одну хеттскую табличку, а в Кара-Хююке (Конья) обнаружили много хеттских печатей и оттисков печатей.

Из дальнейшего рассказа мы увидим, что в значительной степени в силу обстоятельств различные ветви науки о хеттах одно время имели тенденцию развиваться независимо. У английского читателя «хетты» ассоциировались с иероглифическими письменами и каменными памятниками, а не с глиняными табличками и клинописными текстами из Богазкёя, поскольку в Англию их попало сравнительно мало. С другой стороны, Анатолийское хеттское царство изучалось в его культурном, а также в историческом и лингвистическом аспектах совершенно изолированно. Эта тенденция усиливалась еще и тем, что эпохальный труд Гётце был посвящен исключительно Малой Азии как таковой. Действительно, Гётце занимал крайнюю позицию, считая, что только Анатолийское царство имело бы право называться «хеттским» и что так называемые «хеттские» памятники представляют собой образцы не хеттского, а хурритского искусства. Однако в последние годы, с тех пор как было установлено, что «иероглифический хеттский» хотя и не тождествен «клинописному хеттскому», но тесно связан с ним, снова возникла тенденция к синтезу и к признанию вновь того, что анатолийские и сирийские царства должны в конце концов рассматриваться как части единого целого. И все же благодаря тому, что иероглифические надписи (в той мере, в какой их удалось прочесть) представляют собой главным образом формулы посвящения, мы все еще мало знаем о сирийских хеттах, если не считать характерных черт их искусства и схематического очерка их внешнеполитической истории. В настоящее время таблички из Богазкёя, и только они одни, позволяют нам иметь некоторое представление о жизни и образе мыслей этого древнего народа, и именно поэтому анатолийское царство занимает в нашем обзоре такое большое место. Это место несоразмерно со временем существования этого царства по сравнению с сирийскими государствами. Мы надеемся, что интерес, который представляют клинописные тексты сами по себе, послужит достаточным извинением для такого подхода.

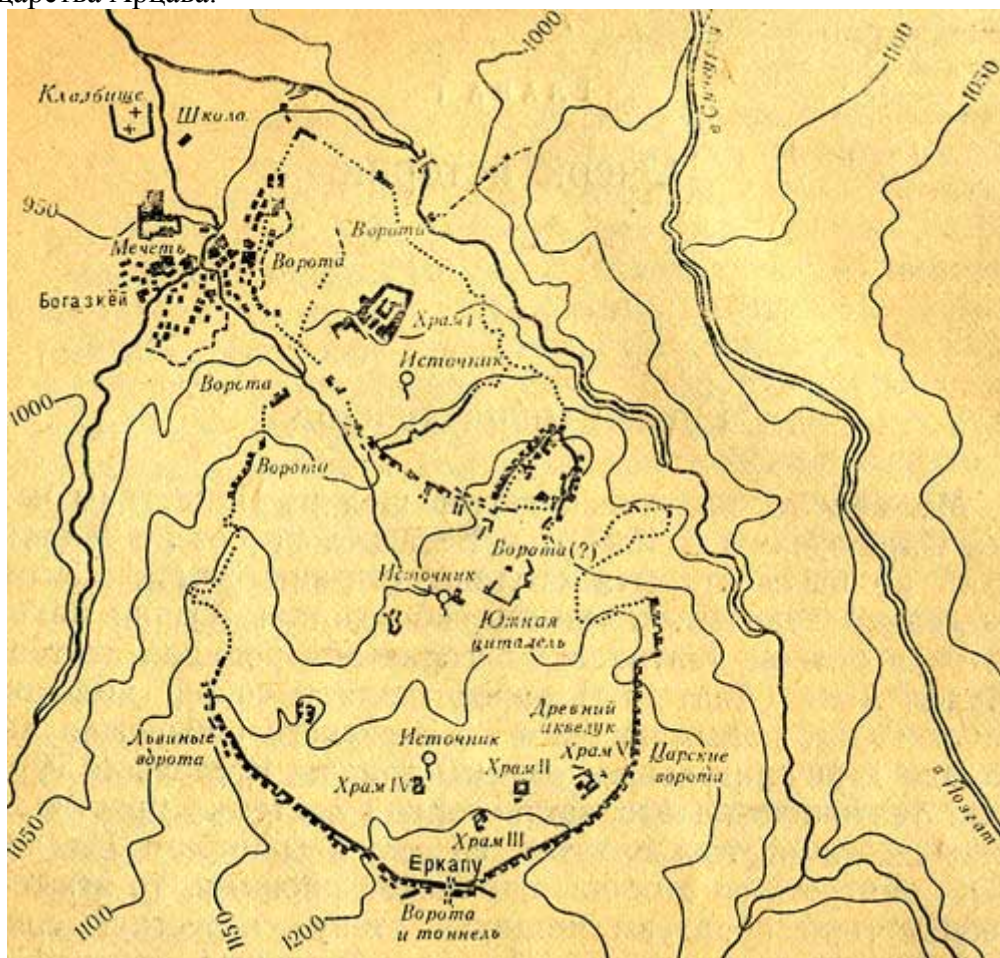
Глава I. Очерк истории

1. Древнейший период

Мы видели, как поиск хеттов шел из Палестины через Сирию, пока в 1907 г. в Богазкёе на севере Малой Азии не была открыта столица «страны Хатти». Этот последний этап знаменателен, ибо долины Сирии находятся в резком контрасте с гористой родиной хеттов. «Малая Азия (Анатолия) представляет собой высокое плоскогорье, поднимающееся от Эгейского побережья на западе к внушительным горным грядам Восточной Турции: тектонически это часть горной системы, простирающейся на восток, а затем на юг, к границам Индии. Если смотреть со стороны сирийской равнины, то эти северные горы образуют мощную стену, известную еще римлянам под названием Тавра. Античные географы считали, что Тавр делит все, что лежит к востоку от Средиземного моря, на «внутреннюю» и «внешнюю» (т. е. северную и южную) половины. Однако если смотреть с анатолийского плато, то вид на юг преграждается только западным отрогом Тавра. На востоке доминируют другие горы, и в первую очередь высокий конус потухшего вулкана Эрджияс Дага, древнего Аргея, возвышающегося на 12000 футов с лишним, а за ним цепь гор Антитавра, отходящая вкось на северо-восток от Тавра и вливающаяся в великий массив восточного нагорья. Этот отрог Антитавра изолирует реки плоскогорья от рек Месопотамии на востоке и рек Киликии на Юге. В центре плоскогорья находится неглубокий водоем, воды которого не имеют выхода к морю и просачиваются в соленое озеро (по-турецки Тузгёль). Далее к северу идет подъем, доходящий до ряда полеречных

хребтов, идущих от восточного массива, а затем начинается окончательный спуск к черноморскому побережью. Густые леса, орошаемые водой, спадавшей каскадами со склонов холмов, делали эту местность всегда труднодоступной.

Река Кызыл-Ирмак, известная историкам античности как Галис, а хеттам, вероятно, как Марассантия (Согласно некоторым новейшим исследованиям, Марассантия не идентифицируется с Галисом.— Примеч. ред.), берет начало в горах на востоке и течет довольно далеко на юго-запад; затем, когда она подходит к соленому озеру, вторичная гряда гор преграждает ей путь, и тогда река изгибается так, что начинает течь в обратном направлении и, прорвавшись через северные горы в северо-восточном направлении, впадает в Черное море. Территория, где жили хетты и с которой мы преимущественно будем иметь дело, включает в себя излучину Галиса в его среднем течении и долину к югу от озера; эта область со всех сторон окружена горами: на востоке — Антитавром и горами за ним, на юге — Тавром, а на западе и севере — рядом разрозненных хребтов. Прибрежные области к северу и югу сюда не включались, а западная половина полуострова, по-видимому, находилась длительное время под властью соперничавшего с хеттами царства Арцава.

Хаттуса, столица хеттов, лежала на северном склоне одного из горных кряжей, там, где плато начинает спуск к Черному морю. Два потока, текущие на север с этих гор по крутым, каменистым руслам, встречаются у подножия склона близ современной деревни Богазкёй. На отроге горы, которую эти потоки огибают с двух сторон; было обнаружено самое древнее поселение в Хаттусе. Оно представляет собой как бы естественное укрепление; отсюда открывается прекрасный вид на долину, защищенную на севере только ближайшей грядой Понтийских холмов, лежащих в пятнадцати милях отсюда. Лежит оно также у скрещения двух самых древних торговых путей: один вел от Эгейского побережья через нижнее течение Галиса к Сивасу и на восток, другой — на юг, от черноморского порта Амисуса (Самсун) к киликийским воротам. Оставалось лишь связать город с этими путями, для того чтобы он стал центром радиально расходящейся сети стратегических дорог.

Историческая «страна Хатти», какой мы ее знаем во II тыс. до н. э., была государством, а позднее империей, созданной царями, правившими из этой горной цитадели. Это царство и

его официальный язык стали известны под названием «хеттские», теперь это название укрепились. Но «хеттский» язык не был местным языком в Малой Азии, и название Хатти дал этой стране народ, обитавший там ранее, который мы называем хаттами. Индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов. Предположительно в то же самое время и другие индоевропейские диалекты (лувийский, палайский, ликийский и «иероглифический хеттский») утвердились в других частях Анатолии (см. гл. VI). Таким образом, ни один из этих индоевропейских народов-завоевателей не называл себя хеттами или как-нибудь подобно до появления в местах обитания племен хатти.

Согласно преданию, имевшему хождение около 1400 г. до н. э., Нарам-Суэн, четвертый царь аккадской Династии (ок. 2200 г. до н. э.), сражался с коалицией из семнадцати царей, среди которых упоминается царь Хатти по имени Памба. Считается, что другим членом коалиции был царь Амурру по имени Хуварува; полагали, что его имя относится к «иероглифическому» языку. Это позволяет думать, что по меньшей мере одна группа индоевропейских пришельцев уже находилась в области Хатти, хотя и не владела ею. Однако неясно, как интерпретировать имя Хуварува; в самом деле, Амурру не та область, где бы мы могли рассчитывать обнаружить первых индоевропейцев Анатолии. Кроме того, к самому документу в целом надо относиться с осторожностью. Верно, что война Нарам-Суэна с коалицией восставших царей — факт исторический, о котором сообщается в одной из его собственных надписей. Но этот и другие эпизоды, связанные с аккадской династией, стали легендами и постепенно искажались; другая версия этого рассказа имеется на одной из вавилонских табличек, относящихся приблизительно к 1700 г. до н. э., причем имена в обеих версиях не совпадают. Поэтому рискованно использовать этот или другой подобный текст в качестве исторического документа.

Подлинная история хеттов начинается в Анатолии около 1900 г. до н. э. с прибытием на плато ассирийских торговцев, когда население Ашшура было уже знакомо с вавилонским клинописным письмом; глиняные таблички, на которых эти ассирийские торговцы вели повседневную деловую переписку со своей столицей, были найдены в большом количестве во многих местах, но преимущественно в Кюльтепе (древнем Канише) около Кайсери. Среди многочисленных неассирийских имен, встречающихся в этих документах, некоторые можно считать хеттскими. Тем не менее даже этого скудного материала достаточно для предположения, что к этому времени хетты уже обосновались в этих местах.

Очень немного узнаём мы из этих табличек о местном населении и его истории. Но в них сообщается о правителях и их дворцах, и мы убеждаемся, что страна была разделена на, по меньшей мере, десять небольших царств. По-видимому, поначалу город Бурушхаттум (хеттский Пурусханда) занимал среди них главенствующее положение, поскольку его правитель выделялся среди остальных титулом «Великий правитель». Имена местных царей известны нам лишь в редких случаях, но нам посчастливилось обнаружить три таблички с именами некоего Питханы и его сына Анитты. Оба они известны нам из примечательного хеттского текста, который в том виде, в котором мы им располагаем, датируется не ранее чем 1300 г. до н. э. В этом тексте Анитта (такова хеттская форма его имени), сын Питханы, царь Куосары, излагает — явно своими словами — историю борьбы своей и своего отца за власть с соперничавшими городами Неса, Цалпува, Пурусханда, Салативара и Хатти (Хаттуса). Эти города были успешно покорены, а последний из них (к тому же хорошо известный как столица хеттского царства) был полностью разрушен и предан проклятию. Одержав победу, преодолев всякое сопротивление, царь Анитта перевел свою резиденцию в город Несу, который, вероятно, можно отождествить с Напишем (Кюльтепе). Там был найден кинжал, на котором было написано его имя. Таким образом, к концу своего царствования царь Анитта, по-видимому, управлял большей частью каппадокийского плоскогорья.

Естественное предположение, что так называемая надпись Анитты представляет собой попросту более позднюю копию надписи, составленной самим царем, ведет к серьезным трудностям. Дело в том, что тип клинописи, которую употребляли хетты, совершенно не похож на клинопись, употреблявшуюся ассирийскими торговцами; приходится

предположить, что хетты заимствовали свое письмо из источника, еще неизвестного нам, во времена, когда ассирийцы уже не жили больше среди них. Поэтому Анитта, который был современником ассирийцев, едва ли мог писать «хеттской клинописью», если этим письмом стали пользоваться в стране лишь после того, как его время прошло. На каком же языке тогда он писал? Такие изысканные надписи не создаются в литературном вакууме. Однако до сих пор не было обнаружено ни одного образца анатолийской царской надписи этого периода. Высказывались даже предположения о существовании литературы, которая оказалась для нас утрачена, будучи, возможно, зафиксирована хеттскими иероглифами на каком-нибудь непрочном материале, например дереве. Но поскольку дошедшие до нас ранние иероглифические надписи носят краткий и официальный характер, кажется маловероятным, что такая литература могла существовать в ту раннюю эпоху, даже если «писцы по дереву» и упоминаются довольно часто в более поздних хеттских текстах. Может быть, дальнейшие раскопки дадут нам свидетельства того, что местные властители составляли надписи на аккадском языке, тогда мы сможем думать, что надпись Анитты представляет собой перевод с этого языка.

В настоящее время нам приходится считать, что деяния Анитты стали легендарными и позднее были переработаны в апокрифическую «царскую надпись». Утверждение, что Анитта получил в качестве дани от города Пурусханда среди прочего такие крупные предметы из железа, как скипетр и трон, выглядит, конечно, анахронизмом.

Торговая деятельность ассирийцев в Каппадокии, процветавшая в течение более столетия, вдруг внезапно прекратилась. Это случилось, по-видимому, в царствование Анитты. Неизвестно, произошло ли это в результате завоеваний Анитты или какого-либо бедствия, обрушившегося в то время на город Ашшур. Ничто не говорит нам о том, что отношение местных правителей к ассирийцам было хоть сколько-нибудь недружелюбным. В самом деле, нам легко себе представить, что местные властители приветствовали иностранных торговцев, доставлявших им блага более высокой цивилизации Месопотамии.

Как связан Анитта с царством Хатти? С одной стороны, Куссара, его столица, во времена ранних хеттов была, очевидно, царской резиденцией, если не фактическим административным центром, и это навело ученых на мысль, что хеттская царская линия действительно велась от Анитты. Но ни один хеттский царь никогда не выставлял Анитту в качестве своего предка; поэтому другие ученые говорили, что разрушение Хаттусы и особая враждебность, которую Анитта выказал по отношению к этому городу, доказывают, что он принадлежал к линии, чуждой царям, сделавшим впоследствии Хаттусу своей столицей.

2. Древнее царство

Более поздние хеттские цари любили вести свою родословную от древнего царя Лабаоны, и можно сказать, что с ним начинается история хеттов, хотя, по-видимому, он не был первым в роду. Не сохранилось ни одной подлинной надписи этого монарха, но о его деяниях поведал один из его преемников, и у нас нет оснований подвергать сомнению эту запись.

Прежде царем был Лабарна; затем его сыновья, его братья, его родственники по браку и его родственники по крови объединились. И страна была мала, но, куда бы он ни шел в поход, он силой покорял страны своих врагов. Он разрушал страны и делал их бессильными, и моря стали его границами. А когда он возвращался после похода, каждый из его сыновей отправлялся в какую-нибудь часть страны — в Хуписну, в Тувануву, в Ненассу, в Ланду, в Цаллару, в Парсуханду и в Лусну — и правили там, и великие города страны были даны им во владение.

Эта надпись была сделана в целях поучения, а именно для утверждения, что сила царства — в добром согласии между членами царской семьи. Перед нами сильный и единый, крепко спаянный клан, напористый и честолюбивый. Из семи упомянутых городов Туванува — это, несомненно, античная Тиана, а Хуписну обычно отождествляют с Кибистрой; Луона может быть (античной Листрой, хорошо известной из деяний св. Павла. Цаллара и Некасса не были отождествлены с достоверностью, а Парсуханда, вероятно, находилась в том же районе, поскольку в другом месте оказано, что она находилась в

области, называвшейся «Нижняя страна», которая представляет собой долину к юго-западу от соленого озера, частично охватываемого Тавром. Если не считать города Ланда, расположенного, вероятно, на севере, эти города образуют, таким образом, тесную группу, значительно удаленную от Хаттусы; нас не удивляет поэтому предположение, что столицей царства в то время была скорее всего не Хаттуса, а древний город Куосара, местоположение которого, правда, не установлено. Вполне могло быть, что он лежал к югу от Галиса.

Надпись утверждает, что Лабарна расширил свои границы до морей. Это подтверждается другим, значительно более поздним документом, согласно которому он, Лабарна, покорил царство Арцавы, страны, расположенной, несомненно, в западной половине Малой Азии, хотя о точном ее местонахождении все еще идут споры. Таким образом, по-видимому, при первом властителе хеттское царство господствовало на территории, границы которой, по крайней мере на юге и западе, достигали тех пределов, за которые распространились владения наиболее могущественных монархов последующей империи.

Преемник Лабарны Хаттусили I упоминался впоследствии как царь Куассары, и именно в этом городе он произнес свою речь, которая является нашим главным источником информации о политической обстановке страны в период Древнего царства (см. ниже). Тот же документ, однако, свидетельствует о том, что административным центром в конце правления Хаттусили была Хаттуса; а документе, кроме того, сказано, что первоначально его имя, как и имя его отца, было Лабарна, а не Хаттусили. Отсюда мы можем заключить, что этот царь перенес столицу из Куассары в Хаттусу и в результате принял имя Хаттусили. Выбирая эту северную цитадель своей столицей, он, несомненно, руководствовался стратегическими соображениями.

В период царствования Хаттусили и последующие годы хеттское государство начало распространяться к югу и к востоку. Это означало, что армии хеттов прорвались за пределы своих горных границ и пересекли грозный Таврский хребет, через который вело лишь небольшое число троп. Хеттов, вероятно, манили в этот трудный поход богатства южных долин и их древняя цивилизация. Хаттусили, по-видимому, сперва столкнулся с процветающим царством Ямхад со столицей Алеппо (Хальпа хеттов), которое в то время контролировало Северную Сирию. Вряд ли можно сомневаться в том, что Ямхад был покорен, а Алеппо сведен на положение вассала; но город, по-видимому, снова восстал, поскольку следующий царь, Мурсили I, по преданию, разрушил его. Осада Уршу, вероятно, произошла во время одного из этих походов; сохранилось литературное описание этого события (см. ниже, гл. VIII).

Мурсили, не удовлетворившись завоеванием Северной Сирии, продолжал наступать вплоть до Евфрата и напал на великое вавилонское царство амореев, которое пало под его натиском. В вавилонской хронике конца первой вавилонской династии, в которой Хаммурапи был самой заметной фигурой, это событие записано так: «Во времена Самсудитаны люди Хатти двинулись против страны Аккад». Эта знаменательная победа позволяет с большой достоверностью хронологически увязать события хеттской и вавилонской истории. К сожалению, в самой хронологии вавилонского царства до сих пор много спорного. Существует точка зрения, по которой захват Вавилона хеттами произошел вскоре после 1600 г. до н. э.; впрочем, некоторые ученые склонны смещать дату лет на шесть-десять в ту или иную сторону.

Внутренняя организация хеттского царства, однако, еще не достигла тогда той стадии, которая позволила бы ей выдержать напряжение, порожденное событиями громадного масштаба. Следы неустойчивости проявились уже во время царствования Хаттусили. Принцы царского дома под предводительством одного из сыновей царя, которого Хаттусили сам провозгласил своим преемником, подняли мятеж; но царь был достаточно силен, чтобы подавить восстание. Наследника трона лишили прав и изгнали из Хаттусы, а Мурсили, в то время ещё несовершеннолетний юноша, занял его место. Но затянувшееся отсутствие этого молодого царя, занятого походами в чужие страны, создало почву для заговора, по возвращении из Вавилона Мурсили был убит неким Хантили, женатым на сестре царя. Наступил тяжелый период дворцовых убийств и интриг, длившийся в течение нескольких поколений и приведший царство в состояние, близкое к анархии.

Царствование Хантили было отмечено рядом бедствий. Хурриты, жившие в горах вокруг озера Ван и бывшие некогда жертвой нападения со стороны Мурсили, теперь вторглись в восточную часть хеттских владений. Захватчик разрушил города Нерик и Тилиура, располагавшиеся недалеко от столицы, и царь счел необходимым усилить укрепления самой Хаттусы. Хантили и его преемники, по-видимому, потеряли на юге большую часть территории, завоеванной Лабарной, Хаттусили и Мурсили.

Положение в некоторой степени восстановилось, когда около 1525 г до н. э. Телепину, супруг одной из принцесс, захватил трон; ему удалось укрепить свое положение, избавившись от всех иных претендентов на престол, состояние хаоса, в котором страна находилась в течение пятидесяти предшествующих лет, слишком ясно показало, что необходимо укрепить хеттское государство изнутри и ввести закон о престолонаследии; это, по-видимому, и стало главной задачей Телепину. Он составил детально разработанный указ, в котором кратким обзором истории хеттов (начало его цитировалось выше) иллюстрировал опасность раздоров и расколов среди верховных властей и логично подводил к провозглашению четкого закона о престолонаследии и ряда норм поведения царя и знати. Объявленные таким образом законы, по-видимому, соблюдались вплоть до последних дней существования хеттской империи.

Во внешней политике Телепину довольствовался установлением безопасных и хорошо защищенных границ. К северу и востоку от столицы варвары-завоеватели были отброшены на безопасное расстояние и часть территории была, по-видимому, вновь отвоевана. На западе и на юге пришлось, однако, примириться с потерей Арцавы и территорий по ту сторону Тавра, включая всю Сирию. Характерно то, что Телепину был, пожалуй, первым царем, о котором известно, что он заключил договор с иностранной державой. Договор был заключен с государством Киццуватна (в римские времена — Катаония), которое в то время, вероятно, занимало восточную часть киликийской равнины и часть долины по верхнему течению Пирама. Сам договор не уцелел, и мы не знаем его условий. Но поскольку правитель Киццуватны претендовал, по-видимому, на титул «великого царя», а страна была известна в следующем столетии как (могущественное государство, мы можем предположить, что Телепину признал царя Киццуватны приблизительно равным себе.

Телепину обычно считают последним царем Древнего царства. С середины его правления какие-либо исторические источники до нас не дошли, и мы не можем с достоверностью назвать имена непосредственных преемников Телепину. Это довольно темное время приходится на период между царствованием Телепину и Тудхалии II, основателя новой династии и первого царя империи. За этот почти полувековой промежуток времени каких-либо резких перемен не произошло, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Время это не осталось без письменных свидетельств. Свод законов, один из наиболее важных текстов, найденных в Богазкёе (см. гл IV), был составлен одним из преемников Телепину, который, таким образом, продолжал процесс консолидации государства, начатый его предшественником. Подтверждение той же тенденции можно, вероятно, видеть и в том, что особый вид земельной сделки или дарственной на землю, скрепленный оттиском царской печати, относится исключительно к этому периоду.

3. Империя

Образ Тудхалии II (*Есть основания полагать, что династия, основанная Тудхалией II, была хурритского происхождения. Дело в том, что хеттские имена, которые носили эти цари, оказались в действительности их тронными именами; их личные имена, насколько последние известны, были хурритскими, так же как и имена их цариц и братьев. Два таких хурритских имени — это Урхи-Тешуб и Шарри-Кушух; Урхи-Тешуб принял, вступив на хеттский престол, тронное имя Мурсили III, а Шарри-Кушух, брат Мурсили II,— это, несомненно, сын Суппилулиумы, принявший имя Пияссили при назначении царем Каркемиша. Это свидетельствует о сильном хурритском влиянии на хеттскую цивилизацию в период империи, выразившемся, в частности, во введении хурритского пантеона, который может быть прослежен задолго до времен царицы Пудхепы. — Примеч. авт. к исправленному изд.*), основателя той династии, которая позднее создала

хеттскую империю, остается смутным. О нем известно только то, что он вторгся в Алеппо и разрушил его, но это — свидетельство восстановления хеттским царством внутренней стабильности: оно снова получило возможность диктовать свою волю мятежным вассалам.

Время и обстоятельства вторжения в Алеппо точно неизвестны, и это событие приходится соотносить с уже известной историей Сирии XV в. до н. э. В тот довольно длительный период, последовавший за убийством Мурсили I, когда хетты были слабы, Северная Сирия попала, по-видимому, под власть Ханигальбата, одного из политических объединений хурритов, возникшего около 1500 г. до н. э. О слабости Хатти свидетельствует то, что сирийский вассал хурритского царства мог безнаказанно совершать набеги на пограничные территории хеттов. В 1457 г. до н. э. победы Тутмоса III во время восьмого похода положили конец господству хурритов. После этого египтяне владычествовали в Сирии около тридцати лет. Однако после смерти энергичного Тутмоса они уже не сумели удержать Северную Серию. Вскоре после восшествия на престол Аменхотепа II египтяне вынуждены были, в свою очередь, отступить перед другой хурритской силой — Митанни. Царство Митанни под эгидой арийской династии стало на некоторое время господствующей силой в Западной Азии. Подробная история этих событий нам неизвестна, ибо письменные свидетельства о царях Митанни еще не найдены. Но в следующем столетии, когда могущество Митанни было сломлено, распространение хурритского языка и влияние хурритской культуры делается очень заметным во всех землях — от хеттской Анатолии до ханаанской Палестины, о чем свидетельствуют многочисленные памятники письменности.

Считается, что хетты вторглись в Алеппо в наказание за сговор с Ханигальбатом. Вряд ли это могло произойти позже победы Тутмоса над Ханигальбатом в 1457 г. до н. э. Отнюдь не исключено, что хетты совершили нападение во время египетского похода как союзники египетского царя; в самом деле, мы знаем, что Тутмос получал в то время подарки от «Великой Хеты». Это объяснило бы, почему в сообщениях о египетском походе отсутствуют какие-либо упоминания о захвате Алеппо.

Рост могущества Митанни снова поверг царство хеттов в состояние кризиса. Ряд царств, которые ранее входили в сферу влияния хеттов, либо перешли на сторону соперника, либо добились независимости, и при Хаттусили II и Тудхалии III царство хеттов оказалось на грани катастрофы. Один из поздних царей дает следующее описание кризиса, которое, по-видимому, относится именно к этому периоду.

В давние времена страны Хатти были разорены нашествием из-за границы (?). Враг из Каски пришел и разорил страны Хатти и сделал Ненассу своей границей. Через границу Нижней страны пришел враг из Арцавы, и он тоже грабил страны Хатти и сделал Тувануву и Уду своими границами.

Извне, из Араунны, пришел враг и разорил всю Гассию.

Снова извне, из Ацци, явился враг и разорил все Верхние страны и сделал Самуху своей границей. И из Исувы явился враг и разорил страну Тегараму.

Также извне пришел враг из Арматаны, и он тоже разорил страны Хатти и сделал город Киццуватну своей границей. И Хаттуса, этот город, был сожжен и... но мавзолей в честь... уцелел.

Маловероятно, что все эти нашествия происходили одновременно, иначе царство хеттов к югу от Галиса превратилось бы в пустыню. Но исторически это описание согласуется с известными фактами, касающимися ситуации, сложившейся в ту пору: нападение восточных соседей Хатти можно объяснить поддержкой их со стороны Митанни; а независимость и вторжение Арцавы подтверждается письмами фараона к царю Арцавы, найденными в архивах Телль-эль-Амарны.

Конец этого периода бессилия и начало нового времени отмечены приходом к власти царя Суппилулиумы. Обстоятельства его прихода к власти в 1380 г. до н. э. были необычными, хотя он и был сыном Тудхалии III и сопровождал своего отца в некоторых военных походах.

Мы мало знаем о борьбе за консолидацию в самой Хатти. По-видимому, этой проблеме были посвящены первые годы царствования Суппилулиумы. По всей вероятности, именно он наметил Контур большой защитной стены, построенной в южной части города Хаттусы,

и других укреплений столицы, описанных ниже. После этого он смог заняться осуществлением своего главного замысла, а именно свести счеты с Митанни — врагом, повинным в бедственном положении его царства в недавнем прошлом.

Первый поход на Сирию через горные перевалы Тавра был отражен с большими потерями; царь Митанни, Тушратта, смог отправить часть добычи своему союзнику, царю Египта. Следующее нападение было поэтому подготовлено более тщательно. Наверное, было обнаружено, что главные защитные сооружения Митанни расположены в Северной Сирии. Во всяком случае, по новому плану предстояло пересечь Евфрат у Малатьи и захватить царство Митанни с тыла. Путь был опасным из-за диких племен, обитавших в северных горах, и пришлось совершить предварительный поход, чтобы заставить их покориться; был заключен договор с несколько загадочным царством, которое называли то Ацци, то Хайаса; договор закрепили женитьбой вождя Хитасы на сестре царя. Таким образом обезопасили левый фланг. Перейдя Евфрат, Суппияулиума без труда вернул себе утерянную ранее область Исува и неожиданно напал на столицу Митанни — Вашшукканни, захватил ее и разграбил. Царь Митанни, по-видимому, не оказал сопротивления и избежал сражения. Затем Суппилулиума снова переправился через Евфрат, вошел в Сирию, где местные властители, лишенные поддержки Митанни, поспешили покориться. В планы царя не входили военные действия с Египтом, и он, вероятно, согласился бы провести границу по реке Оронт; но царь Кадеша (аванпоста, входившего в сферу египетского влияния) вступил в бой и был сокрушен хеттскими боевыми колесницами. Хеттская армия проникла к югу вплоть до Абина (библ. Хобах — Бытие XIV. 15), что вблизи Дамаска, и Суппилулиума утверждает, что расширил свои границы вплоть до Ливана. К счастью для него, египетские цари, занятые в это время государственным переустройством, перестали заботиться об обороне империи.

В результате этого блестящего похода, относящегося примерно к 1370 г. до н. э., Хальпа (Алеппо) и Алалах (Телль-Атчана) перешли к хеттам. Дошедшие до нас договоры с царями Нухашше (Центральная Сирия) и Амурру, куда входили район Ливана и большая часть приморской полосы, были, возможно, заключены как раз в это время. Однако Каркемиш, контролировавший главную переправу через Евфрат, и область, известная хеттам как Астата, простиравшаяся вниз по течению Евфрата от Каркемиша до устья Хабура, оставались враждебными и все еще могли рассчитывать на поддержку со стороны непобежденных, хотя и бесславных войск царя Тушратты.

В это время срочные государственные дела заставили Суппилулиума вернуться обратно в столицу. Своему сыну Телепину, «жрецу», он наказал держать в повиновении Сирию, что было явно нелегко. Сирийские княжества были разделены на прохеттские и промитанийские, и каждая из этих фракций жадно следила за исходом борьбы между великими державами. К счастью для хеттов, государство Митанни само было раздираемо междоусобицами. Царь Тушратта и его предшественники вступили в союз с царями Египта, и обе династии были тесно связаны дипломатическими браками. Но теперь Египет оказался шаткой опорой, и одна из соперничавших ветвей митанийской царской семьи усмотрела в затруднениях, которые испытывал Тушратта, шансы на захват власти. Эта партия обратилась за помощью и поддержкой к Ашшурубаллиту, честолюбивому царю Ассирии, чьи предшественники платили дань царям Митанни. В результате Тушратта был убит, и новый царь, Артатама, а за ним и его сын Шутарна признали независимость Ассирии и осыпали ее царя пышными дарами из дворца Тушратты.

Какую бы опасность для будущего ии таило это внезапное возвышение (Нового могущественного государства на Тигре, падение Митанни, несомненно, облегчило хеттам завоевание Сирии. Когда Суппилулиума вернулся туда около 1340 г. до н. э. для завершения своих замыслов, ему хватило восьмидневной осады, чтобы захватить мощную крепость Каркемиш, и Сирия — от Евфрата до моря — оказалась подвластна хеттам. Телепину стал царем Алеппо, а другой из царских сыновей, Пияссили, — царем Каркемиша. Наконец, царство Киццуватна, оказавшееся теперь в изоляции, заключило мир и было признано дружественной, почти равноправной державой (см. ниже).

О славе, которую приобрел Суппилулиума, можно судить по событию, которое произошло, когда царь стоял лагерем под Каркемишам. Из Египта прибыл посланец с

письмом от царицы, гласившим «Мой муж умер, а сына у меня нет. О тебе же говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты прислал мне одного из своих сыновей, он мог бы стать моим мужем. Я ни за что не возьму в мужья ни одного из своих подданных. Это меня очень страшит». Суппилулиума был так поражен этой просьбой, что отправил к египетскому двору посла, дабы убедиться, что его не обманывают. Тот вернулся и привез второе послание от царицы: «Почему ты говоришь: 'Они меня-де обманывают'? Если бы у меня был сын, разве я бы обратилась к чужеземцу и тем предала огласке свое горе и горе моей страны? Ты оскорбил меня, так говоря. Тот, кто был моим мужем, умер, и у меня нет сына. Я никогда не возьму кого-нибудь из моих подданных в мужья. Я писала только тебе. Все говорят, что у тебя много сыновей; дай мне одного из твоих сыновей, чтобы он мог стать моим мужем». Египетская царица, пославшая эти письма, была, почти наверное, царицей Анхесенамун, третьей дочерью «царя-еретика» Эхнатона. Еще совсем юная, она уже была вдовой юноши-царя Тутанхамона, умершего, когда ему было едва восемнадцать лет. Поскольку у нее не было детей, она имела право, теоретически по крайней мере, выбрать себе второго супруга и тем самым решить вопрос о наследнике египетского престола. Не таков был Суппилулиума, чтобы упустить столь редкую возможность, один из его сыновей был должным образом снаряжен в путь. Но план сорвался. Мы узнаем, что по прибытии в Египет хеттский принц был убит, возможно агентами жреца и придворного Эйи, ставшего следующим царем Египта; Эйя, по-видимому, женился на царице Анхесенамун, узаконив тем самым узурпацию престола. Несомненно, что это был как раз тот брак, от которого Анхесенамун надеялась спастись, взывая к хеттскому царю.

Вскоре после этого сын убитого Тушратты из Митанни, сам едва избежавший смерти, явился просителем к Суппилулиуме. Умный хеттский царь не замедлил воспользоваться возможностью образовать буферное государство для борьбы с растущей угрозой со стороны Ассирии. Он послал юношу к Пияссили, царю Каркемиша, и они вместе переправились через Евфрат во главе больших сил и вновь вступили в Вашшуккани, столицу Митанни. Возникло новое вассальное царство Митанни, но оно в конце концов оказалось слишком слабым, чтобы устоять против Ашшурубаллита, который вскоре после смерти Суппилулиумы сумел присоединить территорию Митанни к своим владениям; теперь только Евфрат отделял его от хеттов.

Впрочем, с этих пор ничто не могло всерьез поколебать власть хеттов над Сирией. После того как Суттпилулиума и вскоре после него его старший сын Арнуванда II погибли от чумы, а престол перешел к юному и неопытному Мурсили II, правители Алеппо и Каркемиша все же сохраняли верность хеттам; угроза нависала главным образом со стороны западных провинций империи. Здесь еще много неясного, так как довольно трудно локализовать многие топонимы. Могущественное царство Арцава, которое, как мы видели, когда-то покорил сам Лабарна, в период упадка хеттского государства утвердило свою независимость, и его царь даже вступил в дружественную переписку с царем Египта. Суппилулиума вновь завоевал Арцаву, но теперь она снова восстала в союзе со своими сателлитами Мирой, Кувалией, Хапаллой и страной реки Сеха.

Молодой Мурсили, однако, был истинным сыном своего отца. В результате большого двухлетнего похода, подробное описание которого дошло до нас, государство Арцава было полностью разгромлено, царь убит, а правителями назначены хеттские ставленники. По крайней мере один из этих ставленников был связан с хеттским престолом браком с хеттской принцессой. Такое положение дел существовало на протяжении всей жизни Мурсили, но хеттская империя никогда не была в безопасности на этом фланге, и каждый последующий царь вынужден был подавлять там мятежи.

Северная граница также была вечным источником тревог, хотя и по другой причине. Здесь не было сильного соперника, подобного Арцаве на западе; трудность заключалась в отсутствии устойчивого, упорядоченного правительства, с которым можно было бы заключить договор. В главных центрах стояли хеттские гарнизоны, но они, по-видимому, не были достаточно сильны, чтобы держать в повиновении беспокойный народ страны Каска, населявший эти далекие долины. Нет никаких намеков на то, что эти племена получали помощь из-за пределов хеттского мира; и все же царь был вынужден каждые несколько лет вести свою армию в горы севера, чтобы усмирять эти области. Мурсили

сообщает о таких походах (снова с большими подробностями) 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 9-й, 19-й, 24-й, 25-й и 26-й годы своего правления. По-видимому, каждый поход был удачным, но все же победа не была окончательной; при малейшем признаке слабости племени всегда были готовы восстать. Трудно поэтому избежать подозрения, что причины беспорядков лежали глубже, чем это подозревали сами хетты.

На седьмом году правления Мурсили царство Ацци-Хайаса, лежавшее дальше к востоку, доставило много беспокойства, и здесь пришлось снова начать военные действия. Этот поход поначалу был поручен одному из царских генералов, так как сам царь должен был исполнять свои религиозные обязанности в Кумманни (античная Комана). Тем временем взбунтовалась даже Сирия, по-видимому при подстрекательстве Египта, который снова начал проявлять активность во время правления Хоремхеба. Случилось так, что царь Каркемиша, брат царя Шарри-Кушух, успешно правивший в течение десятка лет подвластными ему территориями, отправился в Кумманни, чтобы участвовать вместе с братом в религиозных празднествах, но там заболел и умер. Во время отсутствия своего царя Каркемиш был, по-видимому, захвачен, хотя кем — неизвестно. Обстоятельства настоятельно требовали личного вмешательства царя, и таким образом в девятый год своего царствования он вступил в Сирию. Уже одного присутствия царской армии оказалось, по-видимому, достаточным, чтобы привести сирийцев в повиновение. Царем Каркемиша был посажен сын Шарри-Кушуха, и к концу года Мурсили смог двинуться на север, чтобы закончить военные действия против Ацци-Хайасы.

Трудно точно установить географию других царских походов. Удивительно, что нигде не упоминается Киццуватна, хотя известно, что эта страна подняла мятеж еще в начале царствования Мурсили. Поскольку после Суппилулиумы нет упоминания ни об одном царе Киццуватны, а эта страна сделалась, по-видимому, провинцией Хатти в царствование Мурсили, то ее повторное завоевание, вероятно, было описано в той части текста, которая ныне утрачена.

Мурсили оставил своему сыну и преемнику Муваталли прочную империю, окруженную сетью вассальных царств. По восшествии на престол новый царь не столкнулся с серьезными трудностями. На западе понадобилась лишь некоторая демонстрация силы; имя противника, впрочем, не сохранилось. Были подтверждены права вассальных царей Арцавы и заключен новый договор с неким Алаксанду, царем Вилусы, страны, которая упоминается как одна из стран Арцавы, остававшаяся, однако, неизменно преданной стране Хатти со времен Лабарны. Чувствуя себя в безопасности на этом фланге, Муваталли мог теперь сосредоточить все свое внимание на новой опасности, грозившей с юга, ибо египетский колосс пришел наконец в движение. Цари XIX династии стремились вернуть себе территории в Сирии, ранее завоеванные Тутмосом III и утраченные из-за апатии религиозного реформатора Эхнатона. Около 1300 г. до н. э. Сети ввел свои армии в Хамаан, где восстановил закон и порядок, и продвинулся до Кадеша на Оронте. Реакция хеттов, по-видимому, была достаточно энергичной, так как до конца царствования Сети I мир более не нарушался. Однако, как только Рамсес II вступил на престол (в 1290 г. до н. э.), стало ясно, что соперничавшим империям неизбежно придется помериться силами, и Муваталли призвал на помощь войска своих союзников. Египетские писцы приводят их список (хеттских письменных свидетельств об этом царствовании не найдено), и здесь мы впервые встречаем упоминание о дарданцах, известных из «Илиады» Гомера, о филистимлянах, а также шерданах, часто фигурирующих в египетских надписях. В дошедших до нас хеттских документах ни один из этих народов, однако, не упоминается, а поскольку хеттские записи, относящиеся к тому периоду, отсутствуют, то остается только гадать, почему эти племена сражались в рядах хеттской армии против египтян. Имперские армии встретились у Кадеша в 5-й год царствования Рамсеса, т. е. в 1286/5 г. до н. э., и, хотя фараон восхвалял свои доблести на стенах египетских храмов, тем не менее власть хеттов в Сирии сохранилась. Муваталли даже удалось продвинуться и завоевать район Аба или Абина около Дамаска. Таким образом, не подлежит сомнению, что битва при Кадеше окончилась решительной победой хеттов. Ниже приводятся некоторые подробности этой битвы.

При Муваталли северо-восточные провинции государства представляли собой отдельное владение со столицей в Хакписсе под правлением способного и честлюбивого Хаттусили, брата царя, сам царь пребывал несколько южнее, в городе Даттассе, чтобы быть ближе к театру военных действий в Сирии. Хаттусили, таким образом, занимал очень сильную позицию, и неудивительно, что Урхи-Тешуб, юный сын царя Муваталли, ставший преемником последнего около 1282 г. до н. э., пытался отнять у Хаттусили часть его территорий. Может быть, он подозревал, что у его дяди созрели намерения захватить престол. Но сам он не оставил никаких надписей, и подробности его недолгого царствования совершенно неизвестны, если не считать того, что мы знаем из тенденциозного изложения Хаттусили. Последний рассказывает о том, как семь лет терпел оскорбления Урхи-Тешуба и наконец открыто объявил войну своему племяннику и сверг его с престола. То, что ему так легко удался этот государственный переворот, свидетельствует о недостаточной популярности или мудрости правления Урхи-Тешуба. Сам Урхи-Тешуб был взят в плен в городе Самухе (около Малатьи), но с ним обошлись снисходительно: отправили в почетную ссылку в отдаленную сирийскую провинцию Нухашше.

С вступлением на престол в 1275 г. до н. э. Хаттусили III, опытного военачальника, человека лет пятидесяти, для хеттской империи начался период относительного мира и процветания. В начале его царствования были некоторые трения с Египтом, причина которых неизвестна, и касситский царь Вавилона Кадашман-Тургу обещал Хаттусили военную помощь в случае войны. Но дело разрешилось мирным путем. Возможно, растущая мощь Ассирии способствовала сближению двух соперничавших империй — Хатти и Египта. Отношения между ними становились все более дружественными, и в 1269 г. до н. э. был заключен знаменитый договор, который гарантировал мир и безопасность всем странам Леванта. Не только цари, но и царицы обеих стран обменивались поздравительными посланиями, одно из которых сохранилось. Наконец через тринадцать лет этот договор был скреплен браком хеттской принцессы с фараоном Рамзесом. То, что у Хаттусили в возрасте шестидесяти девяти лет была дочь на выданье, объясняется тем, что он женился на будущей царице Пудухепе, дочери жреца из Хиццуватны, только за двадцать девять лет до этого, вернувшись из египетского похода, где воевал вместе с братом.

Хаттусили снова перевел столицу в Хаттусу, которая была, по-видимому, полностью разорена племенами касков, когда его брат Муваталли находился на юге. Город был заново отстроен, архивы переписаны. Большое число религиозных и административных законов, изданных этим царем и его царицей Пудухепой, создают впечатление о достигнутых порядках и процветании.

Небольшой фрагмент — все, что сохранилось от анналов Хаттусили, — говорит о том, что на западе страны положение было не таким благополучным. Вероятно, пришлось (Совершить некоторые военные операции против старого врага Арцавы, чтобы навести порядок, но подробности нам неизвестны. После смерти Кадашмана-Тургу около 1274 г. до н. э. отношения с Вавилоном ухудшились; имеется письмо Хаттусили молодому Кадашману-Энлилю, в котором он жалуется, что с момента его восшествия на престол тот перестал посылать своих послов в Хатти. Изгнанный Урхи-Гешуб, вероятно, приложил к этому руку, так как Хаттусили говорит, что Урхи-Тешуб во время своего пребывания в Нухашше завел интригу с Вавилоном и был поэтому удален из Нухашше и послан «в сторону моря» — темная по смыслу фраза, которая, может быть, иносказательно говорит об острове Кипр. Из другого документа известно, что в дальнейшем Урхи-Тешуб жил в чужой стране, и это вполне мог быть Кипр. Отсюда он, по-видимому, вступил в переговоры с царем Египта; но если все это делалось, чтобы заручиться помощью иностранной державы для возвращения престола, то успеха он, очевидно, не достиг.

Царь Хаттусили — автор примечательного документа, подробно описанного в гл. VIII. Главной целью этого документа была, по-видимому, попытка оправдать свой захват престола и изгнание законного государя. Хаттусили оправдывается тем, что он действовал по побуждению, а также по прямому приказанию богини Иштар из Самухи. Ясно, что

рассказ этот тенденциозен и ему нельзя слишком доверять; но как свидетельство высокоразвитой политической совести — это уникам в древнем мире.

Принимая во внимание возраст Хаттусили, можно считать, что он умер вскоре после свадьбы своей дочери с царем Египта. Его сын и преемник Тудхалия IV проявлял, по-видимому, особый интерес к своим религиозным обязанностям и произвел ряд реформ, относящихся к празднествам и другим церемониям. Возможно, что именно он велел высечь рельефы в Язылыкая (см. ниже), так как в главной галерее мы видим, как некий царь Тудхалия несет свою «монограмму» (см. рис. в статье '3. Государственная религия', 64), а в боковой галерее он же пребывает в объятиях своего бога (см. фото 13 в галерее). Все это позволяет предположить, что по крайней мере ранний период его царствования был мирным и процветающим. Он совершил ряд военных походов на запад, и, по-видимому, с успехом, так как страна Ассува (позже — римская провинция Азия, название которой теперь распространилось на целую часть света) вошла в состав хеттских владений.

Однако еще до конца царствования Тудхалии IV на западном горизонте появились тучи. Царь Аххиявы (возможно, ахейский правитель — см. ниже) и некто по имени Аттарсия из той же страны начали вторжение в подчиненные хеттам страны на крайнем западе. Некто Маддуватта, чье имя сравнивали с именами первых царей Лидии Алиатт и Садият, был изгнан из своей страны Аттарсией и явился ко двору хеттского царя, от которого получил небольшое вассальное царство где-то на западе Малой Азии. Тудхалия, по-видимому, был еще достаточно силен, чтобы отражать дальнейшие нападения.

Однако дни хеттской империи были уже сочтены. При следующем царе, Арнуванде III, положение на западе стало быстро ухудшаться. Маддуватта объединился с Аттарсией, и, хотя хеттский царь в пространном прескрипте называет его не иначе, как вероломным вассалом, мы чувствуем, что в этом районе сложилась совсем новая ситуация. В частности, мы узнаем, что Маддуватта «занял всю страну Арцаву». В то же время другой авантюрист, по имени Мита, действовал в восточных горах, где некогда находилось царство Хайаса. Совпадение его имени с именем царя народа мушков (VII в. до н. э.), которого обычно отождествляют с фригийским Медасом греческой традиции, может быть, всего лишь случайность, но возможно, что мушки (мосхи и античных источников) уже находились в этой области и что имя Мита — династическое. Как бы то ни было, мы знаем, что великое переселение народов уже научалось, и хрупкая хеттская федерация была совершенно не в состоянии ему противостоять. Указы Арнуванды не содержат никакого намека на приближающуюся гибель. Его сменил его брат, Сушшулиума II, но царствование последнего было, вероятно, недолгим; мы узнаем о нем лишь из клятв на верность, которые давали ему некоторые сановники и чиновники. Анналы Рамсеса III сообщают о том, как на островах произошли беспорядки и как хетты вместе с другими народами совершили великое нашествие на Сирию и, соединясь с «народами моря», стали угрожать Египту. Филистимляне же осели на побережье Палестины (которое таким образом и получило свое современное наименование). В Малой Азии, если судить по гомеровской легенде, фригийцы вскоре вытеснили хеттов и сами стали главенствующей силой.

4. Позднешеттские царства

В юго-восточных провинциях хеттской империи культура хеттов породила удивительный отсвет, который длился не менее пяти столетий. Ассирийские тексты продолжали именовать Сирию и область Тавра «страной Хатти» и говорят о царях, носящих имена Сапалулме, Муталлу, Катущили и Лубарна (ср. Суппилиума, Муваталли, Хаттусили или Кантуцили, Лабарна); подобным же образом эти цари из сирийских княжеств упоминаются в Ветхом завете как «цари хеттов» (2-я книга Царств VII. 6; 2-я книга Паралипоменон I. 17), и многие из них усердно возводили памятники из камня, покрывая их длинными хеттскими иероглифическими надписями. Все это доказывает, что традиции хеттской культуры, от Малатьи до границ Палестины, сохранялись вплоть до тех времен, когда вся область стала частью ассирийской империи.

Однако язык и религия этих «позднешеттских» надписей не положи на язык и религию хеттов из Хаттусы; вместе с тем это и не язык и религия простых людей, живших в Сирии во времена хеттской империи (ибо то были хурриты). Похоже, что Сирия подверглась

нашествию какого-то другого народа, явившегося из какой-то хеттской провинции и заимствовавшего хеттскую цивилизацию, этот вопрос рассматривается в гл. VI, причем выдвигается предположение, что этой провинцией была Киццуватна. Это не было организованное нашествие под единым предводительством какого-либо вождя, потому что оно закончилось появлением в XII в. до н. э. большого числа независимых малых «царств». Вот их перечень, составленный на основании имеющихся скудных свидетельств.

В горах Тавра и на южном крае центрального плато Тувана (античная Тиана), Тунна (античная Тинна), Хуписва (античная Кибистра), Шинукту и Иштунда были не более чем городами-государствами; где-то в этом же районе, к северу или к востоку от него, находилась конфедерация, называвшаяся Табал (библ. Тубал), и возможно, хотя отнюдь не достоверно, что города-государства вышеупомянутого центрального плато также входили в эту конфедерацию. Современная Малатья первый раз в истории появляется под названием Мелид, а современный Марат — под именем Маркаси; эти города были столицами областей, носивших названия Камману и Гургум. Южнее Мелида находилась область Куммух (античная Комадагена), протянувшаяся вдоль Евфрата; а южнее ее лежал важный город и царство Каркемиш. Область между Каркемишем и Гургумом включала в себя царство Арпад, к западу от которого до залива Александретта простиралось государство, известное позже как Сам'ал, но первоначально, вероятно, как Я'уди, со столицей в городе, ныне хорошо известном археологам как местечко под названием Зинджирли (Синджерли). Долина Амук фигурирует в позднюю эпоху как Унки, а первоначально звалась Хаттина, со столицей Киналуа (библ. Калнех). Район Алеппо составлял другое царство, чье название, по-видимому, менялось; вероятно, район назывался Лухути, и его столица, первоначально Алеппо, позже переместилась в Хатарикку (библ. Хадрах — книга пророка Захарии IX. 1). Южнее всего находилось могущественное царство Хамат с несколькими вассальными областями вдоль западного побережья. Наконец, восточнее Евфрата, недалеко от Каркемиша вниз по течению реки, располагалось царство с центром в Тиль-Барсипе, теперь Телль-Ахмаре.

Из этого перечня ясно: о том, что старые хеттские вассальные царства Сирии уцелели после разгрома столицы, не может быть и речи. Единственное, что объединяет две эпохи, — это Каркемиш и три тианитских города (хеттские Туванува, Тунна и Хуписна). Алеппо, одна из ключевых позиций царства Хатти, возникает под названием Халман и играет меньшую роль, чем неожиданно выдвинувшийся Арпад, его близкий северный сосед. Все остальные названия — новые, и многие из этих городов, вероятно, были основаны позднее.

Историю этих царств можно проследить только в самых общих чертах, исходя из текстов соседних государств — Ассирии, Урарту (Арагат) и Израиля. Хеттские иероглифические надписи дают нам имена царей, но наука дешифровки продвинулась теперь достаточно далеко, чтобы показать, что эти надписи по большей части являются посвящениями и их историческое содержание разочаровывающе скудно.

Тиглатпаласар I был первым ассирийским царем, который достиг Евфрата после падения Хаттусы. В 1110 г. до н.э. он нашел в Мелиде царство, которое он назвал «Великим Хатти». Это вполне может означать, что царь Мелида осуществлял власть сюзерена над соседними князьками. Позже Тиглатпаласар достиг Средиземного моря, а на обратном пути он собрал дань с другого царя «Великого Хатти», возможно царя Каркемиша. Таким образом, оба больших города, лежавшие у переправ через Евфрат, были первыми, которые установили господство над Северной Сирией.

Ассирийские армии, однако, отступили, и прошло много лет, прежде чем кто-нибудь из ассирийских царей вновь дошел до Евфрата или переправился через него. В этот период упадка ассирийского могущества с востока нахлынули арамейские кочевники и, в свою очередь, основали в Сирии царства и династии. Первым и наиболее могущественным из них был Дамаск, лежавший южнее границ проникновения хеттов. Дальше на севере арамейцы, по-видимому, вступили в конфликт с недавно созданными хеттскими княжествами. Хеттские династии Тиль-Барсипы, Я'уди и Арпада были свергнуты и заменены арамейцами; Я'уди был переименован в Сам'ал (или Бит-Габбари, т. е. «Дом Габбари» — по имени основателя новой династии); таким же образом Тиль-Барсипа и Арпад стали столицами новых царств, известных как Бит-Адини и Бит-Агуси. Эти

арамейские цари делали надписи либо на литературном финикийском, либо на своем собственном, арамейском языке. Другим хеттским династиям удалось уцелеть, и они продолжали пользоваться иероглифическим письмом.

История Киликии этого периода была совершенно неизвестна, пока не были открыты надписи в Каратепе; правда, до сих пор еще не совсем ясно, как их нужно интерпретировать. Автор этих надписей, Аситаваанда, сам, по-видимому, был не царем, а вассалом или доверенным лицом царя Аданы. В финикийском варианте надписи последний называется не царем Аданы (как в хеттском тексте), а царем Dnnum — этнический термин, который получил огласовку и переводился как «данунийцы». Параллелизм обоих вариантов, видимо, указывает на то, что название данунийцы происходит от имени города Аданы, но это не исключает связи с племенем даниуна, которое мы встречаем среди «народов моря» в египетских текстах XII в. и которое с таким же успехом могло происходить из древнего города Аданы (хеттский Атания). Предполагавшаяся связь с гомеровскими данайцами кажется, однако, проблематичной. Таким образом, в VIII в. до н. э. — дата, наиболее правдоподобная для этих надписей, — существовало царство со столицей в городе Адане; оно, по-видимому, занимало большую часть киликийской равнины. Предполагается, что «люди Аданы» (хеттское *adanawanaī*, финикийское *dnnum*) — это потомки народов периода той миграции, (которая увлекла многих лувийцев из Киццуватны через Аман в Сирию во времена Рамсеса III. Начиная с времен Салманасара III Киликия была известна ассирийцам как Куэ или Кауэ — название, для которого еще не найдено никакого объяснения.

После того как произошли эти перемены, в позднехеттских царствах и у их арамейских соседей сразу же наступил недолгий период процветания и изобилия. Об этом можно судить по тому, какие большие количества золота и серебра ассирийские цари могли изымать у них в виде дани. Хеттская культура проникла на юг, в Палестину; хеттские наемники, такие, как Урия (2-я книга Царств XI. 3) и Ахимелех (1-я книга Царств XXVI. 6), служили в израильских армиях, а Соломон брал хеттеянок в свой гарем.

Новый подъем могущества Ассирии начался во время царствования Ададнерари II (912—891 гг. до н. э.) и продолжался при его преемнике Тукульти-Нинурте II (891—884 гг. до н. э.), но сирийские царства не обратили внимания на эту угрозу. Ашшурнацирапал (884—859 гг. до н. э.) быстро закрепил завоевания своего предшественника и за первые же семь лет царствования вновь подчинил себе большую часть территории к востоку от Евфрата. Когда в 876 г. до н. э. ассирийский царь встал перед Каркемишем и потребовал пропустить его, царь Каркемиша не сопротивлялся и покорно согласился заплатить ассирийскому царю большую дань, включая 20 талантов серебра (около 1000 фунтов). Ассирийская армия переправилась через Евфрат, пересекла Сирию и вышла к побережью; другие хеттские царства последовали примеру Каркемиша. Неспособность хеттских государств объединиться в борьбе против завоевателя свидетельствует, по-видимому, о междоусобице, дальнейшими сведениями о которой мы не располагаем. Слабая попытка объединиться была сделана через восемнадцать лет, когда Салманасар III переправился через Евфрат где-то севернее и столкнулся с силами Каркемиша, Хаттины, Бит-Адини и Сам'ала. Но сопротивление, оказанное этими четырьмя малыми государствами, было безуспешным. Северная Сирия снова подчинилась ассирийцам, и на следующий год сам Каркемиш был осажден и захвачен. Первое успешное сопротивление ассирийцам оказали цари Хамата и Дамаска, которые, призвав войска двенадцати вассальных князей, главным образом с финикийского побережья, смогли встретить Салманасара у Каркара в 853 г. до н. э. силою в 63000 пехотинцев, 2000 всадников, 4000 колесниц и 1000 верблюдов. Последовавшая битва принесла союзникам очень большие потери, но привела к тому, что ассирийцы прекратили военные действия. Конечно, если бы все сирийские царства объединились, то ассирийцев можно было бы не подпускать. Как бы то ни было, Салманасар в ближайшие годы возобновил атаки на Дамаск и так ослабил это царство, что около 804 г. до н. э. Ададнерари III с помощью Занира, арамейца, за несколько лет до этого овладевшего хеттским городом Хаматом, смог подчинить его себе и объявить свое господство над всеми землями «Хатли, Амурру и Палашту».

Но теперь на ближайшие полвека власть ассирийцев снова ослабевает из-за того, что появляется новый соперник в северных горах — царство Урарту (Арарат), которое отвлекает на себя основные силы ассирийских царей. Хеттские государства Северной Сирии (Южная Сирия была к этому времени полностью арамейской), вероятно, ощущали некоторое этническое или культурное родство с Урарту, и сперва Мелид, а затем Гургум, Сам'ал, Унки (Хаттина), Арпад, Каркемиш, Куммух и Куэ — все стали на сторону царей Урарту Аргишти I и Сардури II. Таким образом, Сирия оказалась разделенной надвое, и товары, которые прежде шли из внутренних районов страны и достигали финикийского побережья в его южных портах Тире, Сидоне и Библе, теперь пришлось направлять к устью реки Оронт во вновь созданное греческое поселение — город Посидейон, который Л. Вулли недавно отождествил с древним поселением Альмина.

Это положение резко изменилось с возрождением Ассирии при Тиглатпаласаре III (745—727 гг. до н. э.). Уже на третьем году царствования, в 742 г. до н. э., этот царь смог двинуться на запад, чтобы раз и навсегда «навести порядок» в Сирии. Сардури лично пришел на помощь своим сирийским вассалам, и произошло генеральное сражение, в котором силы Урарту были разбиты наголову; сам Сардури позорно бежал с поля боя верхом на кобыле. Понадобилось еще три года, чтобы привести город Арпад к покорности, но уже к 740 г. до н. э. все сирийские государства снова вернулись к вассальной зависимости от Ассирии. Однако не прошло и двух лет, как Тиглатпаласар снова вернулся в Сирию, чтобы подавить новый мятеж. Ассирийцы, обладавшие теперь несокрушимой силой, не могли больше мириться с неустойчивым поведением своих вассалов и в 738 г. до н. э. распространили на Сирию свою политику прямой аннексии. Унки было, по-видимому, первым хеттским государством, которое стало ассирийской провинцией, а вскоре та же участь постигла и большинство его соседей, так как преемники Тиглатпаласара Салманасар V и Сарган II продолжали его политику с еще большей беспощадностью. Из наиболее важных государств Сам'ал и Куэ были, по-видимому, аннексированы около 724 г. до н. э., та же участь постигла Хамат в 720 г., Каркемиш — в 717 г., Табал — в 713 г., Гургум, вероятно, в 711 г. и Куммух (который к этому времени объединился с Мелидом) — в 709 г. Так окончилась история хеттских государств Северной Сирии. Когда греческие путешественники проникли в эти земли, они нашли там лишь провинции ассирийской империи. Само имя Хатти было уже забыто.

5. Ахейцы и троянцы в хеттских текстах

Сенсационное сообщение Э. Форрера о том, что он нашел в хеттских текстах упоминание о гомеровских ахейцах и даже о таких конкретных личностях, как Атрей, Этеокл и Андрей, уже упоминалось нами в Предисловии. Мы также говорили о последовавших возражениях против его утверждений. Теперь мы можем рассмотреть некоторые факты и аргументы.

Полемика касается той страны, которая в хеттских текстах называется Аххиява или иногда Аххия. Это название впервые упоминается во времена Суппилулиумы, который послал туда кого-то — возможно, но не достоверно, свою жену — в изгнание. Из этого фрагмента Э. Форрер заключил, что Суппилулиума женился на ахейской принцессе. Безотносительно к вопросу (который мы обсудим ниже) о тождественности Аххиявы со страной ахейцев, т. е. микенской Грецией, этот вывод основывается на довольно смелом предположении о процедуре изгнания, а именно на том, что никого, в особенности царицу, нельзя было изгнать в чужую страну, если он или она не были родом из этой страны. Может показаться, что этот довод, если дело касается царицы, довольно убедителен; но поскольку не подлежит сомнению, что царь Урхи-Тешуб был выслан в чужую страну, возможно на Кипр (см. выше), нельзя утверждать, что ссылка была наказанием только для лиц иностранного происхождения. Самое большее, что можно сказать с уверенностью, — это то, что страна, избранная для изгнания, должна была быть одной из тех, с которыми хеттские цари поддерживали дружественные отношения и являлась той, которую поэтому (можно было положиться в том смысле, что она не позволит высланному вызвать смуту). Поэтому мы можем предположить, что во время царствования Суппилулиумы отношения между Хатти и Аххиявой были вполне дружественными.

Из Анналов Мурсили II (год третий) мы впервые узнаем о связи между Аххиявой и городом (здесь «страной») Миллавандой; но этот фрагмент так сильно пострадал, что одинаково возможны и вероятны несколько совершенно различных реконструкций текста. То же можно сказать и о другом фрагменте, относящемся к четвертому году. Это особенно досадно, поскольку в тексте упоминается некое судно и этот отрывок мог бы разрешить вопрос о том, была ли Аххиява «за морем».

Однажды, во время своего царствования, царь Мурсили заболел, и жрецы-прорицатели начали искать причину божественного гнева (ом. ниже). Существует большая табличка, исписанная вопросами, которые они задавали оракулу, и его ответами. Из этого диалога мы узнаем, что бог Аххиявы и бог Лацпы были привлечены в надежде на то, что они смогут излечить царя; вопросы же преследовали цель выяснить, каков должен быть ритуал при обращении с этими богами. Это опять свидетельствует о дружественных отношениях между Хат-ги и Аххиявой. Имя Лацпа сопоставляли с Лесбосом.

Самый важный из документов — так называемое висьмо Тавагалавы представляет собой послание хеттского царя царю Аххиявы; хотя первого те сохранилось, во известно, что он был уже в летах. Оно было написано по крайней мере на трех табличках, из которых мы располагаем третьей и фрагментом, возможно, первой и второй таблички. В тексте многое трудно понять, и, кроме того, таблички сильно повреждены; и все же это послание представляет большой интерес. По-видимому, гекто Пиямараду, бывший ранее хеттским подданным высокого ранга, стал разбойником, совершал нападения и вызывал недовольство жителей стран Лукка (возможно, Ликия), часть которой, но, вероятно, не вся она была провинцией хеттской империи. Базой для его операций служил соседний город Миллаванда (в другом месте Милавата), но это место находилось за пределами хеттских владений и было в косвенном подчинении у царя Аххиявы. Главной целью этого письма было уговорить царя Аххиявы выдать Пиямараду и тем самым положить конец беспорядкам в странах Лукка. Интерпретация текста осложняется упоминанием о событии, касающемся некоего Тавагалавы (или Тавакалавы), который был, по-видимому, родственником царя Аххиявы (хотя и не братом, как утверждалось), и жил в Миллаванде или где-то поблизости. Народ стран Лукка сперва обратился за помощью к этому Тавагалаве. Вероятно, потому, что он был под рукой; позже, когда город Аттаримма подвергся нападению (со стороны кого — неясно, имя напавшего повреждено, но это не Пиямараду), народ призвал на помощь царя хеттов. Это, видимо, говорит о том, что страны Лукка были «ничейной землей» между двумя державами — Аххиявой и Хатти — и что границы были установлены неточно Тавагалава, который, вероятно, занял часть стран Лукка, отправил хеттскому царю послание с просьбой признать его своим вассалом. Хеттский царь, который, по-видимому, не имел ничего против, послал своего сына, высокопоставленного военного, привести к себе Тавагалаву, но тот обиделся, так как посланный не был самым главнокомандующим, и удалился в гнев. Описание этого инцидента включено в послание, по-видимому, потому, что хеттский царь думал, что Тавагалава и его друзья могли неправильно истолковать факты, и хотел показать, что его собственное поведение было корректным. После того как хеттский царь подавил восстание в странах Лукка, он получил письмо от царя Аххиявы, в котором последний сообщал, что велел своему представителю в Миллаванде по имени Атпа выдать Пиямараду. Хеттский царь отправился в Миллаванду, но лишь для того, чтобы обнаружить, что Пиямараду дали бежать на судне. Это стало предметом еще одной жалобы. Отметим, что здесь показано, что Миллаванда — прибрежный город.

Остальная часть письма в основном посвящена различным доводам и предложениям, цель которых — убедить царя Аххиявы выдать Пиямараду. Особенно любопытно одно такое предложение: 'посланца, который принес письмо, надлежит задержать как заложника для га-ранний безопасности Пиямараду, так как «этот посланец», говорит хеттский царь, «довольно важное лицо; он тот слуга, который начиная с моей юности ездил со мной в колеснице, и не только со мной, но также и с твоим братом и с Тавагаявой». Тут перед нами свидетельство очень тесной дружественной связи, даже близости, существовавшей одно время между государствами Хатти и Аххиявой или по крайней мере между их царствующими семьями. В самом деле, весь тон письма дружелюбный и почтительный.

Царю Аххиявы дают понять, что он не отдает себе полного отчета о положении дел, но как только ему все хорошенько объяснят, то он не сможет не уступить. Но в то же время ясно, что ах-хиявцы пользуются в Миллаванде значительной свободой, и создается впечатление, что царь Аххиявы — личность довольно слабая и бразды правления Миллаванды не полностью сосредоточены в его руках.

Утверждение Э. Форрера, что Тавагалава упомянут как «эолийский царь», основано на ошибочном понимании текста; для отождествления же Тавагалавы с Этеоклом, сыном Андрея, царя Орхомена, не было никогда никаких оснований, кроме небольшого сходства имен; не лучше обосновывает Э. Форрер и свое открытие имени самого Андрея в вышеупомянутом тексте о жрецах-прорицателях.

Вопрос об авторстве письма Тавагалавы связан с другим документом, в котором Пиямараду и Атапа упоминаются вместе; этот документ поэтому должен быть отнесен приблизительно к тому же времени, что и письмо Тавагалавы. Речь идет о письме неизвестному хеттскому царю, отправленном Манапа-Даттой, который правил страной реки Сеха начиная с 4-го года царствования Мур'сили II до какого-то времени, приходящегося на период царствования Муваталли. Поэтому автором письма Тавагалавы должен быть либо Муре или, либо Муваталли. Правда, Пиямараду сам по себе также упоминается в одном фрагменте времен Хаттусили. Но этот фрагмент настолько мал, что неясно даже, современен ли документу описанный эпизод с Пиямараду, или он упоминается в нем как случившийся ранее.

Позднее, хотя насколько — мы не знаем, правитель Миллгванды стал вассалом хеттского царя; до нас дошло письмо с сильно поврежденным текстом, в котором обсуждаются различные спорные вопросы, возникшие между яим'и (это так называемое письмо Милаваты). Здесь эпизод с Пиямараду упоминается как нечто происшедшее ранее и, по-видимому, подразумевается, что в последствии царь Аххиявы в самом деле уступил просьбе хеттского царя и выдал ему мародера.

У нас есть письмо, вероятно, времен Хаттуоили — ответ на просьбу выделить долю даров, присланных царем Аххиявы хеттскому царю; каковы эти дары — не сказано. Другой фрагмент, относящийся к событиям, связанным с государственным переворотом Хаттусили, связывает имя Аххиявы с именем Урхи-Тешуба, но текст нарушен и связность утрачена.

Для понимания статуса Аххиявы среди держав ближнего Востока того времени очень важен отрывок из договора между Тудхалией IV и царем Амурру. В отрывке упоминаются «цари, которые равны мне по рангу, царь Египта, царь Вавилона, царь Ассирии и царь Аххиявы»; но слова «и царь Аххиявы» стерты (хотя следы слов еще можно прочесть). Писцу вряд ли пришлось бы в голову вставить в текст имя царя Аххиявы, если бы государство Аххиява не было одной из великих держав того времени. Но подчистка текста, по-видимому, указывает на то, что хеттская канцелярия не хотела признавать этот факт официально. Далее в договоре дается инструкция для Амурру, каким образом вести дела с этими державами. Увы, и на этот раз та часть текста, где речь идет об Аххияве, сильно повреждена, но нам по крайней мере ясно, что контакт между Амурру и Аххиявой, по-видимому, выражался в том, что аххиявское судно получало доступ к сирийскому побережью.

Другой фрагмент, возможно относящийся ко времени Тудхалии IV, упоминает о царе Аххиявы в связи со страной реки Сеха и констатирует, что он «отступил». Очевидно, что, по крайней мере на этот раз, царь Аххиявы сам находился в Малой Азии. Страна реки Сеха была отдаленной вассальной территорией хеттской империи. Содержание текста рисует нам ситуацию, сходную с той, которая описана в письме Тавагалавы: ах-хиявские вожди заняли ряд территорий в странах Лук-ка, а затем покинули их, подчиняясь категорическому приказу хеттского царя. Впрочем, от этой таблички сохранилась столь малая часть, что допустимы и другие толкования текста.

Деятельность Атарсии также началась во время царствования Тудхалии IV. Этот человек описывается как «человек из Аххийи», и Э. Форрер предложит, что его можно отождествить с Атреем, но нигде не говорится, что он был «царем Ахийи», а фонетическое сходство обоих имен не очень близкое. Это имя упоминается в одном из самых поздних

хеттских документов — в обвинительном письме, посланном Арнувавдой III восставшему вассалу Маддуватте (см. выше). Маддуватта впервые прибыл к хеттскому двору, спасаясь от Аттарсии, который изгнал Маддуватту из его страны (где она находилась, не сказано); Тудхалия IV дал ему княжество в «горной стране Циппасла», где он был бы «вблизи от страны Хатти». Нет никаких указаний на то, что это княжество находилось на побережье. Но и тут Аттарсия снова напал на него. Хеттский царь послал отряд под командованием одного из своих генералов, и произошло сражение, причем у Аттарсии было 100 колесниц и неуставленное число пехотинцев; Аттарсия отступил, и Маддуватта был восстановлен в правах. Впоследствии, однако, Маддуватта, по-видимому, объединился с Аттарсией и они оба напали на Аласию, которую царь Арнуванда считал подвластной хеттам. То, что Ала-сия — это Кипр или по крайней мере часть Кипра — хотя это прежде и оспаривалось, — стало достоверностью с тех пор, как в 1961 г. был найден хеттский текст, в котором сообщалось о победе в морском бою над судами Аласии. Тем не менее удивительно, по какому праву хетты, окруженные сушей, могли претендовать на этот остров как на одно из своих владений.

Такова вкратце история отношений между Хатти и Аххиявой. Обе страны первоначально были в таких дружественных отношениях, что (родственников царя Аххиявы, по-видимому, посылали в страну Хатти, чтобы они там учились управлять колесницами, а богов страны Аххиява доставляли в страну Хатти, чтобы исцелять царя. Позже мы узнаем о все более недружелюбных действиях агентов Аххиявы у границ хеттских владений; все это закончилось тем, что в царствование Тудхалии IV и Арнуванды III Аттарсия стал уже нападать на них с моря и с суши. Хотя подобные стычки начались еще во время царствования Мурсили, официальные отношения с царем Аххиявы внешне, по-видимому, оставались дружественными по крайней мере до конца царствования Хаттуаили. После этого царь Аххиявы упоминается лишь однажды, в связи с тем, что он лично вступил, возможно с враждебными намерениями, на территорию одного хеттского вассального царства, и с этих пор уже нет никаких свидетельств о хороших официальных отношениях между Хатти и Аххиявой.

Аххиявцы были, несомненно, могущественным народом-мореплавателем, чьи корабли достигали берегов Сирии (Амурру). Например, такой вождь, как Аттарсия, мог во главе значительного войска действовать также и во внутренних областях Малой Азии. Этот народ тревожил хеттскую империю в следующих четырех областях: страны Лукка, страна реки Сеха, земля Циппаслы и Аласия. Но все эти сведения мало помогают нам локализовать саму Аххияву; дело в том, что контакты с Аласией, несомненно, осуществлялись морским путем, и ни одна из других хеттских (провинций, о которых шла речь, не может быть локализована с полной определенностью. Даже отождествление стран Лукка с более поздней Ликией не может считаться полностью достоверным. Только один город упоминается, как в какой-то степени принадлежавший царю Аххиявы, — это Миллавава. Но Миллавава не составляла неотъемлемую часть царства Аххиява. Она образует обособленную страну», и, хотя в «письме Тавагалавы» говорится, что правитель подчиняется распоряжениям царя Аххиявы, в более позднем «письме Милаваты» он упоминается им как вассал хеттского царя. Вся эта переписка заставляет предположить, что царь Аххиявы был не слишком хорошо осведомлен о делах в Миллаване, а получил искаженную информацию от своих подчиненных.

Известно, что со времени падения Кносса, около 1400 г до н. э., и вплоть до вторжения дорийцев в XII в. на море безраздельно властвовали микенские греки, они же гомеровские «ахайцы». На островах, особенно на Кипре, Крите и Родосе, мы находим изобилие хорошо известных всем изделий их мастерских. На каждом из этих островов были, по-видимому, крупные ахейские поселения. Таких поселений было немало и в Сирии, и в Киликии, а время от времени их находят в разных местах вдоль южного и западного побережья Малой Азии, особенно в Милете. Далее, архаический диалект, на котором говорили в более позднюю эпоху в Памфилии, навел некоторых ученых на мысль, что в этом районе находилось ахейское поселение, хотя археологические данные этого не подтверждают. Поэтому Э. Форрер без колебаний отождествил Аххияву с гипотетической «Ахайва» и поместил Миллаванду в Милии, в Памфилии. Однако первоначальной формой

классического «Ахайа» (ионического «Ахайе»), по-видимому, было не «Ахайва», а «Ахайвиа». Ф. Зоммер утверждает, что, поскольку у Гомера — нашего наиболее раннего авторитетного источника — мы встречаем «Ахайкс», а «е «Ахайа», то мет оснований считать, что последняя форма существовала раньше VII в. до н. э. Но с этими соображениями Ф. Зоммера можно не считаться, так как очевидно, что Гомер здесь руководствовался требованиями, накладываемыми стихотворным размером. Таким образом, можно надежно принять «Ахайвию» за название «страны ахейцев» на языке микенцев, тем более что дешифровка микенской письменности показала, что язык, на котором они говорили, был одной из древних форм греческого. Все же Ахайвиа и Аххиява хотя и в самом деле схожи, но все же не тождественны. В течение почти двух столетий хетты общались с Аххиявой, и неясно, почему они должны были заменить *ch* на *hh* (причем *ch* — это не шотландское или немецкое *ch*, а твердый звук «k» с придыханием), *sh* на *iya* (дифтонг *ai* был для них вполне привычным) или *ia* на *a* в конечном слоге. Еще труднее объяснить более позднюю форму «Аххия».

Ф. Зоммер и другие ученые считают поэтому, что сходство этих имен — это лишь случайное совпадение и что имеющиеся факты можно успешно истолковать, предположив, что Аххиява была расположена на побережье Малой Азии. Подход Э. Форрера к этой проблеме многие осуждали как слишком предвзятый, тем более что он сам не скрывал, что, посвятив себя изучению этих текстов, он лелеял надежду найти в них упоминание о греках и троянцах. Но основания для такой «предвзятости» все же остаются: в Киликии во всяком случае и, вероятно, также на Эгейском побережье микенцы не могли не соприкасаться с хеттами, и те немногие факты, которые мы можем почерпнуть из текстов о народе Аххиявы, вполне увязываются с тем, что известно о микенцах. Многие связаны здесь с общим вопросом о политической географии хеттов, по поводу которого еще нет общего согласованного мнения. Трудно все же оспаривать то, что страны Лукка, страна реки Сеха, страна Циппасла и Миллаванда, каково бы ни было их точное расположение, все принадлежали к числу самых западных провинций хеттской империи. Поэтому если Аххиява была одной из стран в Малой Азии, то она должна была находиться в самой западной части полуострова и морские связи народа Аххиявы с Амурру и Аласией никак нельзя считать маловажным фактором. Аххиявцы, подобно микенцам, несомненно, господствовали на морях, но греческая история последовательных «талассократий» свидетельствует, что в Восточном Средиземноморье одновременно двум владыкам морей было не ужиться. Надо надеяться, что ученые скоро придут к единому мнению о карте хеттской Малой Азии, и тогда станет ясно, найдется ли там место для государства такого значения, как Аххиява. Если такого места не найдется, то тогда основания исторического характера для отождествления народа Аххиявы с ахейцами станут столь вескими, что лингвистические возражения придется отвергнуть. В самом деле, многие филологи полагают, что такой момент уже наступил, и выдвигают ряд гипотез для объяснения расхождений между хеттскими и греческими формами имен.

Если предположение, что народ Аххиявы и ахейцы — один и тот же народ, принять хотя бы как рабочую гипотезу, то можно будет подробнее заняться обсуждением конкретных деталей. Хетты, по-видимому, знали только одно царство Аххиявы; археологические данные как будто говорят о том, что в XIV — начале XIII в. до н. э. Греция, по крайней мере материковая, была объединена под властью микенских царей. Может быть, Аххиява была как раз микенским царством или одним из островных царств на Крите, Родосе или Кипре, которое вполне могло пользоваться значительной независимостью. Любое из «них» располагало бы кораблями. Не легче ли представить себе правителя одного из таких островных царств принимавшим участие в военных походах или политических махинациях на континенте Малой Азии, чем — в этой же роли — царя какого-либо из государств материковой Греции? Скорее всего это было царство младшего «Миноса» — «а Крите» (в поэме Гомера Минос, сын Зевса, был ахейцем, предком героя Идоменея, а не правителем раннего «минойского» царства в Кноссе). По преданию, у Миноса был могущественный флот, с помощью которого он подавил карийских пиратов на островах (ср. с Пиямараду), а его братья, Сарпедон и Радамант, колонизовали прибрежные области Карии и Ликии. У Миноса был также сын Девкалида, чье имя в своих основных

элементах поразительно схоже с именем Тавакалавы; впрочем, предание не связывает его с Малой Азией. Что касается Миллэванды, то описание того, как хеттский царь подходил к этому городу, прямо указывает на город Милет, где, несомненно, имелась ахейская колония, а не на город Милиас, который был труднодоступен со стороны плоскогорья. Подробное обсуждение всех возможных вариантов вывело бы нас, однако, далеко за рамки этой книги.

Существует мнение, что в хеттских текстах упоминаются город Троя и троянец Александр-Парис. Скажем несколько слов об этом. Название города, который предполагается отождествлять с Троей (греческое Трои́х), пишется по-хеттски Таги(и)isa и может произноситься по-разному, а именно Тарувиса, Таровиса, Тарвиса, Тру-иса или Трои́са. Это название встречается всего лишь один раз — в списке городов и областей страны Ассува, которая сама нигде в другом месте больше не упоминается. Но ряд городов и областей Ассувы, стоящих в этом списке, известен, и подавляющее большинство исследователей считают, что в совокупности они распределены на территории, которая простирается от стран Лукка в направлении, противоположном тому, где расположены страны и местности, с которыми нас знакомят другие хеттские тексты. Короче говоря, это означает, что Ассува вероятнее всего, находилась на западном побережье Малой Азии; высказывалось предположение, что это название является в действительности первоначальной формой слова Азия, поскольку римская провинция Азия находилась как раз в этом районе. Текст, о котором идет речь, — это часть описания поврежденных аюналов Тудхалии IV, который, по-видимому, был первым хеттским царем, посетившим эти места. Название Тагу(u)isa стоит в списке последним, и поэтому можно предположить, что это самый северный из районов А'ссувы, т. е. весьма вероятно, что эта местность была где-то вблизи от Трояды. Но помимо этого, нет ничего, что поддерживало бы мнение о тождественности этих названий. Согласно правилам греческой фонологии совершенно недопустимо, чтобы Трои́са превратилась в Трои́ю; также нет никаких оснований предполагать, что именно в данном случае имело место исключение из правил. Из этого затруднения есть единственный выход — предположить, что Тагу(u)isa — это производное от первичной формы Тагу́иуа, которая, правда, в текстах еще не обнаружена (ср. Karkisa и Karriya).

Непосредственно перед словом Тагу(u)isa в тексте стоит слово, написанное как Uilusiia, которое надо произносить Вилусия; это напоминает гомеровский Илиос (Илион). Тут сразу напрашивается сравнение с названием вассального царства Uilusa (Вилуса). Во времена Муваталли (около 1300 г. до н.э.) там царствовал Алаксанду. Читателя не может не поразить сходство этого имени с именем Александра (иначе Париса), правителя Илиона (Трои). И наконец, (имеется предание, сохраненное Стефаном Византийским, о том, что город Самилия в Карий был основан неким Мотилом, «который принимал у себя Елену и Париса» (вероятно, на их пути из Спарты в Троию); тут, по-видимому, звучит отголосок исторического договора о вассальной зависимости между Муваталли и Алаксанду.

Фонетически ни одно из этих сопоставлений нельзя отвергнуть полностью, если только мы согласимся с существованием гипотетического Тагу́иуа, а имя Александр будем рассматривать как переделанное на греческий лад анатолийское Алаксанду, а не как подлинно греческое имя. Если бы по каким-то другим мотивам у нас была уверенность или хотя бы мы считали вероятным, что хетты никогда не проникали в такую далекую западную область, как Трояда, то мы без колебаний отбросили бы все эти хитросплетения гипотез. Но египетский текст, наоборот, свидетельствует, что народ Ordpu (т. е. дарданцы — мы не знаем ни одного другого схожего с ними имени) сражался совместно с хеттами в битве при Кадете. Правда, большинство ученых различают Вилусу от Вилусии и помещают первое царство на южном побережье Малой Азии; дело в том, что Вилуса входила в состав конфедерации Арцавы и ее местонахождение нельзя рассматривать изолированно от арцавского комплекса в целом. Впрочем, до тех пор пока не решена более крупная проблема, а именно вопрос о географии расселения хеттов, какие-либо доводы в пользу той или иной локализации Вилусы нельзя считать окончательными.

Отождествлению Алаксанду с Александром-Парисом препятствуют хронологические соображения. Согласно традиционно принятой хронологии, которая основывается

преимущественно «а родословных, Троянская война произошла около 1190 г. до н. э. По данным археологии — это дата падения Трои VIIa, погибшей от пожара. Это отделяет Алаксанду от Париса на целое столетие. Однако Алаксанду — современник гибели великого города Трои VI, облик которой близко совпадает с гомеровским описанием города; но этот город считается погибшим от землетрясения. Если пренебречь генеалогиями и считать, что Троянская война произошла около 1300 г. до н. э., а не в 1190-м, то Алаксанду мог бы быть самим Парисом. Можно предположить, что он получил в наследство, после ухода греков, значительно ослабленное царство и поэтому заключил договор с хеттским царем. Отнюдь не лишено вероятности и то, что землетрясение облегчило захват осажденного города, а «деревянный конь» мог быть жертвой, принесенной Посейдону-Землеколебателю (*Эту идею подал мне каноник В. Дж. Фитиан Адаме.*). Вот так из всех этих приведенных выше скудных данных можно воссоздать общую картину. Но следует подчеркнуть, что все это уже нельзя называть историей.

6. Хетты в Палестине

Теперь мы должны рассмотреть следующий парадоксальный факт: в то время «как хетты появляются в Ветхом завете как палестинское племя, накопление наших знаний об истории древнего народа хатти уводит нас все дальше от Палестины и, наконец, родина хеттов обнаруживается в самом центре анатолийского плато. Более того, вышеизложенный очерк истории хеттов показал, что до царствования Суппилиумы южнее Тавра вовсе не было хеттских государств; границы сирийских вассальных государств империи хеттов проходили севернее Кадета на Оронте, и, наконец, хотя хеттские армии доходили до Дамаска, они никогда не вступали в саму Палестину. Южнее Хамы никогда не существовало ни одного позднихеттского государства, и ее территория не включала в себя ни одну из частей Палестины, так как была отделена от нее арамейским царством Дамаска.

Таким образом, присутствие хеттов в Палестине до завоевания ее израильтянами представляет собой любопытную проблему. Все накопленные нами сведения о народе хатти не только не проясняют ее, но делают эту проблему еще более запутанной. Рассказы о покупке Авраамом пещеры Махпелы (Бытие XXIII) и о хеттских женах Исава (Бытие XXVI. 34; XXXVI. 1—3) критики, правда, приписывают автору-священнику, жившему в период после вавилонского пленения; таким образом, эти рассказы не представляют особой ценности как исторические источники; это же относится к различным спискам ханаанских племен, составленных, можно думать, немногим ранее. Но важнейшее место в Числах (XIII. 29) объяснить не так-то легко. В нем утверждается весьма определенно, что хетты занимали горную область страны, амореи — приморскую равнину и долину Иордана, а амалекиты жили на юге. Этот пассаж приписывается раннему автору Е, и, поскольку местожительство хеттов согласуется с рассказом о покупке у некоего хетта пещеры Махпелы близ Хеброна, мы можем допустить, что рассказ базируется на каком-то раннем источнике.

Мы должны также рассмотреть отрывок из книги Иисуса Навина (I. 2—4), где Яхве говорит Иисусу: «Встань, перейди через Иордан сей ты и весь народ сей, землю, которую я даю им, сынам Израилевым... От пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, рею землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши». Это повеление лишено смысла, В то время для израильтян путь в область, лежавшую между Ливаном и Евфратом, не проходил через реку Иордан, и они никогда не занимали эту страну — их шатры располагались на равнинах Моаба. В действительности они пересекли Иордан и заняли гористую страну Иудею — именно ту страну, которая приписывается хеттам в Числах (XIII. 29). Если мы опустим слова: «От пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрат», отрывок сразу становится осмысленным. Появление этих слов легко объяснить, как превратный домысел, сделанный более поздним автором, для которого имя «хетты» ассоциировалось с хеттами позднихеттских царств, расположенных в Сирии, поскольку хетты с иудейских гор исчезли задолго до этого.

Кто же тогда были хетты палестинских гор? Очень остроумный ответ был предложен Э. Форрером (*Palestine Exploration Quarterly*, 1936, с. 190-203; 1937, с. 100-115.). Когда страна Хатти страдала от чумы в начале царствования Мурсили II (1330 г. до н. э.) (*Чума*

вспыхнула в конце царствования Суппилулиумы; в приводимой ниже молитве говорится, что она продолжалась уже двадцать лет.), царь пытался найти в архивах возможное объяснение причин божьего гнева и нашел две таблички, которые, казалось, давали ключ к разгадке. Первая табличка указывала на то, что люди пренебрегли каким-то из праздников, и не представляет тем самым для нас интереса. Вторая же табличка, которая касается города Курустаммы, описывает следующее:

Когда бог Грозы Хатти привел людей Курустаммы в Египет и бог Грозы Хатти связал их (*Здесь, вероятно, имеется в виду народ Египта.*) договором с народом Хатти, и они были приведены к присяге богом Грозы Хатти и тем самым народ Хатти и народ Египта были связаны клятвой, данной богу Грозы Хатти; и тогда народ Хатти переметнулся и тут же, сразу, нарушил клятву, данную богу, и мой отец послал пехоту и колесницы, и они вторглись в пограничную землю Амка (*Долина Бекаа между Ливаном и Антиливаном*) и снова он послал их, и снова они вторглись...

Это вторжение было успешным; было захвачено много пленных, но эпидемия чумы разразилась именно среди этих пленных, и это они внесли чуму в страну Хатти. Тогда, по мнению Мурсили, и возник очевидный повод для возмездия за оскорбление бога Грозы, нанесенное ему нарушением клятвы.

Город Курустамма располагался в северном или в северо-восточном секторе хеттского царства. Это был пограничный город, стоявший вблизи Хатти на территории, выделенной Муваталли своему брату Хаттусили (см. выше). Цитированный текст прямо указывает, что в период царствования Суппилулиумы какие-то люди из этого малоизвестного северного города, как это ни кажется удивительным, вступили на «землю Египта», термин, который подразумевает всякую территорию, находившуюся под властью египтян. Текст оставляет неясными обстоятельства, при которых это произошло, но ссылка на бога Грозы Хатти, как «а подстрекателя этих действий, говорит скорее в пользу обдуманных действий со стороны властей, чем о появлении там беглецов, спасавшихся от хеттов-завоевателей, как это предположил Э. Форрер. Как бы то ни было, мы видим здесь пример, того, как группа хеттов (т. е. подданных царя Хатти) вошла на египетскую территорию; не исключена вероятность того, что они обосновались в малонаселенных горах Палестины. То, что они поступили именно так, конечно, всего лишь догадка. Там могли быть и другие переселенцы из районов хеттского владычества. Можно предположить, что они могли прийти из ближайших «хеттских» территорий Сирии, лишь недавно завоеванных Суппилулиумой, и называться не хеттами, а как-либо иначе. Эмиграция анатолийских хеттов в Палестине могла быть частым явлением.

Есть еще одно возможное решение этой загадки. Мы уже видели, что наиболее ранние обитатели Анатолии были народом, который мы называем хаттами, потому что они говорили на языке, именуемом в хеттских текстах hattili. В этой части мира нет письменных документов, датируемых ранее чем 2000 г. до н. э., и мы не знаем, сколь широко этот язык был распространен в III тысячелетии до н.э. Мы не знаем также, называли ли сами себя люди, говорившие на этом языке, таким именем. Языковые группы обычно не вырабатывают для себя общего имени, и слово «хаттили» могло быть образовано пришедшими индоевропейскими «хеттами» от древнего названия страны Хатти и ее столицы Хаттусы. Как бы то ни было, мы, во всяком случае, можем указать на возможность, правда при имеющихся свидетельствах недоказуемую, что в свое время на «хаттском» языке говорили народы на обширной территории, которая включала в себя Палестину, и что хетты с иудейских гор были оставшейся частью этого народа, которая оказалась изолированной, когда Северная Палестина и Сирия были заняты семитами и хурритами в конце III тысячелетия до н. э. (*Появление семитов и даже хурритов в этих областях относится к более раннему периоду; в частности, эблаитский (ср. об Эбле в Послесловии) — архаический язык семитской семьи, засвидетельствованный письменными памятниками второй половины III тыс. до н. э. — Примеч. ред.*). Если это было так, то вряд ли в будущем мы найдем этому новые доказательства. Если же, с другой стороны, эти «сыновья Кета» были эмигрантами из империи хеттов, с которыми хеттский царь заключил договор, то существует некоторая надежда, что дальнейшие раскопки архивов Богазкёя прольют свет на эту проблему.

Глава II. Государственный и общественный строй хеттов

1. Царь

Положение царя в раннехеттском государстве, по-видимому, было не очень прочным. Одним из первых зарегистрированных событий в истории Хаттусы явилось то, что знать (или садовники) объявила царем противника Лабарны I, хотя последний был назначен престолонаследником его отцом. Последующая история царства полна бунтов и мятежей, которые поднимала та или иная часть царских родственников, сам же царь постоянно боролся за сохранение внутреннего равновесия в государстве. Смерть царя обычно вызывала кризис управления; мудрый монарх пытался предотвратить его тем, что при жизни публично назначал своего преемника. Ученые использовали эти факты, чтобы указать, что в своей основе хеттская монархия была выборной в том смысле, что назначение наследника перед лицом собрания знати может трактоваться как формальная просьба у собрания санкционировать назначение преемника, причем без получения этого согласия назначение не имело бы законной силы. Такая теория чрезвычайно интересна, поскольку выборные монархи известны у англо-саксонских и других германских народов. Сказанное, правда, не вытекает из речи Хаттусили I (единственного дошедшего до нас документа об акте "назначения" царя), так как в тексте нет и намека на то, что царь допускает какое-либо ограничение своих прав при выборе наследника. Однако непрочное положение монарха в период раннего царства все же можно объяснить конфликтом между знатью, желавшей сохранить свои даение права, и царем, котрый стремился установить порядок династического наследования престола. С этой точки зрения нетрудно понять, почему з речах царя отсутствуют упоминания о традиционных правах знати.

Положение о престолонаследовании было окончательно упорядочено царем Телепину, который установил следующий закон:

Пусть царевич, сын от главной жены, будет царем. Если нет сына от главной жены, пусть сын жены второго ранга будет царем. Если, однако, нет царевича, пусть возьмут мужа для дочери жены первого ранга и пусть он станет царем.

Этот законодательный акт был поворотным моментом в истории хеттов. До этого акта государство ввергалось в периодические кризисы, после него появилась гарантия стабильности, и с тех пор честолюбивая знать больше никогда ни оспаривала власть у царя. Действительно, успех этою акта был таков, что через два столетия, когда царь Муваталли умер, не оставив законного наследника, трои перешел без помех к Урхи-Тешубу, сыну наложницы, и только через семь лет дерзость и неумелость этого юнца заставили его могущественного дядю Хаттуоили совершить государственный переворот.

Цари Древнего царства именовали себя «Великий царь, табарна». Титул «Великий царь» на языке дипломатии значит, что хеттский царь претендовал на то, чтобы считаться одним из великих правителей своего времени, властвующих над менее значительными царями. Табарая, вероятно, не что иное, как искаженное имя далекого предшественника — Лабарны. Этот титул носил только здравствующий монарх, и можно думать, что каждый правящий царь рассматривался хеттами как перевоплощенный основатель царского рода. Изменение в написании начального согласного, наверное, указывает да то, что исходное (хаттское) имя содержало специфическую согласную, которую индоевропейские хетты произносить не умели.

В поздний период империи «табарна» обычно заменяется титулом, означающим «Мое Солнце». Это было, вероятно, должной формой обращения, употребляемой подданными царя, и оно, несомненно, заимствовано хеттами из современных им царств Митанни и Египта вместе с крылатым солнечным диском как символом царского достоинства. Восточная концепция царя, наделенного сверхчеловеческими силами, также возникает в период империи. Это выражается в обороте «Герой, любимец бога (или богини).. », который следует за именем всех позднейших царей и встречается в следующем отрывке из так называемой Автобиографии Хаттусили III «Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. Я был тем человеком, кому была явлена власть богини, и перед лицом богов в божественном чуде я шел. Мне не случалось делать дурного дела человеческого». Мы имеем много текстов того же периода, в которых описаны тщательно разработанные

ритуалы, соблюдавшиеся при дворе и предназначенные для охраны царя от малейшего осквернения.

При жизни хеттский царь фактически никогда не обожествлялся. Однако существовал узаконенный культ духов предшествующих царей, и поэтому смерть царя постоянно выражалась эвфемическим оборотом «он стал богом».

Царь был одновременно верховным главнокомандующим армией, верховным судьей и главным жрецом. Естественно, что он должен был также в качестве главы государства отвечать за все дипломатические отношения с иностранными державами. Перепоручать подчиненным он мог только свои полномочия судьи; военные и религиозные обязанности он должен был исполнять лично, и если иногда пренебрегал последними, чересчур занятый дальними военными походами, то это рассматривалось как грех, который может навлечь на страну гнев богов. Иногда мы узнаем даже, что важные военные действия поручались военачальникам, потому что сам царь должен был спешить назад в столицу на религиозное празднество. Все же обычно он находился в летние месяцы в походе, во главе своих войск, а зиму проводил дома, посвящая время культовым празднествам и другим религиозным обязанностям. Они требовали его личного присутствия в каждом из основных культовых центров государства, и существуют тексты, описывающие поездки, которые регулярно совершает царь, часто вместе с царицей и наследником. Такие тексты, конечно, служат важным источником информации о местонахождении этих городов, поскольку в них точно указывается время, необходимое для переезда с места на место.

На различных памятниках хеттский царь чаще всего изображен наполняющим функции жреца. В Аладжа-Хююке (см. фото 2 в галерее) мы видим его молящимся, с руками, воздетыми в приветствии перед изображением быка символом бога Грозы), а в Малатье — совершающим розливания перед самым великим богом грозы Хатти. На этих и на всех других памятниках он изображен в особом длинном одеянии, достигающем до Лодыжек; поверх него царь облачен в замысловатую накидку, проходящую под одной рукой и перекинутую через другую; конец накидки свободно свисает спереди; на голове у царя, видимо, надета плотно сидящая шапочка, а в руках длинных посохов, напоминающий литуус римских авгугов (см. фото 2, 13; рис. 3, 64). Таково было облачение бога Солнца.

2 Царица

Другая своеобразная черта хеттской монархии заключается в чрезвычайно независимом положении царицы. Ее титул таваннанна, образованный от имени ее прародительницы — жены царя Лабарны, наследовался только после смерти ее предшественницы. Поэтому до тех пор, пока царица-мать здравствовала, жена царствующего монарха могла называться только «жена царя».

Хеттские царицы представляются, как правило, сильными и не всегда приятными личностями. В этом смысле особенно отличилась вдова царя Суппилиуми, которая причинила так много неприятностей своему сыну Мурсили II, что тот вынужден был изгнать ее из дворца, и это послужило причиной ее смерти. Это было таким скандальным делом, что даже почти полвека спустя оно все еще лежало бременем на совести Хаттусили III. Жена его, царица Пудухепа, играла выдающуюся роль в делах государства и постоянно упоминается вместе с мужем во всех государственных документах. Она даже вела самостоятельную переписку с царицей Египта. Мы ее видим совершающей жертвоприношение великой хеттской богине в Фыракдыне; текст договора с Египтом свидетельствует, что у нее была собственная официальная печать, на которой она изображена в объятиях той же богини.

3. Общественные классы

Нам известно, что хеттский царь периода Древнего царства дважды собирал своих сограждан для того, чтобы сделать важное сообщение: для объявления Мурсили I наследником престола и для обнародования указа Телепиу, касающегося закона о престолонаследовании и реформы судебной системы. Эти два царских обращения дают нам драгоценную информацию о структуре хеттского общества в древнейшие времена.

Становится ясно, что царские родственники, именовавшиеся «великим родам», обладали особыми привилегиями, которыми они постоянно злоупотребляли. Им предоставлялись обычно высшие государственные должности. Они носили важные титулы: главный телохранитель, главный придворный, главный кравчий, главный казначей, главный над скипетроносцами, главный над тысячниками, «отец дома». Большинство этих чиновников, судя по их обозначениям, выбиралось из дворцового штата, и если мы установим, что занятию этих должностей часто сопутствовало назначение на высокие военные посты, то станет очевидно, что хетты имели давнюю традицию устоявшейся придворной жизни и что их военная экспансия была относительно позднего происхождения. Действительно, мы знаем, что цари и дворцы уже существовали во многих анатолийских городах еще во времена ассирийских торговцев, и представляется весьма странным, что порядки, сложившиеся в раннем царстве, Хаттусы, были в свое время воспроизведены в других местах.

Дворцовые службы, возглавлявшиеся сановниками, видимо, имели свой собственный персонал, хотя не всегда удается сопоставить каждый класс должностных лиц, упоминаемых в тексте, с их соответствующим начальником. Этих подчиненных царь Телепину называет «придворные, телохранители, чашники, стольники, повара, жезлоносцы, тысячники и казначеи»; для обозначения всех их в целом он пользуется специальным словом *панкус*, что в данном контексте, по-видимому, означает «все сообщество». Поэтому когда собрание, созванное Хаттусили, описывается как «воины *павкуса* и сановники, а далее как «воины, слуги и знать», то становится очевидным, что и там и тут имеются в виду одни и те же классы и что эти классы составляют все сообщество, во всяком случае в той мере, в которой оно участвует в государственных делах.

Впрочем, в ходе речи Хаттусили мы наталкиваемся на место, из которого узнаем, что большая часть «жителей страны рассматривалась как не входящая в это сообщество. Действительно, обращаясь к своему сыну, Хаттусили говорит: «Старейшины Хатти не должны говорить с тобой, и ни человек из... ни человек из Хемму-вы, ни человек из Тамалкии, ни человек из... и вообще никто из народа страны не должен говорить с тобой». Ясно, что все эти люди не присутствуют в собрании. Особенно поражает упоминание о старейшинах, ибо старейшины управляют городом, составляя городской совет, с которым правители провинций, приезжая в город, обязаны сотрудничать в судебных и иных делах. Вывод представляется ясным: хеттское государство было создано привилегированным классом, доминировавшим над коренным населением страны, первоначально рыхло организованным в ряд независимых городских поселений, каждое из которых управлялось группой старейшин. Этот вывод хорошо согласуется с лингвистическими данными, согласно которым группа индоевропейских пришельцев стала доминировать над хаттами (*Этот вывод представляется весьма сомнительным и ни в коей мере не вытекает из лингвистических и исторических данных.— Примеч. ред.*).

Это собрание «всех граждан», по-видимому, выполняло в раннехеттском государстве судебные функции, ибо Телепину ссылается на дело трех младших придворных, которые были приговорены *панкусом* к смерти за убийство двух предыдущих царей и исполнение приговора над которыми он приказал отсрочить. Оказывается, эти люди действовали по приказу вышестоящих лиц, и Телепину, озабоченный стремлением подавить могущество знати, повелел *панкусу* на будущее наказывать самого подстрекателя, будь то высокопоставленный сановник или даже сам царь. Неясно, означает ли это сознательное расширение власти *панкуса*, или же царь просто напоминает собранию о правах и обязанностях, которые оно имело всегда, но зачастую боялось реализовать.

После времени правления Телепину мы больше ничего не слышали об этом собрании. Правда, мы не располагаем никакими текстами, относящимися к периоду, непосредственно следующему за его царствованием. Однако для последних двух веков империи мы располагаем обширной документацией, и полное отсутствие в ней упоминаний о *панкусе* вряд ли можно считать случайностью. Возможно, что сфера деятельности *панкуса* сузилась, перестала охватывать важные дела по мере того, как царство стабилизировалось и город-государство перерос в империю, и в конце концов *панкус* стал отмирать. С исчезновением этого крайне типичного для хеттов института поздняя империя стала все больше

походить ,на обычную для Востока абсолютную монархию, управляемую должностными лицами, назначаемыми царем. Возможно, хотя и не обязательно, что класс, из которого набирались эти лица, постепенно терял свою исключительность. Знать, однако, до конца оставалась выделенным классом. Многие знатные люди были владельцами обширных поместий, полученных от царя в ленное 'пользование. Нет сомнения, что именно они поставляли колесницы, котдые в такой высокой степени определяли мощь хеттской армии; в самом деле, только состоятельные люди могли располагать столь дорогостоящим вооружением.

О простых людях мы знаем сравнительно мало. Это были главным образом земледельцы; но существовал четко очерченный класс ремесленников, живших в основном в городах; видимо, их называли «люди орудия». Строители, ткачи, шорники, гончары и кузнецы именуется особо. В некоторых больших поместьях, подробные реестры которых сохранились, как земледельцы, так и ремесленники считались зависимыми, прикрепленными к земле; но такие случаи были, вероятно, исключениями. Рядовой гражданин :был свободным, хотя и мог в любое время быть привлечен к принудительным работам (по-хеттски *lizzi*), а ремесленники, во всяком случае как правило, владели землей и другой собственностью.

Положение слуг в домах достаточно богатых граждан представляется не совсем ясным. В обществах эпохи античности, а также в Вавилоне раб был движимым имуществом, собственностью его хозяина и мог быть куплен и продан, как любой другой товар. Положение хеттского слуги довольно полно описано в двух фрагментах, разъясняющих отношения между человеком и богами:

Различаются ли нравы людей и богов? Отнюдь нет! Может быть, хоть немного? Нет! Их нрав совершенно одинаков. Когда слуга предстает перед своим хозяином, он умыт и на нем чистая одежда; и он подносит хозяину или что-нибудь поесть, или что-нибудь Попить. И он, хозяин, ест и пьет что-нибудь и отдыхает душой и расположен доброжелательно к слуге. Если, однако, слуга нерасторопен (?) или невнимателен (?), тогда отношение к слуге меняется. И если слуге случится рассердить хозяина, то его или убивают, или калечат ему нос, или глаза, или уши; или же он (хозяин) призывает слугу к ответу, [а также] его жену, его сыновей, его брата, его сестру, его родственников по браку и его семью — все равно, будь слуга мужского или женского пола Затем его поносят публично и обращаются с ним как с ничтожеством А если он умирает, то умирает не один, а вместе с семьей Ну а если кто-нибудь рассердит бога, то наказывает ли бог за это его одного? Разве он не наказывает его жену, его детей, его потомство, его семью, его рабов мужского и женского пола, его скот, его овец и его урожай за это; разве бог не уничтожает его дотла?

И еще:

Если слуга попадает в беду, он обращается с просьбой к своему хозяину; и хозяин слушает его, [доброжелателен] к нему и улаживает его неприятности. Или же если слуга в чем-нибудь провинился и покался в этом перед хозяином, тогда хозяин может поступить со слугой так, как он хочет. Но раз слуга признался хозяину в своей вине, то дух хозяина смягчается и хозяин не призывает слугу к ответу.

Ясно, что хозяин располагал неограниченными правами по отношению к слуге; даже жизнь и смерть слуги были в руках хозяина. Это, конечно, рабство, даже если (как мы видим из второго отрывка) обращение со слугой практически смягчалось соображениями разума, здравого смысла и нравственности.

Поэтому довольно любопытно, что свод законов содержит много статей, в которых слуга рассматривался как лицо, жизнь и плоть которого подлежат охране; однако и ценность слуг составляет ровно половину ценности жизни и здоровья свободного человека. В этих статьях не упоминается хозяин, на действия которого по отношению к слугам эти законы, конечно, не распространялись; вполне возможно, что в случае, если телесное 'повреждение было причинено слуге третьим лицом, хозяину причиталось возмещение за ущерб, нанесенный его собственности. С другой стороны, устанавливаются наказания для рабов (слуг), совершивших преступление; взыскание обычно составляет ровно половину того, что налагается на свободного человека, даже если речь идет об искалечении. Лишь в двух случаях имеются указания на то, что хозяин несет какую-то ответственность за

преступления своего слуги. Таим образом, хеттский «слуга», видимо, имел как «юридические» права, так и обязанности. Кроме того, считалось нормальным, что слуга обладал собственностью, а в законе содержались статьи, излагавшие правовые основы браков между «слугами» и свободными женщинами: это заставляет думать, что такие браки были достаточно частыми; закон требовал лишь, чтобы жених сделал невесте свадебный подарок. Лица, обладающие такими правами, не могут считаться рабами в обычном понимании этого термина; их статус скорее, напоминает статус мушкену (плебеев) в Вавилоне во времена Хаммурапи. Надо «оказать», что здесь возникает вопрос об источниках самого хеттского свода законов; он сам по себе представляет текстологическую или литературную проблему. Из-за отсутствия каких-либо частных документов мы не знаем, откуда брались эти слуги и каково их происхождение. Имеется, правда, упоминание, содержащееся во фрагменте письма, присланного царем Египта, о рабах-неграх, но последние, несомненно, были большой редкостью.

4. Управление

Традиционная форма гражданской организации страны носила выраженный местнический характер; разбросанные города и долинны общины имели свои собственные местные «советы старейшин». Они составляли уместную администрацию, и, в частности, занимались улаживанием споров. Иначе были организованы только крупные религиозные центры. Из описания Страбоном священного города Команы во времена римского императора Тиберия мы знаем, что с незапамятных времен подобные города полностью зависели от храма, а сам верховный жрец был одновременно гражданским правителем. В хеттских текстах имеются лишь косвенные упоминания об этих священных городах, но можно с уверенностью сказать, что этот тип организации имеет очень древнее происхождение.

Цари Хаттусы первоначально поручали непосредственный контроль над новыми завоеванными территориями своим сыновьям. Мы уже видели, как сыновья Лабарны, возвращаясь из ежегодных военных походов, регулярно уезжали в выделенные им провинции для того, чтобы управлять там делами. Мы читаем, что дальнейшем подобные поручения давались военачальникам, которые обычно были родственниками царя. Управление провинциями включало в себя такие обязанности, как ремонт дорог, общественных зданий и храмов, назначение жрецов, проведение религиозных церемоний и вершение суда. Назначение подобных управляющих часто носило временный и неофициальный характер, и должность не обязательно сопровождалась присвоением особого титула.

Эта система, несомненно, перестала быть эффективной, как только империя перешагнула за пределы каппа-дошского плато. Но еще до этого можно усмотреть возникновение новой системы управления. Для принцев царского дома стали создаваться уделы, и мы читаем в одном раннем тексте о «принцах» таких городов, как Цальпа, Хуписна, Усса, Сукция и Ненасса. Но горные перевалы затрудняли сообщение с центром, и пришлось назначать более долгосрочных и независимых местных правителей, связывая их подробной и торжественной клятвой на верность верховной власти. Более того, расширяющаяся хеттская империя оказалась мощным магнитом, притягательным для более мелких и слабых царств, лежавших на ее периферии. Царства Оирии, в частности, оказались в довольно ненадежном положении, зажатые между двумя честолюбивыми империями — Хатти и Египтом. Сирийские правители старались сохранить свои троны, используя гибкую политику поддержки той державы, которая в данный момент представлялась сильнейшей. Амурру, царство амореев в Ливане, и Киадуватна в Киликии были втянуты в орбиту хеттской империи и считались вассальными царствами наряду с теми территориями, которые были завоеваны хеттскими царями силой оружия.

Статус провинций, приобретенных этими путями, зависел от многих факторов. Ключевые позиции, такие, как Алеппо, Каркемш и Даттаоса, органически входили в состав империи. Они предназначались для принцев царской семьи, которые правили там как особо близкие и доверенные вассалы. Основной мыслью этого положения может служить наречение, которое мы находим в договоре с принцем Алеппо «Мы, сыновья Суппилиуму, и весь

наш дом да будут едины». Обязанность помогать друг другу налагается на всех, и тут, по-видимому, не допускается никаких исключений, считалось, очевидно, излишним составлять точные и подробные соглашения.

Совершенно иное положение занимали «протектораты» Это были преимущественно царства, пользовавшиеся в недавнем прошлом значительным престижем, считалось, что их необходимо утешить хотя бы видимостью независимости Типичным случаем здесь была Киццу-ватна, царство, господствовавшее над киликийской равниной отрыв этого государства от вассальной зависимости по отношению к Митанни выдавался за акт освобождения, и почти каждое обязательство со стороны царя Киццуватны тщательно уравнивалось встречным и равносильным обязательствам со стороны хеттского царя. Тем не менее царь Киццуватны находится под хеттским 'покровительством, он должен ежегодно являться в Хаттусу свидетельствовать почтение, и он обязуется избегать всяких дипломатических сношений с царем хурритов.

Можно было бы ожидать, что Азиру, правитель Амурру, который тоже добровольно признал хеттского царя своим сюзереном, получил аналогичные привилегии Однако в противоположность Киццуватне Амурру не была к этому времени крупной державой, и поэтому условия, принятые Азиру, совпадают с теми, которые были навязаны Нухашше, сирийскому княжеству, которое поначалу не повиновалось Суппилулиуме и с которым, как следовало ожидать, обошлись более сурово. Подобным же образом страна реки Сеха, подчинившаяся добровольно, получила договор на таких же условиях, как и завоеванные царства арцавского региона.

Большинство подчиненных царств управлялось местными вассалами, впрочем, они, будучи либо беженцами, либо вождями прохеттских партий, назначались в качестве доверенных лиц непосредственно хеттским сюзереном. Вассальный царь был суверенным правителем в пределах своей территории, но ему запрещалось иметь какие-либо сношения с иностранной державой, и если при его дворе находился иностранный посол, то это считалось серьезным проступком. Ему полагалось поставлять определенный контингент войск для хеттской армии как в том случае, когда хетты шли походом на одну из крупных держав, так и в том случае, когда военные действия предпринимались против кого-либо из его соседей. Он был обязан выдавать всех бежавших из страны Хат-ти, но сам не имел права претендовать на ту же услугу; хетты хорошо знали, сколь полезны могут быть подобные беженцы в случае, если вассальная страна начнет проявлять недовольство Клятва на верность хеттскому царю и его преемникам приносилась навечно. В свою очередь, царь, как правило, гарантировал своему вассалу защиту от врагов и обеспечивал преемственность власти его законным наследникам.

Вассал выражал свою верность ежегодно, являясь свидетельствовать свое почтение, что сопровождалось поднесением дани. Впоследствии дань, видимо, доставлялась посланцами.

Описанные договорные условия защищают в основном интересы сюзерена и отражают соотношение сил между ним и его вассалом. В момент принятия данной ему власти бывший беженец доволен своим положением. Но хетты, так же как до них шумеры и аккадцы, считали, что власть — ненадежное устрашение и против нее можно восстать, как только представится благоприятный случай. Поэтому родился обычай, известный еще в древнейшей Месопотамии, заручаться помощью богов, делая их с помощью клятвы свидетелями и хранителями договора. В Месопотамии для вящего устрашения иногда брали заложников, но эта мера претила хеттам, и они ею никогда не пользовались. Для них клятва с ее торжественными религиозными отзвуками была чем-то фундаментальным и, очевидно, рассматривалась как мощное орудие устрашения. Обычно зывали к богам О'беих договаривающихся старой, поскольку религиозные чувства того времени имели сильную национальную окраску.

Но все же хетты явно понимали, что даже страх перед божьим гневом был слишком шаткой основой для устойчивых взаимоотношений. Поэтому весьма поощрялись дипломатические браки как средство перетянуть вассала на сторону интересов центральной династии. Считалось также необходимым постоянно зывать к чувству благодарности вассала. Это делалось в длинной преамбуле к договору, в которой перечислялись добрые услуги, оказанные вассалу в прошлом со стороны хеттского

сюзерена. Таким образом требования, содержащиеся в договоре, представлялись как правомерная и справедливая отплата за благодеяния. Это обращение к совести вассала отвечает человечности, лежавшей в корне хеттского мировоззрения.

Сам текст договора обычно наносился на табличку из драгоценного металла (известно, что это были серебро, золото и железо) и скреплялся оттиском царской печати. Эти документы погибли. Сохранившиеся глиняные таблички — копии, сделанные для дворцовых архивов; ни одна из этих табличек не имеет царской печати. Подлинник документов был грамотой, дававшей вассалу власть, и утрата его была поэтому серьезным делом. Мы узнаем из записей, что договор с царем Алеппо был похищен из храма, где он хранился; этот правитель приложил много труда, чтобы получить новую копию из хеттской канцелярии.

Столь тщательно построенной системе не суждено было принести плодов. Нападение Ассирии на востоке, козий Арцавы на западе и подвиги таких авантюристов, как Маддуватта и Мита, привели к потере внешних провинций, и лишь постоянные войны позволяли удерживать границы страны.

5. Внешняя политика

За пределами своих границ ранние хеттские цари видели лишь врагов. Изменилось ли что-нибудь после заключения договора между Киццуватной и царем Телепины, сказать трудно, поскольку договор не сохранился. Ко времени Суппилулиумы мир Западной Азии сплотился и стал управляться тремя великими державами: Египтом (Мицри, библейский Мизраим), Вавилоном (называвшимся в то время Кар-Дуниашем) и Митанни (хурритское царство, управляемое знатно индоиранского происхождения). Между странами установилось некое равновесие, и из найденной в Телль-эль-Амарне дипломатической переписки видно, что они были в превосходных отношениях. То и дело происходил обмен посольскими делегациями, подносившими изысканные дары, а все три монарха именовали друг друга братьями, и дружба регулярно укреплялась дипломатическими браками. Но военные походы Суппилулиумы покончили с властью Митанни, и с той поры Хатти стала одной из трех великих держав в этом древнем сообществе народов.

Когда два «великих царя» заключали между собой договор, это совершалось на условиях полнейшего равноправия. Единственный сохранившийся образец такого договора — договор между Хаттусили III и Рамсесом II, заключенный около 1269 г до н. э. Впрочем, известно, что существовали по меньшей мере два предшествовавших договора между Хатти и Египтом, и можно не сомневаться, что дружественные отношения между Вавилоном и этими двумя державами зиждились на подобной же договорной основе. Лейтмотив таких договоров — установление «братских взаимоотношений».

Это подразумевает невозможность войны между двумя державами и оборонительно-наступательный союз. Эти темы разрабатываются достаточно подробно. Договаривающиеся стороны берут на себя такое обязательство: если один из правителей умирает, другой обеспечивает переход трона к законному наследнику первого. Эта взаимная династическая гарантия была, как мы видели, столь же существенной статьёй и в договорах с вассалами; в самом деле, если династия отождествляется с государством, то падение ее означало бы падение царства как такового, независимо от его международного статуса. Обязанность выдавать беглецов излагается в «договоре о братстве» также «а основе полной взаимности. Никаких других ограничений на суверенитет союзников не накладывалось, и они могли, таким образом, вступать в любые дипломатические отношения с третьими сторонами. Наконец, все статьи договора пов-торял'ись слово в слово, чтобы обеспечить полную идентичность обязательств для обеих сторон; более того, весь договор составлялся каждой из сторон и посылался другой стороне для ратификации; так, например, договор между Рамсесом и Хаттусили был обнаружен в двух версиях, из которых одна была высечена египетскими иероглифами на стенах храма в Карнаке, а другая, на аккадском, найдена на клинописной табличке в Богазкёе. Иногда, оказывая любезность, ту же привилегию предоставляли вассалу.

В своих политических маневрах государства тщательно остерегались наносить обиды своим могущественным соседям. Это можно проиллюстрировать договором между

Суппилулиумой и царем Киццуватны — одним из самых ранних дошедших до «ас хетских договоров». Сила низание Киццуватны преподносится как случай самоопределения и оправдывается ссылкой на прецедент, когда царь Митании сам положил этот принцип в основу своего поведения.

Народ Исувы (говорит Суппилулиума) бежал от войск моего величества и перешел в страну хурритов Я, Солнце, послал слово хурритам: «Верните мне моих подданных!» Но хурриты послали моему величеству такое слово: «Нет! Эти города в прошлом.. пришли в страну хурритов и обосновались там. Это верно, что позднее они вернулись назад в страну Хатти как беженцы; но теперь скот в конце концов выбрал себе стойло, они пришли в мою страну навсегда:». И так хурриты не выдали мне моих подданных.. И я, Солнце, послал хурритам такое слово: «Если бы какая-нибудь страна отделилась от вас и перешла бы к Хатти, как бы это было?» Хурриты послали мне такое слово: «Точно так же». Теперь народ Киццуватны стал хеттским скотом и выбрал себе стойло, он убежал от хурритов и перешел к моему величеству.. Страна Киццуватна с ликованием встретила свое освобождение.

Это образец пропаганды со знакомым отзвуком в нашем веке. Но он свидетельствует о существовании международного общественного мнения, перед которым хеттский царь считал необходимым оправдывать свои действия.

Глава III. Жизнь и хозяйство

Плоскогорье Малой Азии в известном смысле является продолжением русской степи, и климат его суров. Злые ветры с севера вызывают в зимние месяцы сильные снегопады, а после короткой восхитительной ввоны страна опалается беспощадным летним солнцем. Тучи проливаются дождем по большей части на склонах Тавра или «а холмах черноморского побережья. Таким образом, центральное плато — это продуваемая ветрами степь, и лишь в долинах рек можно найти достаточно воды и укрытия для человеческих поселений. Можно часами ехать по унылой волнистой равнине, пока вдруг внизу, в сотнях футов под тобой, не покажется напоенная водой долина, а там, вдали, опять вырисовываются мягкие очертания низких холмов, подобных тем, которые ты только что оставил за собой. На родине хеттов, к северу от каппадокийской реки (Делидже-Ирмак), долины и реки встречаются чаще и край не кажется столь унылым. Здесь почти все поля лежат вблизи селений и тщательно обработаны; но отсутствие деревьев на холмах поражает, и нет спасения от леденящих зимних ветров.

Возможно, что во времена хеттов климат был более умеренным. То, что люди здесь, как и нынче, занимались главным образом сельским хозяйством, подтверждается текстами. Наш главный источник сведений о природе хеттского общества — овод законов «сходит из того, что страна была повсеместно аграрной. Мы располагаем также списками полей и документами на владение, содержащими подробные инвентарные описи владений, которые имели, по-видимому, довольно значительные размеры.

Вот несколько параграфов свода законов, характеризующих сельскохозяйственный фон хеттской цивилизации

75. Если кто-нибудь возьмет займы и запряжет быка лошадь, мула или осла и тот падет, или его растепзает волк, или он заблудится, то взявший его должен заплатить полную его стоимость но если он скажет «От руки божьей он погиб», то должен принести клятву

86. Если свинья забредет на гумно, или поле, или в сад хо зяин гумна, поля или сада ударит ее и она падет, он должен вернуть ее владельцу, а если он не вернет ее назад, то станет вором

105. Если кто-нибудь подожжет [валежник?] и [оставит его] там и огонь перекинется на виноградник, если виноградная лоза, яблоки, гранатовые деревья и грушевые деревья (') сгорят, то за каждое дерево он должен отдать [6] сиклей серебра и посадить плантацию заново Если он раб, то должен отдать 3 сикля серебра

151. Если кто-нибудь наймет пахотного быка, то один месяц найма стоит 1 сикль серебра

159. Если кто-нибудь запряжет пару быков, то стоимость най ма — полмеры ячменя

91. Если кто-нибудь украдет рой пчеч то прежде давали 1 мину серебра Теперь же он должен отдать 5 сиклеи серебра

Теперь приведем типичный параграф из земельной сделки:

Поместье Тиватапары: 1 мужчина, Тиватапара, 1 мальчик, Харувандули, 1 женщина, Ация, 2 девочки Аннити и Хантавия (всего) 5 человек, 2 быка, 22 овцы, 6 волов...; 18 овец, и с овцами 2 овечки, и с баранами 2 ягненка, 18 коз, и с козами 4 козочки, и с козлом 1 козленок, (всего) 36 штук мелкого скота, 1 дом пасбище для быков 1 акр луга в городе Паркалла 3,5 акра виноградника и там 40 яблонь, 42 гранатовых дерева в городе Ханцусра, принадлежащих поместью Хантани.

В этих фрагментах перечислено большинство домашних животных, содержавшихся хеттами, и многие плодовые деревья, которые они культивировали; мы видим, что все это в значительной степени соответствует тому, что есть и сегодня.

Главными зерновыми культурами были ячмень и эммер; они шли не только на муку и хлеб, но также и на пивоварение. Считается, что виноградная лоза — это местное растение в Анатолии, и она, без сомнения, усердно культивировалась в хеттские времена. Олива, которую ныне можно выращивать только на прибрежных равнинах, в римские времена пышно произрастала на значительных высотах; из хеттских текстов мы знаем, что она была обычным источником получения растительного масла. Зерно, вино и оливковое масло были основными продуктами страны, на них призывалось благословение богов. Горох и бобы также время от времени упоминаются в текстах, а лен, впрочем, выращивался в отдельных районах, так же как и сейчас.

Крупные горные массивы Анатолии богаты минералами, и их, несомненно, разрабатывали еще с древнейших времен. Медь была у ассирийских купцов в Каппадокии основным предметом экспорта как раз перед образованием царства Хатти, а серебро с того времени и далее имелось, очевидно, в изобилии, поскольку оно служило средством обмена. Точное местонахождение медных рудников установить не удалось, но несомненно, что главным рудным центром по добыче серебра и свинца был тогда, как и сейчас, Болкар-Маден в киликийском Тавре, поскольку поблизости находятся поздне-хеттские памятники. Хеттские и ассирийско-каппадокийские тексты дают нам названия гор, и городов, где добывались эти металлы, но, к сожалению, их невозможно идентифицировать. Анатолийские горы изобилуют также железными рудами, однако во II тыс. железо было как в Анатолии, так и везде на Ближнем Востоке драгоценным металлом, поскольку техника плавки металла и способы получения нужных для этого высоких температур еще не были как следует освоены. Медь и бронза были заурядными металлами и широко использовались для изготовления оружия и всякого рода орудий и утвари. Найдено лишь несколько железных предметов хеттского периода, и, хотя в хеттских текстах упоминаются железные мечи, железные письменные таблички и даже железные статуи богов и животных, все эти предметы носили особый характер: они либо посвящались храмам, либо предназначались в подарок царям. По-видимому, самое раннее упоминание о таких крупных предметах содержится в надписи Анитты (см. выше), где он отмечает, что им получен в качестве дани от города Пурусханды железный скипетр и железный трон; однако из-за сомнительной подлинности этого документа описываемый фрагмент не может достоверно свидетельствовать о том, что такие большие предметы изготавливали в столь ранние времена, хотя мелкие вещицы, такие, как булавки и небольшие украшения, действительно упоминаются в значительно более ранних контекстах. Похоже, что железоделательная техника была освоена в хеттский период лишь несколькими искусными мастерами, которые могли заламывать высокую цену за сван изделия.

Превосходство народов Малой Азии в умении если не обрабатывать, то по крайней мере выплавлять железо подтверждается для XIII в. знаменитым фрагментом из письма хеттского царя Хаттусили III к одному из современников, вероятно царю Ассирии:

«Что до хорошего железа, о котором ты мне писал, хорошего железа в моем и „доме печати“ в Киццуватне нет. Сейчас плохая пора для производства железа, о котором я писал. Они сделают хорошее железо, но пока еще не закончили работу. Когда они закончат, я пошлю его тебе. Теперь я посылаю тебе железное лезвие для кинжала».

Было бы ошибкой вычитывать слишком многое из этого отрывка. Он не доказывает, например, что хеттский царь накладывал эмбарго на вывоз железа для военных целей. Ссылку на «плохую пору для производства железа» можно объяснить, предположив, что, как и в других обществах, у хеттов выплавкой железа занимались крестьяне в домашних

условиях зимой, когда на полях «е было работы. Таким образом, вполне вероятно, что поздним летом или осенью запасы выплавленного железа сильно оскудевали. Цитированный выше отрывок впервые был использован для доказательства того, что Киццуватна находилась в районе Понта, позднее известного грекам как родина железоделателей-халибов. Но теперь мы знаем, что Киццуватна находилась на юге, охватывая Катаонию и часть Киликии. Можно считать вероятным одно из двух: либо хранилище, находящееся в этом районе, использовалось как склад для экспортируемого железа, доставленного из других мест царства; либо железная руда добывалась где-то в горах Тавра, как известно, богатого железом.

Средством обмена в хеттском царстве, да и по всему Ближнему Востоку, в то время было серебро (или для мелких средств обмена — свинец) в виде брусков или колец. Оно отмерялось по весу; впрочем, встречался и более примитивный метод расчета, основанный на отмеривании ячменя. Единицей веса был сикль, а 60 сик-лей составляли мину, как в Вавилоне; не лишено вероятности, что фактический вес сикля был меньше, чем вес вавилонского сикля (8,4 г), ибо в одном договоре ставится условие, что дань должна взвешиваться гирями купцов Хатти, а через много столетий мы узнаём, что каркемишская мина весила 300 г., тогда как вавилонская — 505 г. Свод законов содержит таблицу цен, отрывок из которой дается ниже.

1. Домашние животные

Овца 1 сикль

Коза $2/3$ сикля

Корова 7 сиклей

Лошадь 14 сиклей

Лошадь «для упряжки» 20 (или 30) сиклей

Вол «пахотный» 15 сиклей

Бык (или взрослый вол?) 10 сиклей

Мул 1 мина

В тексте сказано, что цена жеребца, кобылы для упряжки, осла или ослицы для упряжки «одна и та же», но не указывается, какова она. Цена свиньи тоже не указана.

2. Мясо

Здесь цены даются в «овцах», но, поскольку овца стоит 1 сикль, получается аналогичная цена.

Мясо 1 овцы $1/10$ овцы

« быка $1/2$ овцы

« ягненка $1/20$ овцы

« козленка $1/10$ овцы

« теленка $1/10$ овцы

3. Шкуры

Шкура овцы с руном 1 сикль

« стриженной овцы $1/10$ сикля

« козла $1/4$ сикля

« стриженного козла $1/15$ сикля

« взрослого быка 1 сикль

« ягненка $1/20$ сикля

« козленка $1/10$ сикля

« теленка $1/10$ сикля

4. Сельскохозяйственные продукты (величина мер не установлена)

1 парису эммера $1/2$ сикля

1 ципиттани растительного масла 2 сикля

1 ципиттани животного масла 1 сикль

1 парису ячменч $1/4$ сикля

1 ципиттани сала 1 сикль

1 ципиттани меда 1 сикль

1 парису вина $1/2$ сикля

1 сыр $1/2$ сикля

5. Земля

1 акр орошаемой земли 3 сикля

1 акр земли халани (*Значение термина халани неизвестно*). 2 сикля

1 акр виноградника 1 мина

6. Одежда и ткань

Нарядная одежда 30 сиклей

Синяя шерстяная одежда 20 сиклей

Головная повязка 1 сикль

Нарядная рубаха 3 сикля

Широкая льняная ткань 5 сиклей

7. Металлы

1 мина меди 1/4 сикля

Существование серебряных средств обмена и использование вавилонских названий для мер веса — это еще один пример того, чем хеттская цивилизация обязана своим восточным соседям. В своде законов упоминаются хеттские купцы, отправившиеся в путешествие по провинциям, в Лувию и в Палу, и нет оснований сомневаться, что эти купцы возили свои товары за границу в соседние страны. Тексты табличек ассирийских колонистов XIX в. до н. э. дают нам вполне достоверное представление о характере этой международной торговли, так как ассирийцы были лишь посредниками, сновавшими между Ашшурам и анатолийскими царствами. Металлы из Анатолии, особенно медь, вывозились в обмен на месопотамские ткани и олово; последнее поэтому должно было добываться где-то к востоку от хеттского царства и ввозиться (по крайней мере в то время) через Ашшур. Впрочем, нельзя быть уверенным, что эта ситуация сохранилась и в хеттское время. Возможно, что возникли прямые пути к залежам олова на Кавказе. (*На Кавказе нет месторождения олова, кавказские металлурги широко использовали медно-мышьяковые сплавы — Примеч ред*) Помимо всего прочего, мы узнаём из одного религиозного текста, что медь ввозилась из Аласии, т. е. с Кипра, где располагались самые богатые медные рудники древнего мира. Значит ли это, что медные рудники Анатолии истощились? Если Аласия была чужой страной, тогда, видимо, так оно и было. Но следует вспомнить, что хеттский царь Арнуваада III претендовал на Аласию, считая ее по крайней мере частью сферы влияния, если не провинцией своей империи. Если Аласия была лишь добавочным источником меди в пределах империи, то это объяснило бы низкую цену на медь по сравнению с серебром (1 : 240) в вышеприведенном ценнике; так же как и в прежнее время, мог все еще существовать избыток меди для экспорта. Впрочем, ни тексты, ни находки в раскопах не дают нам достаточно данных, чтобы составить представление о торговых сделках хеттов как между собой, так и с внешним миром.

Глава IV. Закон и учреждения

Свод законов

В развалинах Богазкёя было найдено много фрагментов глиняных табличек с текстами законов. Две таблички сохранились почти целиком, и их текст в основном восстановлен с помощью параллельных фрагментов. Обе таблички содержат по сто статей, и, хотя на самих табличках нет помет, указывающих на то, что они составляют части единого целого, эти двести статей обычно рассматриваются современными учеными как составляющие непрерывную серию; для удобства ссылок они пронумерованы подряд. Другие, поврежденные таблички содержат отрывки подобных же текстов; первоначальное число таких текстов в точности установить трудно. Некоторые из «их были, по-видимому, почти точными дубликатами полного перечня законов, другие же были выборками, в которых законы излагались в заметно отличающейся форме. В некоторые тексты, по-видимому, добавлены дополнительные статьи. Но не существует ни малейшего следа другой, независимой серии законов.

Хеттские архивы содержали, таким образом, ряд тесно связанных между собой, но не идентичных сводов законов. В основной их серии часто говорится, что «прежде» было в аиле некоторое наказание, «о «теперь» царь установил другое, обычно менее строгое. Хетты явно избегали тенденции к застою, неизбежно сопутствующей процессу

кодификации, и без колебаний вносили в законы реформы, отвечающие изменившимся обстоятельствам. Хеттское право было развивающимся институтом, и различные варианты кодекса, вероятно, отражают последовательные этапы развития государства. Однако таблички не датированы, и надо считаться с еще одной возможностью, а именно с тем, что закон был разным в разных частях страны. Это предположение подкрепляется следующим фрагментом из текста, содержащего предписания хеттским начальникам гарнизонов:

Подобно тому как в разных странах в прошлом применяли наказание за уголовные преступления,— в тех городах, где применяли смертную казнь, — пусть его казнят, а в тех городах, где его подвергали изгнанию, — пусть изгоняют его.

Как бы то ни было, внутренняя структура кодекса дает нам убедительное свидетельство того, что он постепенно разрастался. Выглядит он так:

Таблица I. «Если человек»

1—6 Убийство

7—18 Нападение и побои

19—24 Владение рабом, включая правила, применяемые к беглым рабам

25 Осквернение сосуда или источника

26—36 Брачный обряд (исключительные случаи)

37—38 Оправданное убийство

39—41 Феодальные повинности, связанные с земельным владением

42 Набор войска для похода (ответственность и ставки оплаты)

43 Несчастные случаи при переправе через реку

44А Убийство (если кто-нибудь толкнет человека в огонь)

44Б Порча посредством колдовства

45 Находка собственности

46—56 Условия землевладения

57—92 Кража и другие преступления, связанные со скотом

93—100 Поджог

Таблица II. «Если лоза»

101—118 Проступки, связанные с виноградниками и садами

119—145 Кража и порча разных видов собственности

146—149 Правонарушения, связанные с куплей и продажей.

150—161 Ставки оплаты различных услуг

162 Проступки, связанные с каналами

163 Проступки, связанные со скотом

164—169 Религиозные предписания, связанные с сельским хозяйством

170 Колдовство

171 Лишение наследства матерью

172 Возмещение за содержание в период голода

173 Отказ подчиниться приговору (неповиновение власти)

174 Убийство

175 Незаконный брак (тот же случай, что и в ст. 35)

176А Проступок, связанный с быком (неясно).

176В—186 Перечень установленных цен.

187—200А Половые преступления.

200Б Типовая плата за обучение подмастерья.

Из вышеприведенной сводки видно, что, в то время как определенные темы, особенно в начале первой таблички, уложены в какое-то подобие системы, отдельные статьи, относящиеся к тем же темам, выглядят как более позднее добавление. Вопрос о землевладении разбит на две части вставкой пяти статей, относящихся к совершенно другим вопросам. Далее, две статьи, по одной в каждой табличке, касаются одного и того же вопроса, но решается вопрос .немного по-разному; этот факт неизбежно порождает сомнение в том, что эти таблички можно рассматривать как единую композицию.

Существовало мнение, что дошедшие до нас таблички не могут содержать полного хеттского кодекса, ибо такие разделы, как брак, трактуют только исключительные случаи, а .некоторые важные вопросы, такие, как усыновление, наследование и законы,

относящиеся к заключению договоров, опущены полностью. Однако было бы странным, если при таком множестве сохранившихся перечней этих законов остаток кодекса исчез без следа; нет также никаких свидетельств того, что хетты когда-либо руководствовались какой-то иной системой законов, по отношению к которой приведенные нами выше статьи носили лишь характер исправлений. Приходится, видимо, признать, что хетты не считали необходимым создавать законодательство по этим вопросам, предположительно по той причине, что эти вопросы не порождали споров, а улаживались на основе обычного права.

Можно ли считать, что эти законы отражают истинную картину хеттской правовой практики? Те же вопросы возникали по поводу месопотамских кодексов. Но в Вавилоне и Ассирии была обнаружена масса частных контрактов и отчетов о судебных случаях, из которых видно, каким образом законы применялись на практике; а хеттских частных документов до сих пор не найдено ни одного, и у нас нет способа проверить, как законы соблюдались на деле. Из других текстов мы знаем, что такие документы существовали, и вполне возможно, что какие-то образцы их будут найдены. Но пока этого не произошло, мы должны полностью полагаться на имеющиеся данные.

За несколькими исключениями, эти законы изложены в форме гипотетических случаев, сопровождающих-ся указанием надлежащего судебного решения, наподобие того, как это сделано в кодексе Хаммурапи и в Других древних сводах законов. Многие из хеттских законов, судя по их своеобразию и включению в них не относящихся к делу подробностей, явно базирующихся на судебных прецедентах, и можно почти не сомневаться, что большая часть кодекса имеет подобное же происхождение. Одна из статей даже содержит прямое описание реального дела, представленного на суд царю. Поэтому между теорией и практикой не могло быть сколько-нибудь серьезных расхождений, хотя, как мы уже видели, законы в разных частях страны могли несколько различаться.

Статьи, устанавливающие цены на продукты и «а размеры жалованья, требуют особого рассмотрения. Трудно поверить, что эти предписания были действительны повсеместно. Цены на продукты меняются в зависимости от спроса и предложения, и управление ценами потребовало бы бюрократической организации, существование которой в те времена было немыслимо. Подобные же предписания, содержащиеся в кодексе Хаммурапи, также не согласуются с фактами, известными нам из договоров. Возможно, что цены указывались как максимальные, не подлежащие превышению; однако, взятые как некое приближение, они дают нам довольно точную картину экономических условий в стране.

Итак, мы заключаем, что большинство этих законов составлено, исходя из постановлений судов. Что же нам известно о самих судах?

2. Суды

Надо признать, что наши сведения о хеттских судах первой инстанции и судах царских чиновников очень скудны. Это связано в первую очередь с отсутствием документов, касающихся частных лиц.

Споры в первой инстанции улаживались старейшинами, которые, как мы уже говорили, составляли правящий совет почти во всех городах страны. Они упомянуты в кодексе всего один раз, как те, кто решает вопрос о принадлежности заблудшего скота. Они были народным трибуналом — органом народа — и в этом качестве связаны с государством лишь косвенным образом.

Представителем государства в судебных делах был обычно один из царских офицеров, например начальник гарнизона; его обязанности подробно изложены в сравнительно хорошо сохранившемся документе. Приведем некоторые извлечения из этих инструкций:

Вернувшись в город, какой бы это ни был, созови всех жителей города. У кого бы ни был иск, вынеси решение и удовлетвори его. Если раб человека, или служанка человека, или женщина, потерпевшая утрату, имеет иск, вынеси решение и удовлетвори их.

Не делай правое дело неправым, а неправое дело правым. Поступай справедливо.

Офицеру вменялось при исполнении своих обязанностей сотрудничать с местными властями, что видно из следующего отрывка:

Начальник гарнизона, градоначальник и старейшины должны вершить суд по справедливости, и народ будет обращаться к ним.

Другой отрывок из того же текста показывает, какое положение занимал царь в качестве высшего арбитра:

Если кто-нибудь обращается с таким делом, решение которого уже предусмотрено в табличке, то начальник должен вынести честное решение и удовлетворить истца. Но если дело слишком сложное, то начальник должен направить его царю.

Царское решение требовалось, по-видимому, по делам о колдовстве и во всех случаях, в которых речь могла идти о смертной казни. Кража древесины более чем на два таланта также подпадала под юрисдикцию царя.

Авторитет судов поддерживался угрозой ужаснейших наказаний тому, кто нарушит законное решение суда:

Если кто-нибудь воспротивится приговору царя, то дом его должен быть уничтожен (*Возможно, что слово «дом» должно быть переведено как «дом, семья и все хозяйство» и вся фраза может иметь в виду такое наказание, которое постигло Ахана в кн. Иисуса Навина (VII. 16—26).*)

Если кто-нибудь воспротивится приговору сановника ему должно отрубить голову.

«Сановником», по-видимому, титуловался всякий, кто был представителем царя.

Примечательной чертой хеттской судебной процедуры была необыкновенная тщательность в установлении точных фактов. У нас имеются чрезвычайно подробные протоколы следственных судов по делам о казнокрадстве и халатности; они уникальны в литературе восточных народов и звучат очень современно. Наиболее сохранившийся текст этого типа начинается так:

Касательно хранилищ, которые [царица] доверила человеку по имени «Велик-бог-Грозы», сыну Уккуры, главного над десятью, — а именно [колесницы], бронзовые и медные орудия, одежды и ткани, луки, стрелы, щиты, [палицы], штатские пленники (!), быки, овцы, лошади и мулы — запасы, которые он выдавал кому угодно без скрепления печатю и не имел ни дусдуми, ни лалами (два слова неизвестного значения). И царица сказала: «Пусть "золотые пажи", и постельничие, и "Велик-бог-Грозы", и (?) Уккура, главный над десятью, идут в храм Лельвани и принесут торжественные клятвы».

Слушание дела открывается данными под присягой показаниями отца обвиняемого и других свидетелей; показания занимают в целом девяносто пять строк. Затем допрашивают обвиняемого по имени «Велик-бог-Грозы».

Так сказал Мапува: «Ты дал пару мулов Хиларицци» Велик-бог-Грозы ответил: «Мулы принадлежат Хиларицци; я брал их и вернул целыми и здоровыми» (?).

Так сказал Марува: «Ты дал мулов Пиха...» Велик-бог-Грозы ответил: «Эти мулы были не из стойла».

Так сказал Яррацалма, «золотой паж»: «Цуваппи подал коня и получил один талант бронзы» Велик-бог-Грозы ответил: «Он сказал мне, что конь пал».

После показаний, данных другими свидетелями, текст обрывается; вероятно, продолжение его было на второй табличке. Без сомнения, приведенное дело относилось к числу исключительных, как связанное с делами царского двора. Но текст иллюстрирует дух тщательности и беспристрастия, который, наверное, может считаться типичным для хеттской администрации в целом.

3. Возмездие и возмещение ущерба

В первобытном обществе наказание есть синоним возмездия, а между гражданскими и уголовными правонарушениями различие установить невозможно. Потерпевшая сторона старается отомстить обидчику, как только может, а если пострадавший умер, месть становится обязанностью родственников, и это порождает кровную вражду. Дело, однако, может быть улажено выплатой денег, если стороны согласны на это; такая выплата называется «компромиссным соглашением».

Государство заинтересовано в первую очередь в сохранении законности и порядка и поэтому с самого начала старается наложить ограничение на личную месть и по возможности устранить ее совсем. Закон «возмездия», или «талиона» (око за око, зуб за зуб), вероятно, представляет собой первый этап такого процесса: пострадавшая сторона не должна причинять большего ущерба, чем тот, который она понесла. Более просвещенный

законодатель поймет, что двойное зло не превращается в добро, и задумается о цели наказания; возмездие полезно лишь как акт устрашения, тогда как зло может быть исправлено лишь возмещением ущерба или компенсацией, полученной пострадавшей стороной. Наконец, может быть введен третий фактор — исправление.

В этом отношении хеттский закон сравнительно прогрессивен. Возмездие не играет значительной роли по-сравнению с возмещением ущерба. Тяжелейшими преступлениями считались лишь изнасилование, скотоложество и неподчинение государственной власти, а также, если преступником был раб, неподчинение хозяину и колдовство. Искалечение — обычное наказание в ассирийском законе — применялось в этих случаях только к рабам. За все остальные преступления, совершенные свободными людьми, включая нападение, черную магию и убийство, равно как кражу и все другие формы нанесения ущерба посягательством на собственность, полагалась лишь компенсация или возмещение ущерба; возмездие же фигурирует лишь в том смысле, что от обидчика можно потребовать возместить многократную стоимость ущерба, который он причинил. Пример репарации такого рода: выстроить заново дом, поврежденный огнем; заменить поврежденную вещь другой вещью в отличном состоянии. Обычно же требовалась денежная репарация (серебром).

Приведем некоторые примеры:

11. Если кто-нибудь сломает руку или ногу свободному человеку, то он уплачивает ему 20 сиклей серебра и тот (жалобщик) отпускает его восвояси.

12. Если кто-нибудь сломает руку или ногу раба или рабыни, то он платит 10 сиклей серебра и тот (жалобщик) отпускает его восвояси.

63. Если кто-нибудь украдет пахотного вола, то раньше следовало отдать 15 быков, теперь же он должен отдать 10 быков; ;он отдает трех двухлетних быков, одного годовалого бычка и четырех сосунков (?), и тот (жалобщик) отпускает его восвояси.

170. Если свободный человек убьет змею и при этом произнесёт имя другого человека (род колдовства), он отдаст 1 мину серебра; если это сделает раб, то он должен умереть.

25. Если человек бросит грязь в горшок или чан, то раньше надо было заплатить 6 сиклей серебра; 3 сикля он должен был заплатить (владельцу?), и для дворца брали 3 сикля серебра. То теперь царь отменил долю, взимавшуюся дворцом; кто бросил грязь, платит только 3 сикля серебра, и он (жалобщик) отпускает его восвояси.

98. Если свободный человек подожжет дом, то он должен выстроить дом заново; но что бы ни погибло внутри дома, будь то человек, или бык, или овца, за это он не должен платить.

Интересно сравнить законы, касающиеся убийства, с законами в других древних кодексах. Во всех случаях предусматривается компенсация, при которой уплата за убийство раба составляет ровно половину того, что уплачивается за свободного человека. Законы для свободного человека таковы:

1. Если кто-нибудь в ссоре убьет мужчину или женщину, он загладит свою вину, отдав четырех человек, мужчин и женщин (соответственно), и он (наследник) отпустит его восвояси (*Перевод этой и последующих трудных фраз, содержащих замену субъекта (статьи 11, 12, 63, 25, 1 и 3), был предложен проф. Седатом Альпом и представляется вполне приемлемым.*).

3. Если кто-нибудь ударит свободного мужчину или женщину и он (или она) умрет и если это дело (только) его руки, то он загладит свою вину, отдав двух человек; и он (наследник) отпустит его восвояси.

5. Если кто-нибудь убьет хеттского купца, он уплатит 100 мин серебра и он (наследник) отпустит его восвояси; если (это случится) в стране Лувия или в стране Пала, он уплатит 100 мин серебра и возместит стоимость товаров; если это будет в стране Хатти, он (только) уплатит за купца.

6. Если мужчина или женщина убиты в чужом городе, то человек, на чьей земле они убиты, отрезает 100 гипессар (*Хеттское гипессар, по-видимому, «локоть» («50 см).*) земли, и он (наследник) берет их себе.

Для двух последних статей параллельный текст дает другой вариант:

III. Если кто-нибудь убьет хеттского купца ради его товара, то дает... мин серебра и возмещает трехкратную стоимость товара. Но если у купца нет с собой товара и он убивает его в ссоре, то он дает 6 мин серебра. Но если это дело (только) его руки, он дает 2 мины серебра.

IV. Если кто-нибудь убит на чужой земле, буде это свободный человек, он (владелец земли) отдаст поле, дом и 1 мину 20 сиклей серебра; буде это женщина, он отдаст 3 мины серебра. Но если эта земля — невозделанная земля, собственность другого человека, (они должны отмерить) 3 данна (*Данна около 1500 м.*) в ту сторону и в другую, и, какая бы ни оказалась деревня (на этом месте), он (наследник) получит такую же (компенсацию там); если там нет деревни, он уйдет с пустыми руками.

В этих двух вариантах статей тщательно различаются убийство во гневе и случайное убийство; но любопытно, что единственный случай, который мы можем отнести к преднамеренному убийству, упомянут в связи с купцом; купец, вероятнее всего, относится к особому классу и связывается с мотивом ограбления. Отсутствие специфической клаузулы, посвященной убийству, отмечалось также в кодексе Хаммурапи и в ассирийских законах. Это преступление рассматривалось очень подробно в еврейском кодексе, однако мы видим из Второзакония (XIX. 12), что еврейские судебные власти сами не занимались убийцей, а лишь передавали его для отмщения икупителю гоэлу, т. е. ближайшему родственнику убитого. Отсюда вытекает мнение, что молчание других восточных кодексов по этому поводу связано с тем, что убийство находилось вне закона, т. е. должно было улаживаться личной мстью. То, что кровная месть еще существовала в древнехеттском царстве, явствует из следующего отрывка в «Указе Телепину»:

Закон крови таков. Если кто-нибудь совершит кровавое дело, то, что ни скажет «хозяин крови» (т. е. еврейский «гоэл»), то и будет; если он скажет «пусть умрет», то он должен умереть; но если он скажет «пусть дает возмещение», то он должен дать возмещение. Но к царю обращаться не должно.

Практика выдачи «людей» как часть компромиссного соглашения за убийство примечательна. Эта формула обычно применялась к рабам. Возможно, что эти рабы убивались на могиле умершего, подобно тому как это делалось в некоторых других древних обществах.

То, что ближайшая деревня ответственна за компенсацию семье жертвы, если убийца сбежал, было всегда широко распространенным обычаем в восточных странах. Существуют параллели в кодексе Хаммурапи и в средневековом исламе; сообщалось также, что один араб, работавший на раскопках в Мосуле, выражал намерение убить кого попало в соседней деревне за то, его его родственник был убит там. Во Второзаконии (XXI. 1—10) старейшинам ближайшей деревни предписывается очистить себя церемониальной клятвой от кровавой вины; подразумевается, что тем самым должна очиститься и деревня, которая иначе была бы ответственна за преступление. Уникальной чертой хеттского закона было установление предела в 3 данны, за которым ответственность прекращается.

Смысл 5-й статьи неясен. Можно было бы полагать, что смерть купца в далеких странах Луоии и Пале требовала бы более дешевого компромиссного соглашения, чем у себя на родине, в Хатти, ибо, путешествуя в такой дали, купец подвергает себя большему риску; но такой смысл с трудом вычитывается из текста, главным образом потому, что есть сомнения в правильности прочтения чисел.

4. Коллективная ответственность

Мы уже видели, что следы кровной мести все еще сохранялись в хеттском обществе. Это же касается и веры в то, что вина распространяется на все семейство обидчика и что все члены семьи могут подвергнуться наказанию.

В хеттских законах единственный след этого принципа можно найти в уже упомянутой статье 173, в которой устанавливается, что наказание за неповиновение приказу царя распространяется на «дом» преступника, т. е. на всю его семью и домашних. Во всех остальных частях кодекса неизменным правилом является индивидуальная ответственность.

Впрочем, цитировавшийся выше отрывок, иллюстрирующий положение рабов в хеттском обществе, ясно показывает, что принцип коллективной ответственности все еще действовал применительно к рабам: «Если ему случится умереть, то он умрет не один, а с ним умрет и его семья». В том же тексте проводится тесная параллель между отношением раба к своему хозяину и отношением человека к богам; поэтому нечего удивляться, если мы найдем, что божье возмездие систематически воспринимается как распространяющееся на всю семью человека и на всех его потомков (ср. Исход XX. 5). Однако вне религиозной сферы коллективное возмездие встречается крайне редко.

5. Брак и семья

Судя по хеттскому законодательству, организация семьи носила обычный патриархальный характер. Власть мужчины над своими детьми иллюстрируется следующим положением: если он убил ребенка, то должен отдать за него своего сына (ст. 44А); сюда же относится то обстоятельство, что отец вправе «отдать» свою дочь жениху. Его власть над женой явствует из всей фразеологии, связанной с браком; жених «берет» себе жену и затем «владеет» ею; если она застигнута в прелюбодеянии, он вправе распорядиться ее судьбой.

Мы знаем, что в некоторых частях Малой Азии, а именно среди ликийцев, матрилинейная система существовала еще во времена Геродота; возможно, что некоторые привилегии, которыми пользовались женщины у хеттов, отражают следы этой более ранней системы. Так, например, один довольно темный закон (ст. 171) предусматривает некоторые условия, при которых мать может отречься от своего сына, а по другому закону (ст. 28—29) она решает вопрос о замужестве дочери совместно с отцом. Возможно также, что весьма независимое положение хеттской царицы имеет сходное про исхождение.

Брачные обычаи хеттов были, по-видимому, очень схожи с вавилонскими. Первым этапом была помолвка; она сопровождалась подарком от жениха. Однако помолвка не налагала строгого обязательства, ибо девица была вольна выйти замуж за другого человека, с согласия родителей или без оно, лишь бы первоначальному жениху в возмещение ущерба был возвращен его подарок. Сама женитьба обычно сопровождалась символическим подарком (по-хеттски кусата) от жениха семье невесты; это в точности отвечает вавилонскому терхату. В силу различных причин было бы, вероятно, ошибочно рассматривать этот подарок как «плату за невесту» и как доказательство того, что хеттская и вавилонская женитьбы первоначально относились к типу как называемого «покупного брака». Со своей стороны, невеста получала приданое (по-хеттски ивару) от своего отца. Если после этого жених или семья невесты отказывались от совершения брака, это было равносильно невыполнению договора: соглашение аннулировалось и виновная сторона наказывалась; жених лишался своего кусата, а семья невесты выплачивала жениху двух—или трехкратную компенсацию. Обычно молодожены устраивались жить своим домом, но считалось правомерным и то, что жена оставалась в доме своего отца — обычай, который мы находим у ассирийцев. Прелюбодеяние жены после вступления в брак каралось смертью.

По смерти жены ее приданое становилось собственностью мужа, если жена жила в его доме, но если она жила в доме отца, дело обстояло иначе — здесь текст обрывается, вероятно, ее приданое переходило детям.

Закон содержал подробные правила, запрещавшие браки между близкими родственниками. Мужчине запрещалось иметь половые сношения со своей матерью, сестрой или дочерью жены (от прежнего брака) или с женой своего отца или брата, пока они живы. Среди этих правил мы находим статью 193, в которой устанавливается, что если мужчина умирает, то его вдова должна выходить замуж за его брата, а если тот умер — за его отца, а затем, в случае смерти отца, — за его племянника. В данном контексте эта клаузула имеет вид лишь исключения из ряда запретов, и сообразно этому в одной из копий добавлены слова: «это ненаказуемо». Однако закон исключительно похож на еврейский закон о левиратном браке, согласно которому если мужчина умирает бездетным, то обязанность его брата, а буде этот умер — его отца или ближайшего остающегося в живых родственника, — жениться на вдове; родившийся от этого брака ребенок получает

имя и наследство умершего. Этот обычай иллюстрируется историями Иуды и Ира (Бытие XXXVIII) и Руфи и Вооза (Руфь IV). Целью этого обычая было, очевидно, продолжение рода умершего, «чтобы имя его не изгладилось в Израиле» (Второзаконие XXV. 6). Вавилоняне и ассирийцы достигали этой цели иными средствами и не нуждались в левирате; однако статья 193 доказывает существование этого обычая у хеттов, хотя она и приводится в законах с другой целью и явно не содержит исчерпывающего изложения закона. Сходным образом статья 190 гласит, что половое сношение с мачехой после смерти отца ненаказуемо; однако это опять-таки, вероятно, указывает на существование обычая, широко распространенного среди древних народов, по которому сыновья наследуют жен своих отцов (за исключением своих собственных матерей). Примечательно, что брак между братом и сестрой хеттскими законами не запрещается; и действительно, сам царь Арнуванда I был женат на своей сестре.

Браки, в которых одной стороной были раб или рабыня, считались законными. Существует по крайней мере шесть статей, устанавливающих правила для таких браков, но различные их варианты удивительно не согласуются друг с другом.

6. Землевладение

Владение землей у хеттов было связано со сложной системой податей и обязанностей, подробности которой для нас отнюдь еще не ясны. Из того обстоятельства, что свод законов включает в себя по этим вопросам не менее четырнадцати клаузул, можно, пожалуй, заключить, что тяжобы были не редкостью.

Различались владения двух типов: владение ленников и владение «людей орудия (или оружия)». Последнее могло свободно покупаться и продаваться, а первое, по-видимому, было неотчуждаемым и могло переходить из рук в руки только при фиктивном оформлении усыновления.

На эту тему писали многие исследователи, исходя из предположения, что «человек оружия» — это солдат, получавший владение при условии несения военной службы, по аналогии с тем, как это было учреждено Хаммурапи в Ларсе. Но более поздние изыскания пролили новый свет на этот вопрос. По-видимому, «человек оружия» был в действительности «человеком орудия», т. е. принадлежал к классу ремесленников. Главное различие между упомянутыми выше двумя типами владения заключается в том, что «ленник» получает свое право от царя, а «ремесленник» — от местной власти; действительно, при исчезновении ленника владение отходит к дворцу, в то время как землю отсутствующего ремесленника забирает деревня. В принципе, по-видимому, ленник владел своим поместьем при условии определенного срока службы (по-хеттски саххан); это, однако, часто превращалось в определенную форму земельной ренты. С другой стороны, ремесленник разделял с большинством рядовых граждан обязанность выполнять принудительный труд («барщину», по-хеттски луцци).

Однако эти два понятия, видимо, стали постепенно смешиваться, и практически лица, принадлежавшие к одному из этих классов, могли получать владения лиц другого класса, если только брались выполнять соответствующие обязанности. Владение ремесленника в случае его исчезновения могло даже быть передано «депортированному», т. е. одному из бесчисленных переселенцев с завоеванной территории, переданных на произвол царя (см. ниже). Такой человек получал тогда статус «ремесленника».

Владения Царя, должно быть, были весьма обширны, поскольку многие из ленных владений отдельных лиц уже были очень велики. К крупнейшим землевладельцам следует также причислить храмы, часть из которых составляла, так сказать, государство в государстве; они тоже сдавали свои поместья арендаторам, которые уплачивали земельную ренту натурой.

Глава V. Военное дело

1. Войско

Сила хеттской империи, как и других современных ей царств, основывалась на быстро развившемся новом оружии — легкой колеснице, запряженной конями; она появилась в Западной Азии вскоре после 1600 г. до н. э.

Боевая колесница сама по себе не была новостью. У шумеров было два типа колесниц — двухколесные и четырехколесные, но колеса были сплошными, колесницы были тяжелыми, и запрягали в них, по-видимому, диких ослов. Шумеры всегда полагались главным образом на свои пехотные фаланги. О последующем периоде аморейских царств мы в этом отношении осведомлены мало, ко, хотя лошади были известны, они, по-видимому, не использовались для военных целей. Ассирийские купцы в Капладокии использовали лошадей как тяговую силу, но их повозки все еще относились к четырехколесному шумерскому типу. Легкая конная колесница на колесах со спицами принадлежит эпохе, которая последовала за падением амореев; она почти одновременно появляется в касситском Вавилоне, в Египте XVII династии и в новом царстве Митанни на севере. Она произвела революцию в характере ведения войны: отныне быстрота стала решающим фактором в битве.

Архивы Богазкёя дают нам ключ к объяснению этого внезапного прогресса. Мы находим в них изложенный на четырех табличках подробный трактат, посвященный уходу за лошадьми и их тренингу. Трактат составлен неким Киккули из страны Митанни, и в нем содержатся некоторые технические термины на языке, родственном санскриту, — языке древних ариев в Северной Индии. Но мы знаем из других текстов, что правители Митанни поклонялись индоарийским божествам, таким, как Индра, Варуна и близнецы Насатья; личные имена правителей также выдают свое индоарийское происхождение. Отсюда мы должны заключить, что арийские племена, двигаясь на запад, принесли с собой специальные познания в области коневодства и именно от них народы Западной Азии научились этому искусству. Знаменательно, что имена индийских божеств образуют элементы имен касситских правителей Вавилона, несмотря на то что касситский язык принадлежит к совершенно другому типу.

Хеттская империя при Суппилиуме и его преемниках, несомненно, участвовала в этом развитии. Хеттское войско этого периода очень живо изображено на египетских рельефах, описывающих великую битву при Кадеше; ясно, что хеттские колесницы не уступали никаким другим. Остается сомнительным, была ли эта боевая техника столь же хорошо развита в Древнем царстве. Говорится, правда, что при осаде Уршу, которая, как мы уже видели, произошла при одном из ранних царей, восемьдесят колесниц принимали участие в битве. Но текст, упоминающий об этом, является литературным сочинением. Трактат Киккули, несомненно, составлен позднее, и маловероятно, что хетты взяли бы этого митаннийца себе в наставники, если они уже владели искусством коневодства. Как бы то ни было, описывая хеттскую армию, мы будем иметь в виду исключительно период империи, о котором египетские рельефы дают нам такие поразительные свидетельства.

Хеттская колесница по конструкции мало отличается от египетской. У обеих колеса имеют по шесть спиц. Но в то время как египетская колесница несла двух человек — возницу и бойца, — хеттская кажется несколько более тяжелой и несет команду из трех человек, что позволяет разделить функции нападения и защиты. Орудия нападения — копье и лук; щит — или прямоугольный, или похож по форме на широкий двусторонний топор, поставленный вертикально (см. [фото 6 в галерее](#)). Более многочисленная команда хеттской колесницы должна была давать численное преимущество в ближнем бою, который завязывался после начальной атаки.

Пехота хеттской армии численностью, несомненно, превосходила колесничные войска, но в открытом бою, которого хетты, как правило, искали, играла подчиненную роль. На египетских рельефах пехотинцы в действии не показаны, они сосредоточены вокруг крепости Кадеша для защиты царя и обоза.

Таковы были главные рода войск хеттских вооруженных сил. Кавалерии не было, хотя время от времени гонцы, по-видимому, передвигались верхом. Иногда, для внезапных, стремительных атак, использовались «суту» — вспомогательные войска, вооруженные луками и стрелами. Читая о строительстве укреплений, мы узнаём о существовании саперов. Обоз, как показывают египетские рельефы, состоял из тяжелых четырехколесных повозок, запряженных волами, и из тяжело навьюченных ослов. Хеттского флота не существовало, и мы не знаем, на каких кораблях осуществлялась связь с Кипром, которым хетты, по-видимому, управляли.

Что касается одежды и вооружения хеттской пехоты, то имеется странное несоответствие между египетскими рельефами и собственно хеттскими памятниками. На первых хетты изображены в длинных платьях с короткими рукавами, но на анатолийских памятниках воины (и божества войны) одеты в короткие, не достигающие до Коленей туники, подпоясанные ремнем, иногда это юбочки, оставляющие торс обнаженным. Высказывалось предположение, что длинные платья, изображенные на египетских памятниках, были своего рода тропической униформой, предназначенной для жарких равнин Сирии; но это лишь догадка.

Наиболее примечательное изображение хеттского воина — это рельеф на внутренней стене большого монолита, образующего косяк так называемых Царских Ворот в хеттской столице. Этот страж ворот (см. фото 8 в галерее) изображен только в подпоясанной юбочке и шлеме с коротким мечом и боевым топором. Юбочка, показанная на этом и других памятниках, представляет собой просто кусок ткани, обернутой вокруг бедер; верхний конец косо обрезан спереди и украшен горизонтальными полосами с чередующимися косыми линиями и спиралями. Шлем имеет наушники и султан, а сзади — назатыльник, прикрывающий затылок и шею наподобие косицы. Рукоять меча сделана в форме полумесяца, а шезвие — с легким изгибом. Кончик ножен резко изогнут. Боевому топору придана форма человеческой руки, сжимающей топориче между большим и указательным пальцами; режущая часть образует почти круглое утолщение, добавленное к «запястью». Само положение этой фигуры с очевидностью говорит о том, что она изображает обычный тип хеттского воина в боевом снаряжении (см. также ниже). Очень схожа с этой фигурой бронзовая статуэтка неизвестного происхождения (см. фото 9а в галерее): юбочка почти такая же, торс обнажен, ясно, что голова когда-то была увенчана шлемом; на ногах, похоже, есть сапоги, хотя ноги стража ворот, по-видимому, босые. Топор и меч, сходные с теми, которыми вооружен страж ворот, были найдены в Бейзане, в Палестине; похожие топоры были также обнаружены в персидской провинции Луристан.

Хетты в долгополых одеждах на египетских скульптурах вооружены, напротив, длинными копьями. Это оружие известно также по анатолийским памятникам, но главным образом по тем, которые относятся к позд-хеттскому периоду, последовавшему за падением хеттской империи. Этот разноречивый, возможно, объясняется тем, что хеттская конфедерация была достаточно неоднородной.

Действительно, армия, сражавшаяся с египтянами при Кадеше, представляла собой самую крупную силу, какую когда-либо удавалось собрать хеттским царям. Для этого величайшего из всех походов царь Муватал-ли призвал воинские контингенты от всех возможных союзников и вассалов, согласно условиям различных договоров, заключенных с ними. Для обычных походов собственные силы и силы стран, смежных с театром военных действий, были, конечно, достаточны.

Для несения гарнизонных обязанностей должна была существовать небольшая постоянная армия, включающая в определенном соотношении наемные войска; однако о методах вербовки мы знаем мало. Дезертирство было серьезным преступлением, и командир гарнизона имел строгий приказ докладывать о всех таких случаях во дворец.

2. Военные действия

Сезон активных походов был ограничен весной и летними месяцами, ибо сильный снегопад на анатолийском плато исключал военные действия в зимнее время. Ежегодно в начале весны изучали предзнаменования, и если они были благоприятны, то высылались приказ о мобилизации, называлось место сбора и в назначенное время царь сам производил смотр своим силам и лично принимал командование войсками. Поход, как правило, длился все лето. Когда приближалась осень, офицеры обычно говорили царю, что "год слишком короток", чтобы предпринимать что-либо, кроме мелких военных операций, и, когда последние были завершены, армия отходила на зимние квартиры.

Хеттские цари были мастерами стратегии и тактики. Цель всякого похода заключалась в том, чтобы застигнуть вражескую армию в открытом поле, где непобедимые хеттские колесницы могли бы быть использованы с максимальным эффектом. И здесь неприятель мог надеяться на лучшее, только избежав генерального сражения, рассеяв свои войска и

ведя партизанскую войну. В этом смысле стратегически важный поход Суппилу-лиумы в Северную Месопотамию в начале его царствования не достиг своей главной цели, так как царь прошел напролом через столицу Митанни и далее, на сирийскую равнину, так и не встретив митаннийских сил. Вот, однако, короткое описание удачной военной хитрости, взятое из анналов Мурсили II:

Как только я услышал эти слова (т. е. сообщения о замысле некоего Питтагаталли помешать вступлению хеттской армии в город Саппиду), я превратил Алтанну в склад и оставил там кладь; но армии я приказал выступить в боевом порядке. А так как враг имел передовые посты, то, если бы я попытался окружить Питтагаталли, передовые посты увидели бы меня и он не стал бы ждать Меня и ускользнул бы до моего прихода. Поэтому я развернулся в противоположном направлении, в сторону Питтапары. Но когда на-йаала ночь, я развернулся обратно и двинулся против Питтагаталли. Я шел всю ночь напролет, и рассвет застал меня на окраине Саппидувы. И как только солнце встало, я вышел на битву с ним; и те девять тысяч человек, которых Питтагаталли привел с собой, «вступили в бой со мной, и я дрался с ними. И боги мне споспешествовали, могучий бог Грозы, мой господин, богиня Солнца из Аринны, моя госпожа... и я уничтожил врага.

Если хеттам не удавалось достичь внезапности, то неприятель часто успевал укрыться в крепости или на вершине горного пика, и тогда, чтобы привести его к покорности, требовалась длительная осада.

Об осадном искусстве хеттов мы знаем сравнительно мало, но оно, несомненно, было на высоте, ибо такой укрепленный город, как Каркемиш, сдался царю Суппилулиуме после всего лишь восьмидневной осады. Единственное упоминание об осадной технике содержится в отчете об осаде Уршу, где говорится о таране и «горе»; последняя — это, несомненно, то же самое что римский крепостной вал, на который втаскивались всадные машины.

О тактическом таланте хеттских царей лучше всего судить по кадешской битве, которая очень подробно описана в одном египетском тексте. Хеттской армии, устроившей засаду у Кадета, удалось полностью скрыть свою позицию от египетских разведчиков, и, когда ничего не подозревавшие египтяне двинулись походным маршем к городу и начали разбивать лагерь, сильное подразделение хеттских колесниц незаметно обошло Кадеш с задней стороны, пересекло Оронт и обрушилось на середину египетской колонны. Египетская армия была бы полностью уничтожена, если бы отдельному египетскому полку не удалось весьма своевременно подойти с другой стороны и застать хеттов врасплох, когда они занимались разграблением лагеря. Эта счастливая случайность позволила египетскому царю спасти остаток своих сил и изобразить битву как свою великую победу; однако беспристрастный исследователь едва ли доверится его оценке.

3. Оборона

В обороне хетты были не меньшими мастерами военного искусства, чем в нападении. Остатки их сооружений служат впечатляющим свидетельством мощи укреплений, которыми они окружали свои города.

В Богазкёе могучие скалы и ущелья требовали лишь незначительных добавочных укреплений; но вокруг открытого сектора обороны, на гребне холма, обращенного к югу, были сооружены массивные стены, остатки которых стоят и сегодня. Линии укрепления — двойные и состоят из главной стены и более низкой, вспомогательной, вынесенной на 20 футов вперед от главной. Главная стена — двойная и состоит из внешней и внутренней кладки с поперечными стенками между ними; это образует ряд прямоугольных проемов, которые заполнялись камнями. Такая конструкция характерна для хеттских оборонительных стен, где бы они ни воздвигались. Наружная стена была особенно крепка; она делалась из массивных камней неправильной формы, но предпочтительно близкой к прямоугольной или пятиугольной; камни от одного до пяти футов длины вытесывались так, что прилегали один к другому без известкового раствора. Над всем этим шла, видимо, кирпичная надстройка, но она не сохранилась. Обе стены укреплены выступающими прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии около ста футов одна от другой. Трое главных проходных ворот имеют по бокам громадные каменные блоки,

идушие от наружной до внутренней сторон всей системы. Обе стены стоят на высоком крепостном валу, облицованном с наружной стороны камнем. Доступ в каждый из входных ворот города был устроен так: вдоль внешней стены, вблизи входа, шел крутой пандус, резко сворачивающий наверху в проход двадцатифутовой ширины между громадными башнями по бокам; в этом проходе первые ворота находились на 14 футов отступя в глубину, а вторые ворота были сооружены заподлицо с внутренней стеной укреплений (см. рис. 1). Имелся также туннель, проходящий под крепостным валом и позволявший защитникам крепости делать внезапные вылазки. Оборонительная мощь этой системы фортификаций очевидна, и трудно понять, каким образом этот город мог быть неоднократно захвачен и разграблен плохо организованными варварскими племенами.

Городская стена, отрытая в Алишаре (соседний город), имела сходное строение, но вместо башен-бастионов была выбрана зигзагообразная или ступенчатая форма контура стены, позволявшая вести продольный обстрел лишь в одном направлении; такую планировку следует признать менее удовлетворительной. Стена маленького форта на вершине Юмюктепе около Мерсина в Киликии была весьма схожа со стеной в Богазкёе, хотя каменная кладка была у нее, естественно, менее массивной.

Как уже говорилось, мы располагаем постоянно действовавшими инструкциями офицеру, командовавшему пограничными укреплениями. Его чисто военные обязанности (о его гражданских функциях мы говорили в предыдущей главе) включали расстановку часовых, наблюдавших за дорогами, запираение ворот на ночь, ремонт фортификаций и снабжение гарнизона водой, пищей и дровами. К сожалению, большинство пунктов инструкции плохо сохранилось и не может быть приведено дословно.

Границы, на которых осуществлялась политика пассивной обороны, лежали главным образом к северу и юго-западу — именно там, где были обнаружены города-крепости. Здесь хеттское царство было обращено в сторону суровых и труднопроходимых территорий, населенных беспокойными племенами; хетты не пытались включать их в состав своих владений путем завоевания, а предпочитали не подпускать к себе. В то же время вассальные царства образовывали буферные государства, защищавшие хеттские территории от прямого нападения более цивилизованных соседей (Арцавы на западе, Египта на юго востоке).

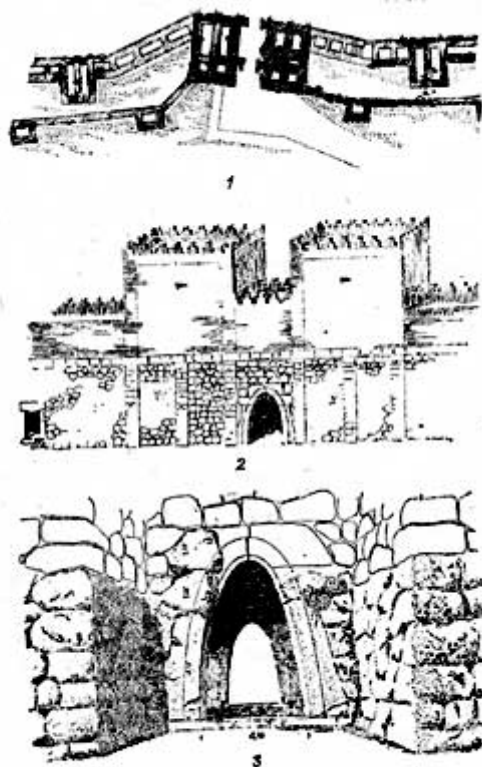

Рис. 1. Ворота Богазкёя
1 — план; 2, 3 — реконструкция: внутренняя (2)
и внешняя (3) стороны

4. Законы войны

Для ранних хеттских царей завоевание и ограбление в оправдании не нуждались; но к XIV в., как мы видели, между цивилизованными народами установились более тесные связи, и хеттские цари периода империи всегда старались оправдать объявление войны даже мелким племенным вождям на своих северных границах. Как правило, для начала посылалось письмо с требованием выдачи хеттских подданных, нашедших убежище на территории врага. Если требование встречало отказ, то посылалось второе письмо, в котором неприятель обвинялся в совершении первого акта агрессии, дело подпадало под компетенцию небесных сил и для своего решения должно было пройти через горнило войны. Здесь мы приводим переписку, предшествовавшую нападению на Хайасу на седьмом году правления Мурсили II.

После того как я завоевал страну Типию, я послал письмо Аннии, царю Ацци, и я написал ему «Подданных моих, которые перешли к тебе пока мой отец находился в стране Митанни, [вес ни их мне]» (Здесь документ обрывается, но мы продолжаем по параллельному тексту, содержащему сильно поврежденную, но явно отличную версию этого послания)

Но царь страны Ацци написал мне в ответ так «По поводу тсго, что ты писал мне,— если [у меня будут какие либо беглые] или если ктонибудь другой перешел (или идет) ко мне, [я не отдам их] и если ты требуешь. Но я ответил так «Я пришел и стал лагерем у границы твоей страны, и я не напал на твою страну и ничего не прибрал к рукам в твоей стране — ни пленных из числа мирных жителей, ни скота, ни овец. Но ты навязал ссору (?) [с моим величеством], и ты пришел и [напал] на страну Данкуву [и обезлюдил ее]. Поэтому боги станут на мою сторону и решат дело в мою пользу».

Вызов, посланный царю Арцавы на третьем году правления Мурсили, выражен в том же духе:

«Мои подданные, что перешли к тебе, когда я требовал от тебя их назад, ты не вернул их мне, ты назвал меня ребенком и трунил надо мной. Хватит! Сразимся, и пусть бог Грозы, мой господин, решат наш спор».

Примером тщательно отработанной аполгии того же рода является документ из 326 строк, составленный царем Хаттусили III после его успешного выступления против Урхи-Тешуба. Этот труд свидетельствует о высокоразвитой политической мысли и подробно обсуждается ниже.

Обращение с противником зависело от того, сдавался ли он добровольно или сопротивлялся до конца. Город, захваченный силой оружия, был законной добычей победившей армии и обычно разграблялся и сжигался дотла. Опустошенное место иногда объявлялось навеки проклятым и посвящалось богу Грозы в торжественном обряде. Считалось, что после этого оно становилось пастбищем божественных быков Сери и Хурри. Будущим поселенцам приходилось нарушать это табу на свой страх и риск. Жителей такого завоеванного места переселяли вместе с их скотом в Хаттусу и распределяли как рабов между хеттскими офицерами и сановниками. Ничто не говорит о том, что на их долю выпадало что-либо еще худшее. У хеттов полностью отсутствовала страсть к пыткам и жестокости, которая так явно проглядывает в победных анналах ассирийских царей.

Если неприятель сдавался достаточно скоро, хеттский царь обычно довольствовался взятием с него клятвы верности. Соображения, которые руководили царем в таких случаях, видны из истории с Манапа-Даттой из страны реки Сеха, прошлое которого свидетельствовало о его вероломстве:

Как только Манапа-Датта, сын Мувы-льва, услышал обо мне: «Его величество идет», он послал гонца мне навстречу и написал мне так: [Господин мой], не убивай меня, а возьми меня в свои подданные; а что до людей, которые перешли ко мне, то я отдал их тебе, моему господину». Но я ответил ему так: «В свое время, когда твои братья выдворили тебя из твоей страны, я вверил тебя народу Каркисы, я даже слал ради тебя дары народу Каркисы. Но, несмотря на это, ты не пошел за мной, а пошел за Уххацити, моим врагом. И что же, теперь мне брать тебя в подданные?!» Я собрался двинуться и уничтожить его, но он

послал ко мне свою мать; и она пришла и пала к моим ногам и говорила так: «Господин наш, не уничтожай нас, но возьми нас, господин наш, в подданные!» И раз женщина пришла ко мне и пала к моим ногам, я был добр к женщине и поэтому не пошел в страну реки Сеха.

Если победитель принимал условия сдачи, то никаких дальнейших действий против территории челобитчика не предпринималось, он получал свое царство обратно, но уже как вассал; составлялся договор, и он обязывался выполнять все наложенные на него обязательства. В таких случаях говорилось, что народ «покорён у себя на месте». Мы встречаемся со ставшей стандартной терминологией в подводящей итоги, заключительной части отчета о завоевании Арцавы:

Так я покорил страну Арцаву. И одну часть людей я привел в Хаттусу, а другую часть я покорил на их месте и наложил на них поставку мне войск; и с тех пор они регулярно поставляли мне войска. И когда я покорил всю страну Арцаву, то число пленных из мирных жителей, которых я, мое величество, привел в царский дворец, было всех вместе 66000 пленных; а сколько пленных из мирных жителей, быков и овец привели знатные люди, солдаты и колесничные Хаттусы — этого не счесть. И когда я покорил всю страну Арцаву, я вернулся домой в Хаттусу.

Глава VI. Языки и этносы

1. Письменные языки

В 1919 г. Э. Форрер сделал сообщение о своем открытии: в клинописных текстах из Богазкёя можно выделить восемь различных языков. С тех пор много говорилось о многоязычном характере хеттской империи. В какой-то степени это верно, но высказывание Форрера не следует понимать так, что в пределах империи говорили на всех восьми языках или что все они в равной степени использовались в надписях. В официальных документах хеттские цари пользовались только двумя языками — хеттским и аккадским; на третьем языке, который мы называем хурритским, весь текст целиком писался лишь время от времени. Из остальных языков три встречаются только в виде коротких пассажей, разбросанных среди хеттских религиозных текстов, а один может быть опознан только по нескольким специальным терминам в единственном документе. Восьмой язык — шумерский; он включен сюда только потому, что хеттские писцы для собственных нужд составляли словари на основе шумерских знаков.

Вот основные особенности этих языков.

Хеттский

Родство хеттского языка с индоевропейскими было установлено чешским ученым Б. Грозным, опубликовавшим свою работу в 1915 г. Утверждение о том, что население Малой Азии во II тыс. до н. э. говорило на индоевропейском языке, встретили очень скептически — настолько оно было разительно. Однако родство хеттского с индоевропейскими языками было исчерпывающе доказано и вот уже более двадцати лет принято всеми, кто изучал этот вопрос.

Это родство наиболее наглядно проявляется в склонении существительных. Имеется шесть падежей (именительный, винительный, родительный, дательный, отложительный и творительный) (*Древнехеттская именная парадигма включала 8 падежей (в том числе местный и направленный); известен и родительный падеж на -an. — Примеч. ред.*); личные имена появляются еще и в звательном падеже, представляющем собой чистую основу. Нижеследующая таблица иллюстрирует тесную связь падежных окончаний хеттского с падежными окончаниями греческого и латинского языков:

Падеж	Окон	Пример и орфографи	Греческий и латинский
И. ед. ч.	-s	humant-s (hu-ma-an-za)	λογο-ς νυξ, mon-s
В. ед. ч.	-(a)n*	humant-an (hu-ma-an-ta-an)	λογον νυχτ-α, mont-em
Р. ед. ч.	-as	humant-as (hu-ma-an-ta-as)	(λογου), νυχτ-οξ, mont-is
Д. ед. ч.	-i	humant-i (hu-ma-an-ti)	λογω, νυχτ-ι, mont-i
О. ед. ч.	-ts**	humant-a-ts (hu-ma-an-ta-az)	εχ-τοξ, fundi-tus

Т. ед. ч.	-it	humant-it (hu-ma-an-ti-it)	? ?
-----------	-----	----------------------------	-----

* Это окончание восходит к *т* (вокалическое *т*); отсюда латинское *-et* и греческое *-а*.)

** Пишется *-z*.

В отличие от греческого и латинского, хеттское существительное имеет только два рода — одушевленный и неодушевленный; прилагательные неодушевленного рода имеют чистую основу в именительном и винительном падежах единственного числа, но в остальных случаях склоняются как указано выше. Склонение множественного числа менее сходно с индоевропейским. Двойтвенного числа нет.

Энклитические личные местоимения *-mi* — «мне», *-ta* — «тебе» и *-si* — «ему» содержат те же согласные, что и соответствующие латинские местоимения *me* — «меня», *te* — «тебя» и *se* — «себя».

Глагол имеет два залога — действительный и медиопассивный. В действительном залоге со спряжением греческих глаголов на *-μι* сразу бросается в глаза:

Ед.ч.	1 — <i>mi</i>	<i>ya-mi (i-ya-mi)</i>	τιθημι
	2 <i>-si</i>	<i>ya-si (i-ya-si)</i>	τιθης
	3 <i>-tsi</i>	<i>ya-tsi (i-ya-zi)</i>	τιθηι
Мн.ч.	1 <i>-weni</i>	<i>ya-weni (i-ya-u-e-ni)</i>	τιθεμεν
	2 <i>-teni</i>	<i>ya-teni (i-ya-at-te-ni)</i>	τιθειε
	3 <i>-ntsi</i>	<i>ya-ntsi (i-ya-an-zi)</i>	τιθενυ

Имеется также другое спряжение в действительном залоге, которое, видимо, скорее соответствует перфекту в других языках, но здесь сходство менее очевидно. Проследить, чем это спряжение отличается по смыслу, невозможно.

С другой стороны, в словарном составе индоевропейских элементов сравнительно мало. Приведем несколько слов с индоевропейской этимологией:

<i>water</i>	«вода»	греч.	υδωρ	«вода»
<i>akw-anzi</i>	«пьют»	лат.	<i>aqua</i>	«вода»
<i>genu</i>	«колени»	лат.	<i>genu</i>	«колени»
<i>kwis</i>	«кто»	лат.	<i>quis</i>	«кто»

Однако большая часть лексики имеет неиндоевропейское происхождение. Очевидные примеры: *tanduki* — «человечество», *titita* — «нос», *kunna* — «правая (рука)», *taptappa* — «гнездо», *amiyara* — «канал».

Успехи в познании языка породили обширную дискуссию о том, каково же точное место хеттского в индоевропейской языковой семье. Было очень скоро подмечено, что хеттскому языку несвойственны главные черты так называемых «сатемных» языков, и в частности индоиранских (смена первоначального *k* на *s*, *q* на *k*, *e* или *o* на *a*). Был сделан вывод, что хеттский принадлежит «центральной» группе (включающей латынь, греческий, кельтский и различные германские языки). Общепризнано, однако, что этой классификации особенно доверять не следует, и в действительности хеттский язык представляет собой отдельную ветвь индоевропейской семьи, помимо десяти других уже признанных ветвей. Многие ученые склонны идти дальше и утверждают, что следы архаических форм в хеттском позволяют сделать следующий вывод: все другие языки претерпели общее для них обновление архаических форм, а хеттский был первой из одиннадцати ветвей, отделившихся от прародительского ствола. Другие ученые, впрочем, оспаривают это, и вся проблема остается остродискуссионной.

В одном отношении хеттский язык оказал индоевропейской филологии неожиданную услугу. Долгое время утверждалось, что различные Формы, принимаемые некоторыми словами в ряде языков, можно удовлетворительно объяснить, лишь предположив, что все языки утратили некоторые гортанные звуки (так называемые ларингалы), существовавшие первоначально в прародительской речи. Так вот, в хеттском звук *h* часто встречается в таком положении, которое точно соответствует тому, где в других языках

ларингал был, как полагают, утрачен; этот факт, как бы его ни интерпретировать в деталях (произношение этого А, как и другие смежные вопросы, служит предметом горячих дебатов), дал поразительное подтверждение ларингальной теории в ее самом широком смысле. Вот несколько примеров слов, содержащих этот h:

pahhur «огонь»	греч. πυρ	англ. pure
lahhu «лить»	лат. lavit «он мыл»	англ. lave
hastai «кость»	греч. ὀστέον	ср. англ. osteo-(pathy)
	греч. ἀντι	англ. anti-

Истинная природа хеттского языка не была опознана ранними дешифровщиками, введенными в заблуждение методами хеттского письма. Клинопись в том виде, в каком ее использовали хетты, — это слоговое письмо, в котором каждый знак читается как слог, состоявший либо из гласной + согласной, либо согласной + гласной, либо, наконец, из согласной + гласной + согласной. Такое письмо хорошо приспособлено к семитскому языку, который избегает групп, состоящих из более чем двух согласных или более чем одной согласной на конце или в начале слова; однако в хеттском (как и в других индоевропейских языках) такие группы были обычны, и, для того чтобы передавать их, хетты были вынуждены пользоваться слогами, как если бы они были простыми согласными, игнорируя в произношении содержащуюся в этих слогах гласную. Другое осложнение возникает вследствие того факта, что звонкие и глухие согласные (например, d и t, b и p, g и k) различались в письме не при помощи специальных знаков, как в аккадском, — их хетты использовали как попало, — а посредством удвоения буквы при написании глухих согласных. В результате многие слова содержат такое количество лишних гласных и согласных, что выглядят деформированными до неузнаваемости.

Упомянем еще об одной особенности метода письма у хеттов, а именно об «аллографии», т. е. об обычае писать не то слово, которое в действительности произносится, а другое. Хеттские тексты щедро начинены чисто аккадскими или шумерскими словами, причем последние писались обычно одним знаком, употребление которого в качестве "идеограммы" (или, лучше, «шумерограммы») часто может быть угадано лишь через контекст, ибо это может быть тот же знак, который обычно служит для обозначения всего лишь слога. Однако эти «иностранные» слова, вероятно (а шумерские слова — наверняка), не произносились при чтении; они всего лишь скрывали соответствующее хеттское слово; предполагалось, что читатель сам произведет нужную замену. Для писцов это была, несомненно, своего рода скоропись. Для нас это имеет как положительные, так и неприятные моменты. С одной стороны, тексты, в которых аккадские слова встречаются часто, могли быть в какой-то мере поняты раньше, чем стало известным хотя бы единственное хеттское слово; но, с другой стороны, правила «аллографии», по-видимому, были столь жесткими, что многие из повседневных хеттских слов (например, «женщина», «овца», «медь» и т. д.) вообще никогда не писались фонетически и поэтому неизвестны нам и по сию пору.

Другие «иностранные» слова, которые должны были читаться, предваряются в текстах знаком, соответствующим нашим кавычкам. Было установлено, что все такие слова принадлежат языку, близкому к лувийскому (см. ниже).

Название «хеттский» было дано этому языку современными учеными, полагавшими, что это официальный язык страны Хатти; с этим все согласились. Однако, строго говоря, это неверно. Дело в том, что слово hattili — что, собственно, значит «по-хеттски» — используется в текстах для того, чтобы ввести пассажи, написанные на совершенно другом языке, который будет описан в следующем разделе. Когда это было обнаружено, ученые стали пересматривать все тексты, чтобы найти истинное название официального языка; но если Б. Грозный принял название «неситский» (т. е. язык города Несы), то Э. Форрер предпочел название «канишский» (от города Каниша). Ныне все согласились, что «неситский», или «несийский» (происходящий от хеттского наречия nasili или nesumnili), — это действительно истинное название языка; тем не менее название «хеттский» укоренилось прочно и, по-видимому, навсегда. Значение термина

«канесийский», или «канешский» (хеттское *kanesumnilī*), несколько спорно. Если, однако, Каниш и Неса — это всего лишь альтернативные формы одного и того же названия (см. выше), то производные термины должны быть синонимами.

Протохеттский, или хаттский

На этом языке произносили свои заклинания жрецы многочисленных культов; большая часть этих культов была посвящена ведущим божествам хеттского пантеона. Однако все эти тексты очень короткие и не дают достаточного материала, чтобы составить ясное представление о структуре или словарном составе языка. Для последнего, видимо, характерно обилие префиксов; например, слово *binu* — «дитя» образует множественное число с помощью префикса *le*, т. е. *lebinu*. Ученым до сих пор не удалось найти ни одной языковой группы, с которой этот язык находился хотя бы в отдаленной связи.

Как мы отмечали выше, тексты на этом языке предварялись словом *hattili*. Название «протохеттский» широко применяют, чтобы не путать язык с официальным хеттским, но это может породить некоторое недоразумение, поскольку может показаться, что протохеттский — это ранняя стадия хеттского, тогда как на самом деле эти языки не имеют ни малейшего отношения друг к другу. Название «хаттский» предпочтительнее, поскольку оно произведено от наречия *hattili*, так же как лувийский — от *luwili* (см. следующий раздел).

Лувийский

Этот язык находится в близком родстве с хеттским, отличаясь от него, в частности, образованием множественного числа существительных, местоимений и прилагательных путем окончания *-nzi* (возможно, произносившегося как *-nts* вместо хеттского *-es*, а также некоторым предпочтением, оказываемым гласной *a*. Но главная особенность лувийского в том, что управление одного существительного другим совершалось при помощи не родительного падежа, а прилагательного с окончанием на *-assis* или *-assas*. Это словообразование иллюстрируется географическими названиями; так, мы находим (опуская падежное окончание *-s* названия Даттасса и Тархунтасса, означающие «принадлежащие (богам) Датта и Тархунт»; оно проливает свет на многие географические названия на *-assas*, известные из греческой эпохи. С лувийским мы встречаемся по большей части в коротких отрывках, предваряемых словом *luwili*; тем не менее количество имеющегося в нашем распоряжении материала на лувийском языке больше, чем на хаттском. Лувийский подразделялся на несколько диалектов, один из которых засвидетельствован в иероглифических текстах (см. ниже), а другой развился в ликийский язык классической эпохи.

Палайский

Об этом языке известно еще меньше. Он засвидетельствован только в культе одного божества — Ципарвы. Название языку дало наречие *palaumnili*, от которого мы производим либо «палайский», либо «палаитский». Недавние исследования доказали по крайней мере, что, подобно хеттскому и лувийскому, этот язык принадлежит к индоевропейской семье.

Хурритский

Материала для изучения хурритского у нас гораздо больше, чем для хаттского, лувийского и палайского. Хурритские пассажи в ритуальных текстах, найденных в Бозаккёе, весьма многочисленны; обнаружено даже несколько полностью хурритских текстов, и среди них — фрагменты перевода эпоса Гильгамеша, величайшего литературного достижения вавилонской цивилизации. Однако главным источником для изучения хурритского все еще является письмо, написанное Тушраттой, царем Митанни, Аменхотепу III, царю Египта, примерно в 1400 г. до н. э.; оно найдено среди развалин египетской столицы в Телль-эль-Амарне более пятидесяти лет тому назад и довольно хорошо сохранилось. В нем около 500 строк, и поэтому ясно, насколько оно важно. Другие хурритские тексты были недавно обнаружены в Телль-Харири, древнем Мари в районе среднего Евфрата — они датируются примерно 1750 г. до н. э., — а также в Рас-Шамре (Угарите) на сирийском побережье; тексты эти выполнены консонантным письмом, т. е. содержат только согласные. Прямым потомком хурритского является язык царства Урарту, иногда именуемый ванским или халдским; он известен нам из царских надписей

ассирийской клинописью, датируемых VII в. до н. э. Дальнейшие сближения хурритского с другими языками остаются делом темным. Для хурритского языка характерно широкое использование суффиксов; это в корне отличает его от другого языка неизвестного происхождения — хаттского. Не исключена возможность, что удастся установить связь этих языков с малоизученными кавказскими языками.

Название языка взято из хеттских текстов, в которых хурритские пассажи обычно начинаются с такой формулы: «певец из страны Хурри поет следующее» или же — в других местах — с формулы: «певец поет следующее *hurlili* (почему в наречии добавляется *l*, непонятно).

Арийский язык правителей Митании

В трактате о коневодстве, составленном Киккули из Митанни, встречаются некоторые профессиональные термины, анализ которых показывает, что они содержат элементы, близкородственные санскритским числительным.

aika-wartanna	«один поворот»	Ср. санскр. eka vartana-m «один поворот»
tera-wartanna	«три поворота»	Ср. санскр. tri vartana-m «три поворота»
panza-wartanna	«пять поворотов»	Ср. санскр. panca vartana-m «пять поворотов»
satta-wartanna	«семь поворотов»	Ср. санскр. sapta-vartana-m «семь поворотов»
navartanna	«девять поворотов»	Ср. санскр. nava vartana-m «девять поворотов»

Текстов, написанных на этом языке, нет, но приведенные слова свидетельствуют о том, что в хеттские времена на нем говорили. То, что это был язык правителей Митанни, будет показано ниже. Мы могли бы поэтому называть его «митаннийским», но это породило бы путаницу, потому что в прошлом так часто называли хурритский язык. Э. Форрер, который отождествлял правителей Митанни с Умман Манда в некоторых вавилонских и ассирийских текстах, предложил название «мандайский», но оно не получило общего признания. Фактически название для этого языка так и не найдено.

Аккадский

Это ныне общепризнанное название хорошо известного семитского языка Вавилона и Ассирии; хеттам, однако, этот язык был известен как «вавилонский». Он широко использовался на Ближнем Востоке в дипломатической переписке и в документах международного характера, и хеттские цари придерживались этого языка, когда имели дело со своими южными и восточными соседями. Многие хеттские договоры и письма были поэтому написаны полностью по-аккадски и стали доступны в переводе задолго до того, как был дешифрован основной корпус текстов богазкёйского архива. К тому же, как отмечалось выше, аккадские слова зачастую встречались в текстах, написанных по-хеттски, но принято считать, что это один из видов аллографии.

Шумерский

Этот древнейший язык нижней Месопотамии, ставший уже мертвым, усиленно изучался в Хаттусе, как и в Вавилоне, и там были найдены шумерско-хеттские словари. Большинство шумерских слов — односложные, а многие из слогов, обозначаемых клинописными знаками хеттского периода, в действительности — шумерские слова, значение которых было забыто, когда на этом языке перестали говорить. Поэтому тот, кто изучал шумерский, мог воспользоваться отдельными знаками как идеограммами, т. е. обозначать ими соответствующий предмет или понятие и, таким образом, сберечь лишнее время, которое было бы занято написанием намного более длинных хеттских или аккадских слов. В этом смысле шумерский служил своего рода скорописью, и эта форма аллографии широко использовалась хеттскими писцами.

Таковы восемь языков, писанных клинописью на глиняных табличках из Богазкёя — Хаттусы. Чтобы заключить наш обзор письменных хеттских языков, мы должны к ним прибавить еще один.

Иероглифический хеттский, или табальский*

** В современной литературе обычно употребляется более точное название — «иероглифический лувийский» — Примеч. ред.*

История открытия иероглифических надписей была изложена во Введении. Почти все они сопутствуют наскальным скульптурам или каменным памятникам; излюбленным материалом для последних был базальт. Единственное исключение — надписи на печатях и семь писем в форме свернутых полосок свинца, найденных при раскопках в Ашшуре и опубликованных в 1924 г. Знаки более ранних надписей на монументах были рельефными; позже возникла беглая форма — с врезанными (углубленными внутри контуров) знаками. Знаки представляли собой пиктограммы, и предметы, изображаемые ими, во многих случаях легко узнаваемы. Обширный класс знаков изображает части тела, например руку в различных положениях, лицо (всегда в профиль), ноги и ступни; имеются головы животных, например быка, лошади, собаки, свиньи, льва, оленя, зайца, птиц и рыб, а также мебель — столы и стулья, части зданий, включая тщательно изображенный фасад двухэтажного дома. Порядок расположения знаков — «бустрофедон» (*Греческое слово, имеющее значение «наподобие броды, производимой при вспашке»*), т. е. строки читаются по очереди справа налево и слева направо; эта манера характерна для ранних греческих надписей на ионическом побережье. Знаки обращены к началу строки, как у египтян. Хеттская иероглифика — это, несомненно, изобретение самих хеттов. Знакомство с египетскими иероглифами оказало на нее лишь общее стимулирующее влияние. Это одна из целого ряда новых письменностей включая ту, которая породила наш собственный алфавит) иероглифического или клинописного типа, которые были изобретены во II тыс. под влиянием возросших международных контактов в странах Леванта, где соприкасались культуры Нила и Евфрата (см. фото 3 в галерее).

До недавнего времени успехи в дешифровке этих надписей оставались весьма скромными; однако ныне стало ясно, что язык надписей этих памятников — по существу, один из диалектов лувийского, хотя и отличается, среди прочего, образованием множественного числа существительных с помощью окончания -ai. Как и лувийский, он тесно связан с ликийским языком, известным из надписей греческой эпохи. Тот факт, что он дает s вместо k в сочетании с u, не доказывает, что этот язык «сатем», хотя это и утверждалось.

Надписи на большинстве памятников, о которых шла речь, были сделаны после падения хеттской империи. Но еще до этого времени иероглифический хеттский уже был в ходу. Лишь немногие из более пространных надписей представляются принадлежащими к классическому хеттскому периоду, и нет полной уверенности, что их язык — это тот же язык, что и на позднейших памятниках; однако недавние исследования, по-видимому, делают это вероятным, а отсюда следует, что иероглифический хеттский должен быть включен в число языков, которыми пользовались писцы хеттской империи. Помимо достаточно пространных, надписи на этом языке постоянно встречаются на каменных памятниках и на печатях; в обоих случаях имена хеттских царей передавались в виде своеобразной монограммы. Впрочем, довольно вероятно, что эта письменность в действительности использовалась гораздо шире, чем явствует из сохранившихся свидетельств, а именно для всех административных записей, ведшихся в хеттском царстве. Древнее название этого языка не установлено. Э. Форрер назвал его табальским, так как область, где было найдено большинство надписей, называлась в ассирийские времена Табалом (это ветхозаветный Тубал). Однако большинство ученых приняли более громоздкие названия: «иероглифический хеттский» или «иероглифический лувийский».

2. Разговорные языки

Теперь мы должны задать вопрос: где, когда и кто фактически разговаривал на этих языках?

Что касается аккадского и шумерского, то тут ответ прост: в Хаттусе это, были чисто литературные языки, и мы знаем их родину и их историю.

Нет никакой проблемы и с хурритским языком, и с арийскими терминами в коневодческом трактате, автором которого был хуорит из Митанни. Дело в том, что начиная примерно с 2300 г. до н. э. и далее хурритский народ, как нам известно, постепенно распространялся на юг и на запад из своих родных мест в горных районах южнее Каспийского моря. В течение II тыс. хурриты создали несколько могущественных

царств, расположенных в области верхнего течения Евфрата и Хабур. Одно из этих царств — Митанни, которое, как мы уже говорили, вело свою дипломатическую переписку на хурритском, управлялось династией царей, имена которых имели арийскую этимологию, а индийские божества, такие, как Индра и Варуна, занимали важное место в митаннийском пантеоне. Поэтому ясно, что в Митанни над хурритским населением властвовали индоарийские цари. Оба языка довольно поздно проникли в хеттскую область, а преобладание хурритского языка в архивах Хаттусы обязано широкому разрастанию митаннийского могущества в период, предшествовавший царствованию Суппилулиумы.

С другими пятью языками дело обстоит иначе: хаттский противостоит четырем индоевропейским языкам, находящимся в родстве: хеттскому, лувийскому, палайскому и «иероглифическому хеттскому». Есть достаточные основания считать, что к тому времени, когда писались тексты, хаттский был уже мертвым языком, ибо хаттские пассажи в текстах часто снабжались подстрочным вариантом на хеттском, в помощь чиновникам, которым предстояло произносить эти пассажи. Название «хаттили» подсказывает, что родиной хаттского была страна Хатти, в более узком смысле слова, и древние географические названия в этом регионе как будто подтверждают такой вывод. Но это, уж во всяком случае, была территория, на которой говорили именно на хеттском, и мы можем сделать законное заключение, что вторжение индоевропейцев привело к вытеснению хаттского языка из повседневного употребления. Недавно было высказано мнение, что ко времени написания текстов хеттский стал литературным языком, на котором больше не разговаривали; родным языком стал «иероглифический хеттский» (или, что менее вероятно, лувийский), вытеснивший хеттский примерно так же, как позднее более гибкий арамейский язык занял место аккадского. Многие говорят в пользу такой теории применительно к периоду поздней империи, хотя язык был жив вплоть до времени царствования Суппилулиумы, поскольку можно обнаружить явные черты его развития. Трудно предположить, чтобы поздние цари и царицы воздвигали общественные памятники по всему царству на языке одной из своих наименее культурных провинций; разумнее считать, что «иероглифический хеттский» стал разговорным языком их народа или был в действительности языком, на котором они сами говорили. Такая теория, впрочем, сильно оспаривалась и конечно, не могла бы считаться состоятельной, если бы не было свидетельств о непрерывном развитии хеттского языка в ходе последовавших веков. Следует ожидать дальнейших исследований по этому вопросу. В свете имеющихся на сегодня данных исконной родиной «иероглифического хеттского» следует скорее всего считать Киликию, поскольку самый ранний образец иероглифического письма мы находим на печати Испутасу, царя Киццуватны. Ее отпечаток на глиняной булле был найден в Тарсусе экспедицией мисс Гольдман в 1935 г., а то, что Киццуватна находилась в Киликии, в сущности, бесспорно. Если теория, упомянутая в предыдущем разделе, верна, то язык, хотя и не сам народ, распространился на север, через гряды Тавра, в эпоху позднейших царей Хаттусы. В водовороте XII в. «народ Аданы» (хеттское *adanawanaī*, египетское *daniuna*), видимо, присоединился к мародерам, известным египтянам под именем «народы моря» (см. выше), и многие из них, вполне возможно, осели впоследствии в Сирии и основали позднихеттские царства, описанные выше. Надпись в Карателе свидетельствует, однако, что миграция захватила не все население киликийской равнины. «Страна Куэ», упоминаемая в ассирийских царских анналах, — не что иное, как царство Адана, вассалом которого был автор надписи в Карателе.

Лувийский — это язык, на котором говорили в области, называвшейся Лувией и включавшей государство Арцава; мы знаем, что последняя должна была находиться где-то на западном или юго-западном берегу Малой Азии. Здесь тоже весьма распространены географические названия, оканчивающиеся на -assa, а мы видели, что эти имена выводятся из лувийского языка. Киццуватна была пограничной областью Лувии, ибо боги Тархунт и Сайта (Сандон) были типичными божествами лувийского пантеона, а некий человек из Киццуватны упоминается как автор одного из лувийских ритуалов; все это находит отражение в близком родстве лувийского и «иероглифического хеттского» языков. Наиболее вероятным местоположением страны Пала, где говорили на палайском, была северная Каппадокия, вероятнее всего где-то между совр. Кайсери и Сивасом; впрочем, это

один из самых спорных вопросов хеттской географии. Некоторые ученые отождествляют Палу с классической Блэне на далеком северо-западе.

Глава VII. Религия

Общие замечания

Мы видели, как разобщенные городские общины Анатолии постепенно сливались в некоторое подобие единства благодаря талантливой деятельности царей Хаттусы, сохранив все же до самого конца местные советы и многие из своих местных прав. Что касается религии, то каждой маленькой общине, по-видимому, удалось отстоять свою независимость, ибо централизация власти в Хаттусе была прежде всего делом военным и гражданским. Местные святилища сохранялись, их культы оставались нетронутыми. Политика царей заключалась, видимо, в том, чтобы, скорее, усиливать, и не умалять их значение, присваивая себе в то же время функции верховного жреца царства. В этом качестве царь учреждал ежегодный объезд страны, в ходе которого он посещал важнейшие культовые центры и лично правил главные обряды празднеств. Одна из главных обязанностей местных должностных лиц и правителей провинций заключалась в содержании храмов. Возрастающая стабильность и благоденствие царства весьма способствовали их процветанию.

В то же время централизация управления делала неизбежным некоторый синтез. Верховные акты государства должны подпадать под гарантию покровительства всех богов и богинь царства; поэтому писцы состарили списки всех местных божеств, к которым полагалось взывать в договорах и царских указах. В процессе синкретизма сходные божества группировались или рассматривались как тождественные, и делались попытки построить упорядоченный пантеон. В то же время государство и монархия пребывали под покровительством особой группы великих божеств, поклонение которым происходило в сложных и торжественных столичных ритуалах.

Ряд табличек из Богазкёя изобилует свидетельствами об этом государственном культе, а религиозные концепции, на которых он был основан, становятся ясными из текстов молитв разных членов царской семьи и из тщательно разработанных инструкций жрецам и храмовым служителям. Существуют также чрезвычайно интересные мифологические поэмы, живо освещающие характеры упоминаемых в них божеств. Впрочем, это по большей части не те божества, которые фигурируют в государственной религии, а если те же самые, то бросаются в глаза странные несоответствия в ролях, которые они играют в разных контекстах. Поэтому представляется, что эти мифы берут свое начало в местных культах, но откуда именно Ч нигде не сообщается. Равным образом мы ничего не знаем о связанных с ними ритуалах и церемониях. О других местных божествах и об их культовых центрах мы не знаем ничего, кроме их имен и названий.

Тут-то нам и помогают памятники. В отличие от табличек, памятники широко раскинуты по стране и содержат некоторые прямые свидетельства о местных культах. Если таблички дают нам только имена божеств и названия их культовых центров, то памятники изображают типы божеств, относящихся к той или иной местности. Божества обычно различаются: а) по виду оружия или другого предмета, который они держат в правой руке; б) по символу в левой руке; в) по крыльям или другим добавлениям; г) наконец, по священному животному, на котором они нередко стоят. Главным минусом памятников как свидетельств является то, что они по большей части относятся уже ко времени падения хеттской империи, когда синкретическим тенденциям уступило большинство не только местных, но и столичных культов. Материал, предоставленный науке такими памятниками, следует использовать осторожно. Из немногих достоверно относящихся к периоду империи, и притом превосходящих все остальные по значению, следует выделить большое святилище в скалах языкая (что по-турецки значит «Исписанная Скала») в двух милях от Богазкёя. Здесь естественный уступ скалы образует крытую нишу, на стенах которой изображены боги и богини хеттского царства; выпуклый рельеф изображает две процессии, сходящиеся в середине стены против входа. Это памятник государственной религии. Многие из божеств несут символы, и, хотя выветривание скал делает их опознание чрезвычайно затруднительным, недавние успехи в понимании иероглифического письма

позволили установить ошеломляющий факт: в XIII в. до н. э. богословы хеттской столицы усвоили хурритский пантеон. Обстоятельства и суть этой эволюции обсуждаются ниже.

2. Местные культы

Характерным богом хеттской Анатолии был бог Грозы, ибо, в отличие от выжженных долин Месопотамии, Анатолия — страна туч и бурь. Имеется множество местных памятников, изображающих это божество в различных видах, а из текстов мы узнаем, что с его культом было связано очень большое число городов. Сирийское искусство часто изображает его так: он стоит один, в руках у него топор и символическая молния; в самой Анатолии его изображают правящим примитив— колесницей, которую быки тащат по вершинам гор. Бык — его священное животное, которое может в одиночку стоять на алтаре в качестве культового символа бога, что мы и видим на ортостатах в Аладжа-Хююке (см. и фото 2). Бог Грозы, стоящий на быке, ставший хорошо известным по всей Римской империи под именем Юпитера Долихена, по-видимому, возник в ходе более позднего развития образа.

В мифологии бог Грозы фигурирует как убийца злея Иллуянки. Этот миф обсуждается ниже.

Самые знаменитые храмы бога Грозы были найдены районе Тавра и на равнине Северной Сирии; а это была та область хеттской империи, в которой преобладающую часть населения составляли хурриты. Соответственно мы здесь повсюду находим культ хурритского рта Грозы Тешуба и его супруги Хепат.

В хурритском пантеоне богиня Хепат (или Хепит) почти равна по значению своему мужу Тешубу. Обоим совместно поклонялись в Алеппо, Самухе (может быть, Цалатья?), Кумманни (вероятно, классическая Комана Каппадокийская), Уде (классическая Гида), Хурме и Апчисне. Хепат изображается в виде величественной женщины, иногда стоящей на льве, ее священном животном, но без прочих специальных атрибутов. Э. Кумманни она занимает первое место; знаменательно, что Комана была столицей богини Ма-Беллоны. Но кумманийская богиня в хеттских текстах как будто не имеет воинственных черт. Возможно, она приобрела их позднее в результате синкретизма.

Хурриты наделили эту божественную пару сыном по имени Шаррума, или Шарма. Этот бог был довольно убедительно отождествлен с божеством, символом которого в изобразительном искусстве была пара человеческих ног; он дважды изображен в Язылыкая; один раз непосредственно следующим за своей матерью в процессии богинь, другой раз в малой галерее, сбоку от главного алтаря; здесь он показан крупным планом и держит в своих объятиях царя Тудхалию IV (см. фото 13 в галерее). В текстах он упоминается главным образом в связи с Удой и Кумманни.

Другим выдающимся божеством хурритов была богиня Сауска, отождествляемая с Иштар и обычно так и упоминаемая в текстах. Хурритской Иштар поклонялись в Самухе и в ряде других городов в районе Тавра. Царь Хаттусили III взял ее себе в покровительницы, а так называемая «Автобиография» царя посвящена ей. Богиню изображали в виде фигуры с крыльями, стоящей на льве, и ее можно узнать в крылатой богине на некоторых печатях и иных памятниках. Она имеет двух прислужниц, Нинатту и Кулитту.

Существует много иных хурритских божеств, чьи культовые центры лежали вне хеттской орбиты; эти божества никогда не включались в хеттский пантеон. Такие месопотамские божества, как Ану и Анту, Энлиль и Нинлиль, Эа и Дамкина, были известны хеттам через хурритскую религию и часто упоминаются в текстах, но они, по-видимому, считались чужеземными.

К западу от страны хурритов, между южным краем соляного бассейна и подножием холмов Тавра, лежала группа значительных городов, из которых наиболее известный — Туванува, классическая Тиана. Здесь чтили бога Грозы, быть может, под иным именем, которого мы не знаем, ибо его супруга выступает уже не под именем Хебат, а под такими именами, как Сахассара, Хувассана, Тасими. Этот район был, по-видимому, центром поклонения богу хаттов Вурункатти (что означает «царь страны»), который фигурирует в текстах под именем шумерского бога войны Забабы.

Отправляясь к северу от Туванувы, мы попадаем самое сердце хеттского царства, родину хаттов. Здесь великим религиозным центром была Аринна, священный город; местоположение города не установлено, но известно, что он находился на расстоянии однодневного перехода от столицы, Хаттусы. В Аринне главным божеством была богиня Солнца, Вурусему; бог Грозы, ее супруг, занимает второе место, и у них есть дочери Мецулла и Хулла и даже внучка Цинтухи. Дальше к востоку, по-видимому, находилось другое важное место поклонения богу Грозы, город Нерик. Бог Телепину, чье имя неотделимо от мифа об исчезнувшем боге (см. ниже), связан с четырьмя городами этого района. Он, видимо, был богом землепашцев, поскольку его отец, бог Грозы, говорит о нем: «Этот сын мой могуч; он боронит и пашет, он орошает поля и растит колос», поскольку Телепину играет главную роль в мифе, описывающем, как замирает жизнь вследствие его ухода, он, вероятно, был типичным «умирающим богом» и, подобно Адонису, Аттису и Осирису, олицетворял жизненные силы природы, которые представляются умирающими зимой и воскресающими весной. Однако, поскольку бог Грозы и бог Солнца играют в мифологии эту же роль, кажется более вероятным, что в этом качестве мог выступать любой из богов и что различные версии этого мифа возникали независимо в разных культовых центрах, посвященных тому или иному богу.

Рис. 2. Емийей. Бог на олене. Стелитовый рельеф

В Сариссе и Карахне и, быть может, еще где-нибудь существовал культ бога, встречающегося в текстах под титулом, по-видимому означающим «Покровительствующий дух» или «Провидение». Однако, если этот бог был отождествлен на памятниках правильно, его следует считать богом деревни; в самом деле, в одном из текстов он описывается как «дитя полей». Его священным живым был олень, и он изображается стоящим на олене с зайцем и соколом в руке. Этот культ был распространенным и, по-видимому, шел из глубокой древности, ибо фигурки оленей найдены в могилах, датируемых III тыс. до н. э. Существует еще немало хаттских божеств, но они для нас — лишь имена. Многочисленными были, по-видимому, боги гор.

О лувийском пантеоне мы знаем мало. Сайта, «царь», отождествлявшийся хеттами с Мардуком, был, вероятно, лувийским божеством; атрибуты его, впрочем, неясны. Датта был лувийским богом Грозы. Многочисленные имена божеств, оканчивающиеся на -assas, -assis и -imis, следует отнести к лувийскому языку, но это, вероятно, лишь титулы. Сайта продержался до греческого периода, превратившись в Сандона, и его культ отправлялся в Тарсусе.

Бог Тархунт должен быть отождествлен с этрусским Тархоном, имя которого лежит в основе имени Тарквиний; Тархунт был богом Грозы, хотя и неясно, какая категория людей почитала его. Он был главным божеством поздних хеттских царств, и поэтому хочется соотнести его с теми, кто говорил на «иероглифическом хеттском» языке; однако, как мы видели, местоположение родины этого народа само остается неясным. Тархунт вообще не фигурирует в хеттских религиозных текстах, хотя его имя входит как составная часть во многие личные имена, выглядящие лувийскими. Здесь следует также упомянуть богиню Кубабу, несмотря на то что в текстах о ней говорится весьма мало и место ее происхождения неясно; дело в том, что она, несомненно, прототип фригийской Кибелы.

В этом кратком очерке мы упомянули лишь главные божества основных культовых центров, чтобы избежать путаницы. Тексты буквально кишат именами божеств, и надо предполагать, что в каждом алтаре главные боги были окружены сонмом младших богов и богинь, о функциях и атрибутах которых у нас имеются лишь самые смутные представления.

3. Государственная религия

Из всего разнообразия местных культов жрецы Хаттусы создали официальный пантеон, ядром которого был культ, который отправлялся в находившемся неподалеку святилище Аринны. Богиня Солнца Аринны превозносилась как «царица страны Хатти, царица Неба и Земли, владычица царей и цариц страны Хатти, руководящая правлением царя и царицы Хатти». Она стала верховной покровительницей хеттского государства и монархии, и царь всегда обращался в первую очередь к ней за помощью в битве или в годину народного бедствия.

Как она соотносилась с богом Солнца, по-видимому, никогда не было определено с достаточной четкостью. В мифологии этот бог выступает как царь боров и в большинстве перечней, сопровождавших договоры, занимает первое место. Подобно своему вавилонскому напарнику, он считался богом правды и справедливости, ибо именно солнце, совершая свой дневной путь, беспристрастно взирает на все дела человеческие. Царь Муваталли обращается к нему в молитве со следующими словами:

Небесный бог Солнца, мой господин, пастырь человечества! Ты встаешь, бог Солнца, из моря и всходишь на небо О небесный бог Солнца, мой господин, каждый день ты вершишь суд над человеком, собакой, свиньей и над зверем диким.

Ту же концепцию мы находим в гимне, обращенном явно к богине Солнца города Аринны, но как к мужскому божеству: «Ты вдохновенный вершитель справедливости, и неутомим ты в своем судилище». Почему говорится, что бог Солнца встает из моря? Выказывалось Предположение, что эта фраза, возможно, служит укаранием на то, что хеттский бог Солнца имеет не местное, анатолийское происхождение, а привнесен туда народом, жившим где-то на восточном побережье. В самом деле, имеется любопытная деталь: в одном из текстов описан бог Солнца с рыбами на голове, и существовал особый тип бога Солнца, известный как «бог Солнца воды». Имелся также бог Солнца (или, пожалуй, скорее богиня Солнца) подземного мира; считалось, что солнце проходит через этот мир на своем пути с запада на восток в темное время суток.

Однако, согласно официальному богословию, супругом богини Солнца Аринны был не бог Солнца, а бог Грозы Хатти, которого иногда Называли небесным богом Грозы. Этот великий образ мог зародиться в местном культе, в Аринне, в Хаттусе или в Куссаре (в надписи Анитты он уже верховное божество), но он по самой сути — главный бог Грозы, чей культ, как мы уже видели, был широко распространен по всей Анатолии. Его называли «царь Небес, господин страны Хатти». Он также, подобно своей супруге, был богом битвы, неотделимым от военных удач и превратностей. Только он мог представлять народ в его сношениях с чужеземными странами. Так, например, считалось, что договор между Хаттусили III и Рамсесом II заключается для того чтобы «увековечить отношения, которые бог Солнца Египта и бог Грозы Хатти установили для Египта и страны Хатти».

В конце существования хеттской империи государственная религия подпала под сильное хурритское влияние. Здесь, несомненно, сыграли существенную роль выдающиеся качества такой личности, как царица Пудухепа. Она была паревной Кумманни в Киццуватне — одном из главных центров культа богини Хепат, и само имя царицы говорит о том, что она была посвящена этой богине (*Точное произношение имени богини неясно, так как написание колеблется между Хебат, Хепат и даже Хепит.*). Как раз в той молитве, которая приписывается супругу царицы Пудухепы, царю Хаттусили, богиня Хепат прямо отождествляется с богиней Солнца Аринны; это — акт синкретизма, никаких следов которого мы не встречаем до этой даты. С другой стороны, на царской печати, оттиск которой изображен в египетском варианте договора Хаттусили с Египтом, царица предстает в объятиях богини Солнца Аринны; эту тесную близость можно понять, допустив, что имя богини Солнца здесь употреблено вместо хурритской Хебат,

покровительницы города, в котором родилась царица. Впрочем, один из ритуальных текстов позволяет думать, что между богиней Солнца и царицами Хатти признавалось существование особой связи. Вероятно, в то же время хурритский Тешуб был отождествлен с богом Грозы Хатти, а божественный сын Шарма — со своим напарником, богом Грозы Нерика и Циппаланды.

Правильно или нет мы датировали принятие хурритского культа, ясно, что наскальные рельефы в Язылыкая появились, когда этот процесс был уже завершен. Дело в том, что ведущая богиня этого пантеона носит имя Хепату, вырезанное четким иероглифическим письмом, и есть основания полагать, что фигурка ее сына, стоящего позади нее, обозначает Шарму. Возглавляющий процессию и стоящий напротив нее бог несет символы, означающие «небесный бог Грозы», но, принимая во внимания хурритское имя его супруги, можно с уверенностью сказать, что здесь подразумевался Тешуб. Это бородатый человек с палицей в правой руке; ступнями он попирает согнутые шеи двух существ, тела которых изображены так, чтобы было ясно, что это — обожествленные горы. Запряженная быками колесница, на которой в других памятниках бог изображен едущим по этим горам, в Язылыкая отсутствует, однако художник изобразил этих двух быков выглядывающими из-за ног бога Грозы и его супруги. А имена этих быков и двух гор нам известны: быки — это Сери и Хурри (*В песне Улликумми их зовут Серису и Телла (см. ниже).*), а горы — Намни и Хацци. Это хурритские имена; по-хурритски Сери и Хурри означают соответственно день и ночь (*Хурри — букв. «утро; восток»; Сери — «вечер».* — Примеч. ред.); Хацци — это гора Касиус вблизи Антиохии в Северной Сирии (которая была хурритской страной). Тогда получается, что этот образ бога Грозы в колеснице сам проистекает из хурритского источника.

Действительно, ныне доказано, что боги и богини главной галереи в Язылыкая принадлежат хурритскому пантеону. За центральной фигурой Тешуба там стоит такой же бородатый бог Грозы и держит символы «бога Грозы Хатти» (см. выше); за ним можно опознать следующие божества:

№ 40. Держит колос: бог зерна.

№ 39. Эа (месопотамский бог подземного моря и важное божество у хурритов).

№ 38. Сауска, хурритская Иштар.

№ 37, 36. Нинатта и Кулитта, служанки Иштар.

№ 35. Бог Луны, Кушух (сравни выше Шарри-Кушух).

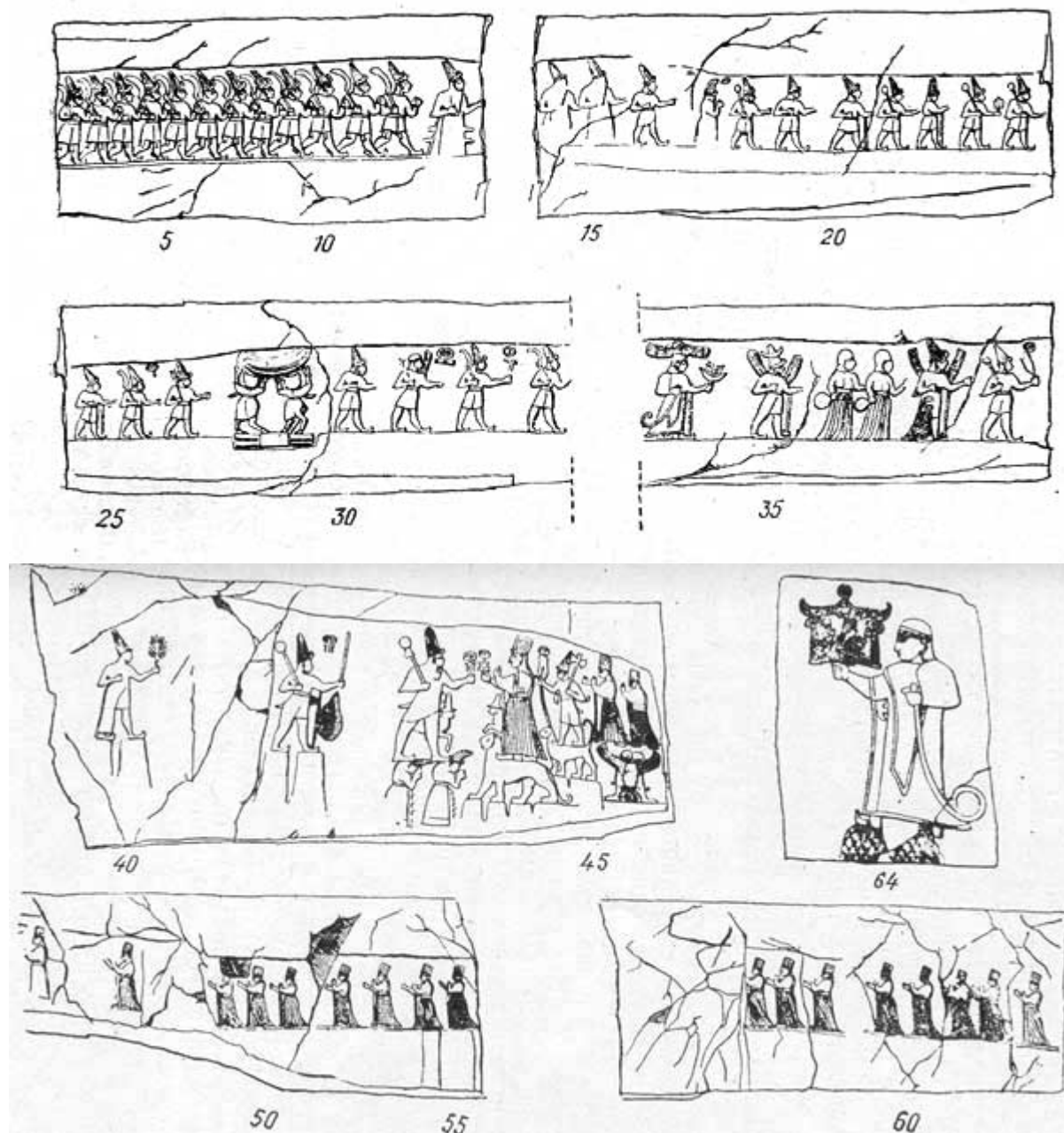
№ 34. Небесный бог Солнца.

№ 32. Его символ, как установлено, олений рог: «Дух-покровитель».

№ 30. Подземное божество, чье хурритское имя, возможно, Хесуи.

№ 29—28. Группа, изображающая двух человекобыков, стоящих на символе Земли и подпирающих Небо.

За Хепат и Шармой следует длинная вереница женских фигур, символы которых сильно стерты; эти фигуры можно лишь предположительно отождествлять с хурритскими богинями. Блок со скульптурами, найденный в соседней деревне, ныне заполнил пробел между номерами 55 и 56 и показал, что № 56 — это еще одно изображение Сауски, природа которой была двойственной. Царь (№ 64), чья колоссальная фигура вырезана на контрфорсе напротив задней части камеры, — это Тудхалия, который, по-видимому, уже «стал богом», поскольку изображен попирающим горы.

Язылыкая. Скульптуры главной галереи

4. Храмы, культы и празднества

Хеттские места богослужения были разнообразны, начиная со скального святилища под открытым небом в Язылыкая и кончая сложными храмами циклопической кладки, найденными в Богазкёе. В некоторых городах, как уже упоминалось, храм был одновременно центром гражданского управления и хозяйственного аппарата; он, должно быть, вмещал огромный штат религиозных и гражданских должностных лиц. Противоположную коайность, как это видно из текстов, представляли собой места, где несколько святилищ обслуживались одним жрецом. Эти святилища, вероятно, имели очень скромные размеры.

Пять храмов, раскопанных в Богазкёе и поразительно сходных по планировке, дают нам сведения об устройстве хеттских храмов (см. рис. 4). Так же как в Вавилоне и на Крите, множество маленьких помещений группируются вокруг мощеного двора, площадь которого варьируется в пределах от двухсот до пятисот квадратных метров. На этом, однако, сходство с вавилонскими храмами кончается. Целла, святая святых вавилонского храма, непосредственно соединялась с двором промежуточной передней, так что собравшиеся во дворе могли ясно видеть статую бога в ее нише, в середине дальней стены целлы, через два открытых проема. В хеттском же храме вход в целлу находился не в стене напротив культовой статуи, а в одной из смежных стен; вместо непосредственного доступа

в целлу ход был через две маленькие комнаты слева, так что молящемуся приходилось поворачиваться налево после входа в алтарь, чтобы стать лицом к статуе, стоявшей в дальнем конце. Есть некоторые указания на то, что в храмах верхнего города божество тем не менее можно было увидеть со двора через внутренние оконца в промежуточной стене. Однако в нижнем храме, даже если бы у него были такие окошки, алтарь смещён так сильно к боку строения, что культовая статуя ни в коем случае не могла быть видна со двора; поэтому мы должны заключить что, во всяком случае, в таком храме поклонение божеству было делом немногих избранных, имевших доступ в саму целлу; прочие же участники ритуала, собравшиеся во дворе, могли принять в поклонении лишь отдаленное участие. Другая весьма характерная черта этих хеттских храмов, установленная археологами, ведшими раскопки, заключается в том, что внешние стены прорезались глубокими окнами, доходившими почти до уровня пола; вавилонские же храмы, напротив, были обращены внутрь, в сторону своих дворов, и дневной свет проникал в помещения храмов лишь через маленькие, проделанные в самом верху стен отверстия. В четырех хеттских храмах тот конец целлы, у которого стояла статуя, выступал наружу относительно внешней стены прилегающих помещений и освещался через два окна на каждой из боковых сторон выступающей части (или через одно окно, если выступала только одна сторона); при этом статую, стоявшую между боковыми окнами, заливал яркий свет.

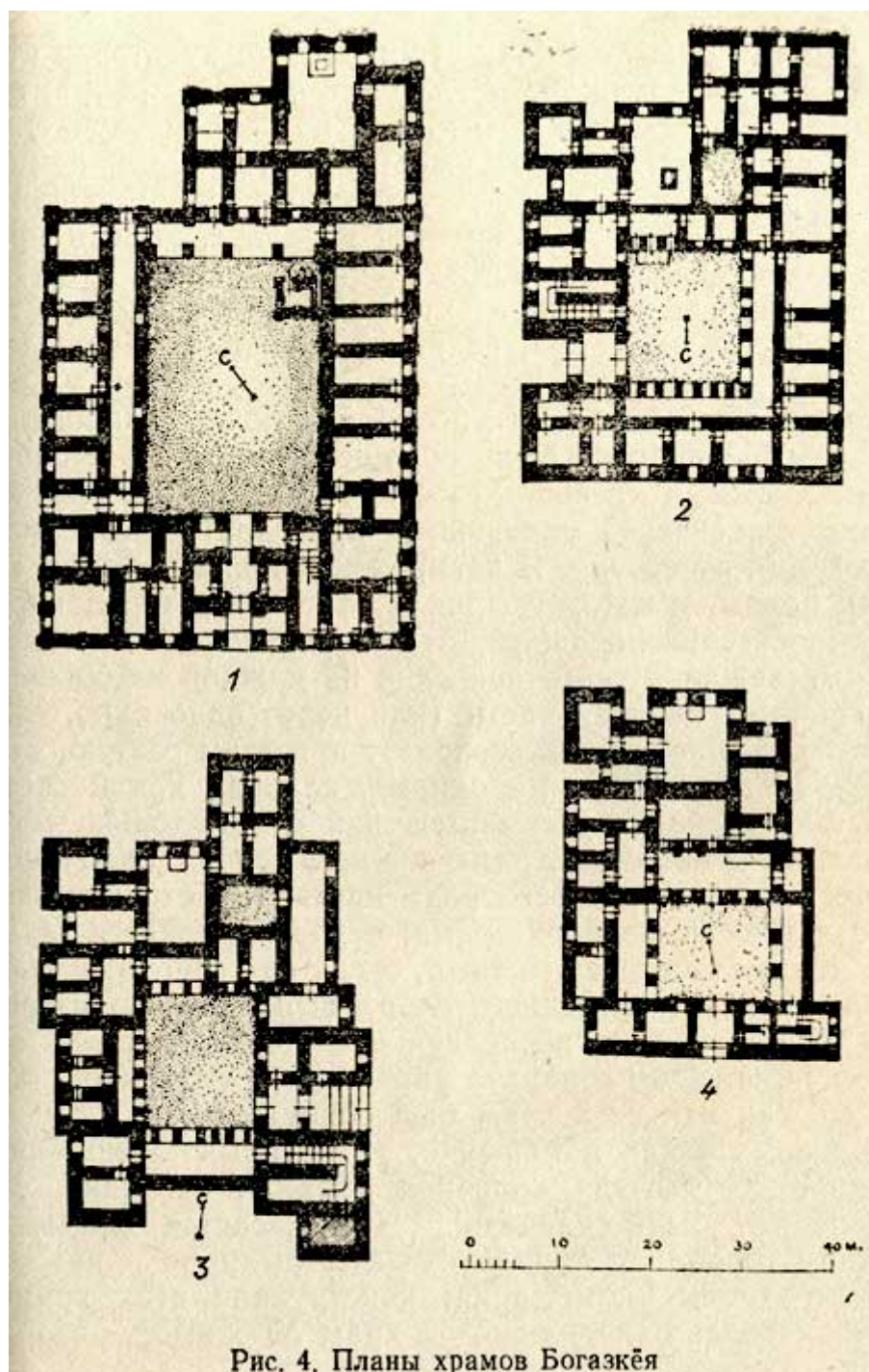

Рис. 4. Планы храмов Богазкёя

О назначении других помещений можно только догадываться. В большом храме нижнего города (№ 1) целла расположена в своего рода притворе, стоящем вне ряда других помещений храма; целла выделяется также тем, что построена из гранита, тогда как основная часть здания вокруг внутреннего двора выполнена из известняка. По-видимому, последняя заключала главным образом помещения аппарата управления; это вполне возможно, так как весь храм был окружен кольцом неодинаковых узких помещений, в которых находились большие сосуды для хранения запасов; очевидно, эти помещения были складами. Что касается храмов в верхнем городе, то трудно сказать, были ли в них административные помещения: конструкция этих храмов кажется более однородной, а храм № 5 имеет второй алтарь с северной стороны двора.

Ориентация этих храмов относительно сторон света беспорядочна. Храм № 1 обращен к северо-востоку, № 2 — к югу, № 3 и № 4 — к северу, а № 5 — к востоку.

Божество изображалось в виде статуи на пьедестале. Из всех предметов, найденных до сих пор, лишь один можно, пожалуй, считать культовой статуей — это каменная стела, найденная на склоне холма близ Фасиллара, где она была брошена; она изображает бородатого бога, стоящего на двух львах. Однако описаний таких статуй много; видно, что

большинство из них погибло, так как статуи были сделаны из драгоценного металла или из дерева, покрытого металлом. Небесный бог Грозы был изображен в виде золотой статуи с палицей в правой руке и с золотым символом «блага» в левой (вероятно, это был тот треугольник, который встречается в центре некоторых печатей); бог стоит на двух мужских фигурах, изображающих богов гор(так же на скальных рельефах в Язылыкaя). Серебряная статуя Забабы изображает стоящего мужчину: «в правой руке он держит палицу, в левой — щит, под ним стоит лев, ниже льва — пьедестал, покрытый серебром». «Иштар» (вероятно, особый тип этой богини) была изображена в виде сидящей фигуры с крыльями, выступающими из-под лопаток; в правой руке она держит золотую чашу, в левой — символ «блага». Она помещена на пьедестал, покоящийся на спине крылатого льва или грифона; по обе стороны стоят фигуры сопровождающих ее богинь, Нинатты и Кулитты.

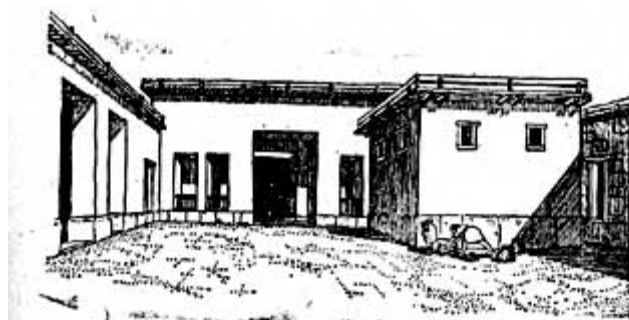

Рис. 5. Реконструкция внутреннего двора храма 5

В святилищах переднее божества были представлены символами или фетишами. Бог Грозы часто изображался в виде быка, как показывает рельеф, найденный в Аладжа-Хюкже (см. рис. 6). Сопровождающие его боги гор представляли в виде палицы или другого оружия, на которых тем или иным способом изображалось это божество (сравни с богом-мечом в малой галерее Язылыкaя, рис. 9). Весьма обычным предметом культа был Камень «хуваси». Это была стела или «массеба», на которой высекалась надпись, а иногда и фигура бога; эта стела вставлялась в цоколь постамента (см. фото 15 в галерее). Другим неизменным предметом убранства храма был «истанана», что текстуально совпадает с аккадским «аширту» и поэтому сравнивается с ханаанским «ашера»; но он, видимо, играет скорее роль стола или алтаря. Обстановка алтаря и даже различные части самой структуры здания считались священными и ассоциировались с главенствующим божеством во время жертвоприношений.

Рис. 6. Аладжа-Хюкк.
Царь, поклоняющийся быку — символу бога Грозы

Храм был домом бога, а жрецы были его домашними слугами. Насколько можно усмотреть из текстов, эта простая концепция лежала в основе всего храмового ритуала хеттов. Ежедневной обязанностью служащих храма были заботы о «телесных нуждах» бога. Все выполнялось в строго установленном порядке: бога надо было умыть, одеть, снабдить едой и питьем и развлекать танцами и музыкой. Эта ежедневная рутина считалась самоочевидной, и упоминания о ней встречаются редко. «Они умывают бога во внутреннем помещении, умащивают его и одевают в прекрасные одежды». «О бог Грозы города Циппаланды, живое воплощение главы богов, ешь и насыщайся, пей и утоляй жажду». Одним из самых ценных текстов в этой связи является табличка с наставлениями

жрецам и служителям храма; впрочем, упор делается не на сами церемонии, а на то, как их следует проводить. Лица, отправляющие церемонии, должны быть безупречно опрятными и ритуально чистыми. Если им случилось соприкоснуться с чем-либо нечистым или они спали с женщиной, они не должны приближаться к богу, пока не совершат необходимый обряд очищения. Еда и питье, посвященные богу, ни в коем случае не должны быть использованы по другому назначению или достаться светским лицам.

Храмовые порядки требовали, чтобы служитель храма возвращался к ночи, хотя он имел право пробыть вечер в городе; проведенного с женой ночь предавали смерти. Существовали даже правила, касавшиеся противопожарных мер и ночной охраны.

Бог, однако, был не только владельцем храма, но также хозяином и господином своего народа, и в этом качестве ему полагались в знак уважения самые различные приношения. Любой человек в любое время мог приносить умиловительные жертвы, и они часто составляли часть магического ритуала исцеления. Первые плоды и годовалые животные были специальной данью, посвященной богу; считалось, что особо щедрые жертвы помогут снискать его расположение. Едва ли не все, что производилось в стране, могло служить приношением богу, и часто невозможно отличить такие приношения от той еды и питья, которые входили в его регулярные трапезы. Животные должны были быть без изъяна, и их ценность повышалась, если они еще не случивались. При соблюдении этих условий даже такие традиционно «нечистые» животные, как собака и свинья, порою приносились в жертву, хотя, естественно, быки, овцы и козы составляли более обычные виды жертвоприношений. При этом жертвенным животным перерезали горло, чтобы пролилась кровь; по этой причине слово, означавшее принесение животного в жертву, совпадало со словом, означавшим приношение питья или возлияние, заключавшееся в выливании питья на землю. Хлеб и сыр «преломлялись»; подробные детали этой процедуры еще неясны.

Мы с удивлением находим примеры встречавшихся время от времени человеческих жертвоприношений, в частности в очистительном обряде, совершавшемся после военного поражения и напоминавшем обряд, описанный в Ветхом завете (Бытие XV. 9—18):

Если войско потерпело поражение от неприятеля, оно совершает следующий обряд за "рекой" «рассекают человека, козла, щенка и кабанчика; помещают половину по одну сторону, половину по другую, а спереди ставят ворота из... дерева и натягивают на них а перед воротами зажигают костры по одну и другую сторону, и войско проходит сквозь ворота, а когда оно дойдет до реки, оно окропляет себя водой.

В другом отрывке текста военнопленный фигурирует в списке подлежащих жертвоприношению наряду с кабанчиком и собакой. Такие варварские ритуалы принадлежат «народной» религии и не входят в государственный культ; они, однако, отмечаются и описываются в архивах без всяких признаков неодобрения.

Существует много упоминаний о периодических религиозных празднествах, которые были явно многочисленны и весьма разнообразны. Цитированная выше табличка содержит упоминание о восемнадцати празднествах; некоторые из них приурочены ко временам года, значение других еще не выяснено. Жрецам приказывается «соблюдать сроки празднеств» и не праздновать весенний праздник осенью, а осенний праздник весной и не откладывать празднество, если человек, обязанный провести его, заявляет, что «мне предстоит убрать урожай или отправиться в путешествие или делать еще какое-нибудь дело». Этот список празднеств содержит только те, которые происходили в Хаттусе; сравнение текстов показывает, что каждый культовый центр имел свой собственный календарь празднеств; впрочем, детали в большинстве случаев нам неизвестны.

Один из главных праздников хеттского календаря назывался пуруллия, вероятно от хаттского слова пурулли, означавшего «(праздник) земли» с хеттским суффиксом родительного падежа. На этом празднестве, по-видимому, разыгрывался «миф об убийстве дракона», рассматриваемый ниже. О важности этого празднества можно судить по тому, что царь Мурсили II считал необходимым возвращаться в Хаттусу, прерывая свой военный поход для того, чтобы принять участие в церемонии.

Когда наступила весна (пишет он), я хотя и участвовал в празднестве пуруллия в честь бога Грозы Хатти и бога Грозы в Циппа-ланде, но еще не участвовал в празднестве

пуруллия — великом празднестве — в мавзолее, воздвигнутом в честь Лельвани; я вернулся в Хаттусу и праздновал пуруллия — великое празднество — в мавзолее

Такое весеннее празднество, во время которого представлялась или разыгрывалась сцена сражения бога со Змеем Иллуянкой, по-видимому, относилось к хорошо известному типу сезонных празднеств, первичный смысл которых заключался в придании земле новых сил после зимнего застоя; ритуальная битва символизировала торжество жизни над смертью или добра над злом. Хтони-ческий смысл празднества явствует не только из его названия, но также из того, что оно посвящено Лельва-ни, которая была богиней Земли, и из того, что это празднество было связано с мавзолеем.

В одном хеттском тексте есть беглое упоминание о собрании богов, на котором «решаются судьбы», а это наводит на мысль о том, что хетты праздновали Новый год, так же как и вавилоняне; на таком празднестве разыгрывалась сцена собрания богов. Поскольку хеттский календарный год начинается, по-видимому, с весны, луруллия, может быть, и был самым новогодним празднеством; прямых свидетельств об этом, однако, нет.

Когда царь лично участвовал в празднестве, изготовлялась табличка с предписаниями, в которых праздничная церемония описывалась в мельчайших деталях. Многие из этих табличек сохранились, равно как и несколько табличек, в которых царь не упоминается в качестве центральной фигуры, хотя часто невозможно определить, о каком празднике идет речь, ибо название ритуала (колофон) отбито. Один из таких неидентифицированных текстов вполне может быть искомым перечнем предписаний к празднику пуруллия, ибо существует обломок, содержащий колофон этого ритуала, но больше ничего нет. Таблички, у которых сохранились колофоны, относятся к праздникам стужи (или зимы), к праздникам месяца, к празднику сторожки у ворот, праздникам камня хуваси многих богов, но главным образом к празднику растения антахшум, опять-таки в честь ряда богов. Антахшум — это съедобное растение, вероятно выращенное весной, ибо это празднество, а может быть, только это, приходилось на весну. Описание празднества занимает целую серию больших табличек и существует в ряде мало различающихся копий, имущественная часть праздника заключается в жертвоприношениях и возлияниях, обращенных к большинству богов и богинь царства и к различным частям храма. Эти жертвы описываются с утомительными длиннотами и касаются множества различных видов снеди, включая растение антахшум; в этих описаниях интересны главным образом перечни упоминаемых божеств, а не монотонные подробности церемониальных процедур.

Обряды большинства этих праздников, по-видимому, были существенно сходными, так что мы почти вправе говорить о едином «царском ритуале». Значительная часть перечней с предписаниями неизменно предваряется описаниями нарядов царя, шествия к храму, проводов царской четы и других сановников на полагающиеся им места. Нижеследующие отрывки иллюстрируют стиль этих документов:

Царь и царица выходят из халентувы. Двое дворцовых слуг и один телохранитель идут впереди царя, но сановники, остальные дворцовые слуги и телохранители следуют позади царя «Статуепо-клонники» играют на аркамми, хухупале и галгалтури (три музыкальных инструмента), стоя позади и спереди от царя... Другие «статуепоклонники», одетые в желтые (?) одежды, находятся сбоку от царя; они поднимают руки вверх и кружатся на месте (*Этот ритуальный танец изображен на рельефе из Каратене*).

Царь и царица входят в храм Забабы. Они преклоняют колени перед копьем; статуепоклонник говорит, глашатай возглашает...

Царь и царица усаживаются на трон. Дворцовый слуга вносит покрывало от золотого копья и литуус. Он передает покрывало от золотого копья царю, но литуус ставит рядом с троном по правую сторону от царя.

Два дворцовых слуги приносят царю и царице воду для рук в золотом кувшине... Царь и царица совершают омовение рук. Начальник дворцовых слуг дает им полотенце, и они вытирают руки.

Два дворцовых слуги покрывают тканью колени царя и царицы.

С жезлоносцем впереди стольники выступают вперед.

Жезлоносец идет впереди и проводит царских сыновей на их места.

Жезлоносец выходит наружу и идет впереди главных поваров, и они выступают вперед.

Жезлоносец снова выходит наружу, идет впереди «чистого жреца, господина Хатти и божественной матери Халки» и проводит их на их места.

Церемониймейстер заходит внутрь и объявляет царю — они приносят инструменты Иштар — царь говорит: «Пусть они их принесут»

Церемониймейстер выходит наружу во двор и говорит жезлоносцу: «Они готовы, они готовы!» Жезлоносец выходит к воротам и говорит певцам: «Они готовы, они готовы!» Певцы берут инструменты Иштар. С жезлоносцем впереди певцы вносят инструменты Иштар и занимают свои места.

Повара ставят готовые миски с водой и мясом; они отделяют тощее (?) от тучного (?).

Жезлоносец идет впереди (разных сановников) и проводит их на их месте (в одном из текстов здесь упоминаются «надсмотрщики над снейдью»).

Блюда делятся на части.

После того как блюда разделены... они раздают напиток марнува собравшимся.

Затем царь отбрасывает ткань (предположительно ту, которой покрыты блюда). Если он отбрасывает ее дворцовым слугам, которые стоят на коленях (там), то дворцовые слуги берут ее, но если он отбрасывает ее телохранителям, которые стоят на коленях, то ее берут телохранители, и они передают ее стольникам. (Затем, по-видимому, происходит церемониальная трапеза, но ни один из текстов не упоминает о ней явно.) Царь делает знак глазами, и подметальщик подметает пол.

(После этого следуют жертвоприношения.)

Уникальная церемония имела место, по-видимому, осенью в городе Гурсамасса (местонахождение этого города не установлено) в честь бога Ярри. Культовая статуя выносилась к камню хуваси, и там ее ублажали чествованием и пением, а также разыгрывали представление, описанное следующим образом:

Молодые люди делятся на две группы, и они именуются так одну группу зовут «люди Хатти», другую — «люди Маса»; и люди Хатти держат в руках медное оружие, а люди Маса держат оружие из тростника. Они сражаются друг с другом, и «люди Хатти» побеждают; и они берут пленника и посвящают его богу.

Предполагают, что эта условная битва увековечивает некую историческую битву, происшедшую неподалеку; впрочем, такие ритуальные сражения нередко фигурируют в фольклоре.

Другая интересная церемония описывается в одном отрывочном документе.

С утра украшенная колесница стоит наготове перед храмом; к ней привязаны три ленты — красная, белая и синяя. Они надевают упряжь и выносят бога из храма и усаживают его в колесницу. Впереди идут женщины бурутти, женщины катру и женщины... а также танцовщицы и храмовые блудницы, и они держат зажженные факелы... и за ними следует бог, и они проводят бога через тавинийские ворота в лес. И когда бог приходит к дому тарнави в лесу, жрец берет мутти и воду и обходит дом тарнави, и бог входит в дом тарнави. (Далее следует сильно поврежденный текст описания ритуала)

Все это напоминает шествие вавилонян к дому акиту во время новогоднего праздника; впрочем, вероятно, это случайное сходство.

Описание подобных ритуалов занимает значительное место в хеттском архиве, но, к несчастью, многие из описаний сохранились лишь в отрывках или могут быть прочтены лишь частично. Вышеприведенных примеров поэтому достаточно, чтобы дать некоторое представление о разнообразии текстов подобного рода.

5. Представления о богах и ворожба

Для человека, принадлежавшего к любому из древних обществ, было аксиомой, что все явления природы, то есть все важное, что в ней совершалось и, по видимости, находилось вне человеческой власти, в действительности управлялось могущественными, но человекоподобными силами. Идея о том, что мир подразделен на отдельные части, каждая из которых находится под управлением особого божества, естественно рождалась из человеческой практики; этому, безусловно, способствовало рано осознанное наблюдение: не существовало двух сообществ, поклонявшихся совершенно одинаковым богам. Каждый город имел свой храм, и в каждом храме пребывало существо, которое, как правило, нельзя

было увидеть и которое, несомненно, обитало на этом самом месте с незапамятных времен. Хеттский сочинитель выразил это такими словами:

Бог Солнца пребывает в Сиппаре,
бог Луны пребывает в Куцине,
бог Грозы пребывает в Кумми,
Иштар пребывает в Ниневии,
Наная пребывает в Киссине,
а в Вавилоне пребывает Мардук.

Боги, стало быть, были невидимы и бессмертны. Но в остальном — в их нуждах, интересах, отношениях с их почитателями — они представлялись абсолютно схожими с людьми. Далее этого представления о богах еще не шли. Для хеттов было характерно то, что они без колебаний приписывали своим богам и богиням такое поведение, которое, с нашей точки зрения, надо было бы признать неприличным или по крайней мере недостойным. Бог для его почитателей был тем же, чем господин был для его рабов (см. выше). Его полагалось кормить, обслуживать, умиротворять и льстить ему. Но даже при всем этом нельзя было уповать, что он будет всегда на страже интересов своих слуг; часть своего времени он проводит в развлечениях, или в путешествиях, или во сне, либо — занимается другими делами, и в это время мольбы его почитателей о помощи оказываются тщетными (как это случилось с пророками Ваала на горе Кармел). Даже тогда, когда он выполнял свои обязанности, его действия порой не отличались муд-тостью и могли повлечь за собой непредвиденные последствия; в таких случаях его верный слуга должен был указывать ему на это, и можно было ожидать, что бог исправит свою ошибку. Хеттский царь, может быть, и признавал неисправимую греховность людей; но всегда могло случиться, что несчастье, постигшее человека или весь народ, было не следствием наказания за грех, а произошло лишь в результате божественного недосмотра. Всегда имелись демоны и злые духи, которые только и ждали случая, чтобы воспользоваться утратой бдительности покровителя.

Что же это вы наделали, о боги? (молится царь Мурсили). Вы впустили мор, и стоана Хатти, вся она, умирает, так что никто не готовит приношений еды и питья. И вы приходите к нам, о боги, и вините нас за это... и что бы мы ни делали, мы перед вами не правы.

Здесь царь откровенно заявляет богам, что такой недосмотр с их стороны в конце концов вредит им же, поскольку боги лишаются услуг своих почитателей.

Если же несчастье постигает людей в наказание за грехи, то оно не прекратится, пока люди не исповедуются в грехе и не искупят его. Впрочем, наказанный может и не сознавать, что грех был совершен; действительно, хетты верили, что грехи отцов навлекали кару на детей, и грех, о котором идет речь, мог быть совершен в предшествующем поколении. В подобных обстоятельствах бог обязан сначала сообщить наказанному о том, что это за грех, а потом уж требовать искупления. Это сообщение может быть получено в прямой форме, из уст человека, впавшего в экстаз, или из сновидения; экстаз и сновидение считались видами божественной одержимости. Однако более надежным, хотя и более трудоемким, способом узнать божью волю было гадание, осуществлявшееся одним из трех способов: эксти-спиция (изучение внутренностей жертвенного животного), авгурство (гадание по полету птиц) и, наконец, способ, вероятно представлявший собой своего рода бросание жребия; это была специальность некоторых женщин — ворожей, которых называли попросту «старые женщины».

Искусство гадания хетты унаследовали от передававшихся из поколения в поколение учений вавилонских провидцев. Считалось, что боги слали своим почитателям весть о судьбе, уготованной им, в виде знаков и предзнаменований (ими могли быть практически любые явления, выходящие из обыденного ряда). В особенности это относилось к виду внутренностей жертвенного животного. Определенная конфигурация печени и других потрохов, некоторые особенности полета птиц и иные явления считались благоприятными, другие — неблагоприятными (принципы, на которых зиждились эти суждения, в большинстве случаев остаются малопонятными). Хетты, как и другие древние народы, всегда сообразовывались с предзнаменованиями, собираясь предпринять военный поход

или другое важное дело. Они прибегали к этому традиционному обычаю также и для того, чтобы выяснить причину божьего гнева. Благоприятное предзнаменование рассматривалось как эквивалент «да», а неблагоприятное — как «нет» (или наоборот, смотря по смыслу вопроса). По этому же принципу вопросы задавались и оракулу, и с помощью невероятно долгого процесса исключения можно было с точностью установить, какой же грех требовал искупления. Приведем пример такого расспроса:

Они написали мне (т. е. отправляющему службу жрецу) из дворца, (говоря): «Оракул объявил, что Иштар, находящаяся в своем храме в Ниневии, сердится». Мы обратились к жрецам, и они сказали: «Один из певцов украл золотой кубок, и он не был возвращен; золотая туника Амурру, которую носит бог, износилась; колесница сломана; обычно из дворца приносили в дар... но на этот раз дара не было; во время празднования ашрахиташши обычно дарили богу сикль серебра, красную шерсть, синюю шерсть и один... а теперь отпраздновали ашрахиташши и не подарили сикль серебра, красную шерсть, синюю шерсть и... праздник аиару обычно праздновали ежегодно, а теперь им пренебрегли» Эти ли грехи причина божьего гнева? Тогда пусть знамение будет неблагоприятным. (Далее следуют подробности исследования, изложенные профессиональным жаргоном. (Результат:) неблагоприятный.

Если в этом причина и более ни в чем, пусть знамение будет благоприятным. (Результат:) благоприятный

Если бы последнее знамение было неблагоприятным, расспрос продолжался бы как угодно долго, до получения благоприятного ответа.

В другой раз недовольным оказался бог Хурианци-па. Спросили жрецов, и они ответили: «...праздником пренебрегли; ситтар (солнечный диск?) не был украшен». Оракул объявил, что бог был этим недоволен, но дело не только в этом. «Раз этот ответ снова оказался неблагоприятным, то не сердится ли бог на то, что жертва богу была принесена слишком поздно? Если да, то пусть знамения будут неблагоприятными». (Результат:) неблагоприятные.

Если это — единственная причина, то пусть знамения будут благоприятными. (Результат:) неблагоприятные. Тогда мы снова обратились к служителям храма, и они сказали: «В храм зашла собака, и опрокинула стол, и сбросила жерственный хлеб. На это ли сердится бог?» (Результат:) неблагоприятный.

И так далее. Среди табличек хеттских архивов одни из самых многочисленных и больших по размеру (и притом хуже всего написанных) — это таблички с записями подобных обращений к оракулу. Они составляют любопытный памятник бесполезно растраченной изобретательности.

6. Магия

Магия так же древна, как сам род человеческий; она так же широко распространен, как и сами люди. Ее часто рассматривают в одном ряду с религией, но это вряд ли правомерно, ибо магия соответствует более примитивному уровню мышления. Древний человек, ущемленный отсутствием или недоступностью объекта, которым он хотел бы распоряжаться, инстинктивно воспроизводит, в виде некой мимикрии, желаемые действия над чем-то, что заменяло этот объект. Из этого опыта выросла вера в действенность «аналогических» методов, которые мы называем магией. Она зиждется на изоощренной символике, при которой в ритуальных действиях могут использоваться самые различные замещающие объекты: от «волоска из шкуры собаки, которая тебя укусила», до чего-нибудь, имеющего самую поверхностную общность с объектом, например случайного сходства названия. Отрицательные результаты всегда легко объяснялись вмешательством обратной магии. Поэтому было бы удивительно, если бы вера в магию не была у сельского населения Анатолии во II тыс. до н. э. такой же составной частью мышления, какой она была, как это нам хорошо известно, в Вавилоне и в Ассирии.

Действительно, описания магических действий составляют значительную часть сохранившейся хеттской литературы; по законам страны черная магия даже признавалась преступлением, входящим в ту же категорию, что и нападения и побои. Магией пользовались для изгнания болезни и для восстановления нарушенных функций. При

помощи магии боролись с самыми различными бедами и несчастьями — с раздорами в семье, злыми духами В доме, скудностью урожая на полях и в виноградниках, с мором в армии. Магия позволяла наслать проклятие на врагов, принести удачу друзьям, усилить клятву, прокляв ее потенциального нарушителя, привлечь к себе отсутствующих и забывчивых (включая богов). Было бы утомительно пытаться подробно перечислить все множество приемов, использовавшихся в этих действиях; все они основаны на принципе аналогии. Достаточно привести несколько примеров.

Вот выдержки из описания действий для восстановления нарушенных половых функций мужчины или женщины:

(Болящий) затыкает себе уши черной шерстью.... и надевает черную одежду... (Затем после совершения ряда действий старая женщина разрывает сверху донизу черную рубашку, которую он (или она) надела, и снимает с его (или ее) ног черные гетры (?) и вынимает из его (или ее) ушей черные шерстяные затычки и говорит: «Теперь я освобождаю его (или ее) от темноты и окоченения, причиненных нечистотой, той нечистотой, от которой он (или она) потемнели и окоченели; я удаляю грех». Затем она снимает черную одежду, надетую им (или ею), и складывает ее в одном месте.

После этого она бросает в реку черную рубашку, гетры и все остальное, с чем соприкасался больной. В других текстах все такие вещи зарывают в яму, вырытую в земле, и закрепляют их там колышками.

Я даю больному в руки зеркало и веретено, и он проходит «под воротами», и, когда он выходит из-под ворот, я отбираю у него зеркало и веретено, вручаю ему лук и говорю ему: «Гляди! Я отняла у тебя женственность и вернула тебе мужественность; ты отбросил женские повадки и [вернул себе] мужские повадки».

(Старая женщина) хватается за рог плодovитой коровы и говорит: «Бог Солнца, господин мой, как эта корова плодovита и находится в изобильном хлеву и наполняет хлев быками и коровами, так и эта болящая пусть будет плодovита, и пусть она наполнит свой дом сынами и дочерьми, внуками и правнуками, потомками в одном за другим поколениях».

Она поднимает над ним (или ней) фигурки из воска и бараньего жира и говорит: «Какие бы люди ни сделали этого человека нечистым, я теперь держу в руках две наделенные чудесной силой фигурки». Затем она раздавливает их и говорит: «Какие бы злые люди ни сделали его (или ее) нечистым, да будут они раздавлены точно так же».

Подобным же образом произносится проклятие над клятвopреступником:

Он дает им в руки воск и бараний жир, а затем бросает воск и жир в огонь и говорит: «Как этот воск тает, как этот жир топится, так и тот, кто нарушает клятву и совершает измену (?) против царя Хатти, пусть растает, как воск, и растопится, как бараний жир».

Следующий пример обряда «козла отпущения» взят из ритуального действия, предпринимаемого против мора в военном лагере:

Они приводят осла и гонят его в сторону вражеской страны и говорят так: «Ты, о Ярри, наслал зло на эту страну и на ее лагерь; но пусть этот осел заберет это зло и перенесет его в страну врага».

Из этих отрывков видно, что магия стремится слиться с религией; заклятие, первоначально действовавшее само по себе, усиливается молитвой, обращенной к богу; это мог быть бог Солнца, как бог очищения, или, в случае мора, бог Ярри, в чьем ведении были эпидемии.

Наоборот, магия могла привлекаться на помощь религии, когда опасались, что бога не было на месте и он мог не слышать молитвы. Это характерно для молений типа мугессар. Сначала бога умоляют вернуться домой и благословить свой народ; затем для него выкладывают «пути», помещая на них мед, масло и другие вкусные вещи, чтобы привлечь его. Для этого же курят ладаном. В некоторых случаях бога «протаскивают» по «пути», возможно в виде его изображения, хотя смысл этого места в тексте не совсем ясен. «Миф об исчезнувшем боге» составляет часть сходного ритуала; в целом эта история оглашается, по-видимому, для того, чтобы события, о которых идет речь, осуществились на самом деле, в частности чтобы бог возвратился. Затем сразу же описываются выкладывание «пути», и другие магические действия.

Противоположностью этой магии привлечения является отпугивающая магия: фигуры свирепых животных зарываются в основания домов (или помещаются еще куда-либо), чтобы отпугивать зло. Так, в ритуале изгнания духов из царского дворца они делают маленькую собачку из сала и помещают ее на пороге дома и говорят: «Ты маленькая собачка при столе царской четы. Так же как ты днем не пускаешь посторонних людей во двор, так не впускай и ночью злую силу».

В такой магии нет ничего таинственного и оккультного; это просто пережиток первобытного суеверия в более просвещенном веке. Формула каждого ритуала была выработана специальным человеком, иногда происходившим из отдаленной части империи, так что магическая литература хеттов имела скорее характер фольклора, чем систематического корпуса ритуалов. «Старые женщины» (фамильярный термин, несомненно заимствованный из деревенского языка) были носителями простейших магических формул; лишь в тех случаях, когда магический ритуал сочетался с религиозными элементами, в дело вступали жрецы, авгуры и провидцы (т. е. лица, обученные специальным дисциплинам). Мы не знаем, существовала ли какая-либо школа магов или жрецов-заклинателей, связанная с государственным культом и пользовавшаяся особым престижем; возможно, что коллекция текстов служила материалом для основания такой школы. Как бы то ни было, в действительности магии никто не сомневался, и хетты в этом отношении были детьми своего века.

7. Похоронные обряды

Среди табличек из Бозазкёя есть ряд фрагментов, принадлежавших серии, в которой содержалось описание ритуала похорон царя или царицы. Церемония длилась по крайней мере тринадцать дней, а может быть, и дольше, хотя действия, производившиеся над самим телом, вероятно, заканчивались в первые два дня. При раскопках 1936 г. был найден хорошо сохранившийся текст, описывающий второй день обряда. Из текста ясно следует, что в течение предшествующих дня и ночи совершалась кремация тела; действительно, фрагмент текста, относящегося к первому дню, упоминает об «огне» и «сжигании». Текст, описывающий второй день, начинается так:

На второй день, как только рассветает, женщины идут [к] уктури, *(В контексте напрашивается перевод «погребальный костер», но само слово означает «твердый, фиксированный, постоянный» с производным смыслом «остатки». Появление далее в тексте множественного числа, по-видимому, говорит против значения «погребальный костер».)* чтобы собрать кости; они гасят огонь десятью кувшинами пива, десятью [кувшинами вина] и десятью кувшинами валхи *(Напиток, часто упоминаемый в описаниях ритуалов.)*.

Серебряный кувшин весом в полмины двадцать сиклей наполняется очищенным маслом. Они берут кости серебряной лаппа *(Возможно, род ложки.)* и погружают их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем они вынимают кости из очищенного масла и кладут их на льняной гац-царнулли, под который подложена «красивая одежда».

Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «красивую одежду» и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку.

Вокруг уктури (мн. ч.), (на? у?) которых сжигается тело, помещают 12 хлебов, а на хлебы кладут пирог с жиром. Огонь уже потушен пивом и вином. Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами и сладкими хлебами для причащения. Повара и стольники ставят в первый подходящий момент блюда и убирают их в первый подходящий момент. И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой.

Затем они трижды дают им пить и ровно три раза дают пить его душе. Хлебов и музыкальных инструментов Иштар тут нет.

Затем следуют некоторые магические действия, выполняемые «старой женщиной» и ее «напарницей»; табличка в этом месте повреждена, и ее содержание остается неразборчивым и темным. Далее текст продолжается так:

Из дворца (тем временем) привели двух быков и две партии по девять баранов. Одного [быка и девять баранов] приносят в жертву богине Солнца (Земли), а одного быка и девять

баранов (они приносят) в жертву [душе] покойного. [Затем] они берут кости и (УНОСЯТ их] от уктури и приносят их в его «Каменный дом». Во внутреннем помещении «Каменного дома» они раскладывают постель и кладут на нее кости, взятые со стула; перед костями они ставят лампу... и?... в.. сиклей весом с очищенным маслом; затем приносят в жертву душе покойного быка и барана.

Остальное в этой табличке — фрагменты, а текст, касающийся следующих дней, утрачен. Описания восьмого, двенадцатого и тринадцатого дня, по-видимому, связаны с ритуалами и жертвами общего характера.

В 1911 г. д-р Винклер нашел во впадине скалы близ дороги, ведущей в Язылыккая, ряд больших горшков (пифосов), уложенных парами, горловина к горловине; внутри их находилось по несколько меньших сосудов, содержащих кремационную золу. Это, однако, единственные когда-либо найденные в местах хеттских поселений II тыс. остатки кремации (В 1952 г. д-р Биттель обнаружил, что хетты в течение ряда веков использовали в качестве места захоронения еще один скальный выступ по дороге в Язылыккая. В этом месте найдено семьдесят два захоронения, из них — пятьдесят кремаций; зола находилась в глиняных сосудах различных размеров и формы. Таким образом, кремация, оказывается, практиковалась хеттами с ранних дней их истории, и ничто не указывает, что кремированные покойники принадлежали к высшему классу общества. Не приходится более говорить, что кремация была признаком, позволяющим отделить властителей от подвластных. Кроме того, если и существует какая-то связь между хеттским ритуалом и гомеровскими поэмами, то она должна быть обязана скорее общности традиции, чем заимствованию (Примеч. автора во 2-м издании книги.)). С другой стороны, как в Алишаре, так и в Богазкёе были многочисленные захоронения, в которых тела уложены либо в паре пифосов, обращенных горловинами друг к другу, как при кремации, либо просто в земляной могиле. В Богазкёе земляные могилы обычно располагались в самих домах. Все эти погребения, да и сами кремации тоже, видимо, были погребениями простых людей, тогда как ритуалы, описанные в текстах, относились к похоронам царя или царицы. Здесь на первый взгляд мы сталкиваемся с различием культур правящей и подвластной частей народа, различием, установленным для последней фазы хеттской империи (ибо так датируется ритуальный текст). Однако это различие культур, по-видимому, не связано с социальным расслоением, которое, как мы видели, было очень сильно выражено в Древнем царстве. Действительно, цари Древнего царства не подвергались кремации, как это следует из заключительных фраз речи Хаттусили I (см. ниже): «Омой мое тело, как подобает; прижми меня к своей груди и у своей груди похорони меня в земле».

Все это становится еще более интересным, если сравнить вышеизложенные церемонии с описанием похорон Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера (XXIII. 233—262 и XXIV. 783 и до конца) (В английском оригинале этой книги цитируется подстрочный перевод с греческого на английский А.Т. Муррея (издание классических текстов Лэба). Мы цитируем стихотворный перевод Гнедича.— Примеч. пер.).

Похороны Патрокла

Той порой собирались многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих прервали сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
«Царь Агамемнон и вы, предводители воинств ахейских!
Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
Друг наш лежал на середине костра; но далёко другие
С краю горели набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиал золотой, двойным окруживши их туком,
Вы положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть;
Так, лишь пристойный курган, но широкий над ним и высокий

Вы сотворите, ахейне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».
Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кушу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлись они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красно опоясанных жен, и седое железо.

Похороны Гектора

Так говорил, — и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;
В день же десятый, лишь, свет разливая, денница возникла.
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.
Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собрались все (несчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и друзья,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим,
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собрались вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.
Как знаменитого Гектора Трои сыны погребали.

Хеттский и гомеровский ритуалы имеют следующие общие черты: 1) тело сжигается; 2) погребальный костер тушат, заливая его напитками; 3) кости окунают в масло или обкладывают жиром; 4) кости заворачивают в льняную ткань или в дорогие одежды; 5) их кладут в каменное помещение (это не относится к похоронам Патрскла); 6) совершают тризну.

С другой стороны, хеттский и гомеровский ритуалы различаются следующими чертами: 1) гомеровские воины кладут кости, обложенные туком, в золотую урну, не упоминаемую в хеттском ритуале; 2) в хеттском ритуале кости кладут на стул или скамеечку; 3) хеттский «Каменный дом», по-видимому, представляет собой готовое целое, тогда как гомеровские воины насыпают холм над могилой; 4) для хеттской церемонии характерны магические обряды, а для гомеровской — атлетические игры.

Может сложиться впечатление, что сходных черт, если сопоставить их с различиями, недостаточно, чтобы доказать заимствование или общую традицию. В самом деле, если уж тело сжигают, то с костями приходится что-то предпринимать, и это порождает серию операций типа описанных выше. Однако представляется не очень правдоподобным, что хеттская царская семья вдруг ввела практику кремации, не войдя до этого в контакт с

народом, имевшим обычай кремировать своих покойников; таким образом, стоит подумать о том, как это могло бы произойти.

Археологические данные с очевидностью свидетельствуют о том, что микенцы не кремировали своих покойников; кремация появляется в Греции лишь с окончанием микенской цивилизации. Приписывая эту практику ахейским героям, Гомер мог поэтому показаться повинным в анахоонизме. Однако Троя VI, которая могла быть Троей гомеровских войн и современницей хеттской империи, изобилует следами кремации, и вполне возможно, что ахейские герои переняли эту практику от троянцев как пристойный способ упокоить своих мертвых в чужой стране. Так ли это было или не так, но уже само существование кремации в Трое VI показывает, откуда этот похоронный обряд мог проникнуть к хеттам; это также подводит основание под гомеровский рассказ о ритуале кремации.

Глава VIII. Литература

1. Официальная литература

Типичный хеттский государственный документ начинается словами: «Так говорит царь NN. великий царь, царь Хатти, герой, сын MM, великого царя, царя Хатти, героя» (с вариациями в титулах, иногда опуская, иногда расширяя генеалогию). За этим могли следовать: либо царский указ, касающийся некой злободневной проблемы, либо анналы военных походов царя, либо договор, содержащий условия присяги на верность, продиктованные вассальному царю. Формально все это ветви единого дерева, корни которого могут быть прослежены до глубокой древности.

Самая ранняя из царских надписей — это надпись Анитты; подлинность ее обсуждалась выше. Однако по своей форме, как и по многому другому, эта надпись представляет собой аномалию. Повествование, которое занимает почти всю табличку, считается копией текста на стеле, установленной у ворот царского города. Надпись заканчивается проклятием любому будущему властителю или злодею, который попытается уничтожить или исказить текст надписи. Эта концовка роднит надпись с теми, которые были типичны для Вавилона и Ассирии; это обстоятельство говорит в пользу предположения о том, что исходный текст на стеле был составлен на аккадском языке. Надписи такого типа появились в Анатолии лишь после падения Хаттусы, и, таким образом, этот документ лежит вне русла основной хеттской традиции.

Имеется достаточно оснований полагать, что хеттская клинопись была введена во время царствования Хаттусили I, преимущественно для того, чтобы записывать дословно официальные высказывания царя, с которыми тот время от времени обращался к собранию своей знати. Так называемое «политическое завещание» Хаттусили представляет собой удивительный образец такого рода дословной передачи. Это запись высказывания царя по случаю усыновления им мальчика Мурсили в качестве наследника престола (см. выше). Царь говорит с народом свободно и естественно, не облачая свою речь ни в какую обдуманную литературную форму. Несколько отрывков иллюстрируют несконный и энергичный слог этой речи:

Великий царь Лабарна (*По-видимому, это собственное имя царя; он принял имя Хаттусили позднее, когда сделал столицей Хаттусу (см. выше).*) целому войску и сановникам (сказал): «Смотрите, я болен. Юнца объявил я вам Лабарной, (сказав): „Он пусть сядет на трон“. Я, царь, назвал его своим сыном, обнимал его, возвышал его, постоянно заботился о нем. Но он оказался недостойным юнцом: он не проливал слез, не выказывал сочувствия, он был холодным и бессердечным. Я, царь, повелел доставить его к моему ложу (и сказал): „Что ж! Пусть никто (впредь) не воспитывает сына своей сестры как своего приемного сына! Слово царя не дошло до его сердца, а слово его матери, змеи, дошло до его сердца"... Хватит! Он мне больше не сын! Тогда мать его заревела подобно корове: „Заживо разорвали чрево мое! Погубили мне сына, и ты убьешь его!“ Но разве я, царь, причинил ему какое-нибудь зло?.. Смотрите, я подарил моему сыну Лабарне дом; я подарил ему много [пахотной земли], я подарил ему много [овец]. Пусть он теперь ест и пьет. [Если он будет вести себя хорошо], может приходить в город; но если он будет выступать [как смутьян]... тогда пусть не приходит, а остается [дома].

Смотрите, теперь Мурсили мне сын... На место льва бог [поставит другого] льва. И в час, когда будет дан клич взяться за оружие, вы, мои слуги и знатные граждане, должны быть [под рукой, чтобы помочь моему сыну]. По прошествии трех лет он должен отправиться в поход... Если вы возьмете его с собой в поход, [пока он еще ребенок], позаботьтесь о том, чтобы [он] вернулся [невредимым].

До сих пор никто [из моей семьи] не исполнял моей воли; [но ты, сын мой] Мурсили, ты должен исполнить ее. Следуй слову [твоего отца]! Если ты последуешь слову твоего отца, ты будешь [есть хлеб] и пить воду. Когда ты достигнешь зрелости, ешь два или три раза в день и не отказывай себе ни в чем! [А когда] достигнешь старости, тогда напивайся досыта! И тогда ты можешь больше не следовать отцовскому слову.

[А] вы, мои главные слуги, вы (тоже) должны следовать моему царскому слову. Вы должны есть (только) хлеб и пить (только) воду. [Тогда] Хаттуса будет на высоте и в стране моей (будет) мир... Но если вы не последуете слову царя... вы не останетесь в живых — вы погибнете.

Мой дед объявил своего сына Лабарной (наследником престола) в Санахуитте, [но впоследствии] его слуги и знатные граждане презрели (?) его слова и посадили на трон Пападилмаха. А сколько лет прошло и [сколько из них] избежало своей судьбы? Дома знатных граждан, где они? Разве они не погибли?

А ты, (Мурсили), не должен ни медлить, ни расслабляться. Если ты будешь медлить, (это приведет) к тому же старому злу... Всегда следуй тому, мой сын, что было вложено в твое сердце».

В начальных словах этого текста мы уже находим прототип вводной формулы, использованной в более поздних надписях. Следует также обратить внимание на исторический пример (рассказ о заговоре Пападилмаха), иллюстрирующий предостережение против раздоров. Фрагменты других текстов той же эпохи показывают, что это был тогда излюбленный риторический прием; мы обладаем сравнительно хорошо сохранившимся документом, который целиком состоит из таких «наставительных притч», например:

Цити был чашником. Отец царя велел подать сосул-хархара с вином для госпожи Хестаиары и для Маратти. Он (т. е. Цити) поднес царю хорошего вина, а им дал другого вина Первый (т. е. Маратти?) подошел к царю и сказал: «Они дали нам другое вино» Когда царь увидел это, он (т. е. Цити?) подошел и сказал, что это так и было. Тогда его увели и «разобрались» с ним и он умер.

Санта, человек из Хурмы, был дворцовым слугой в Хассуве. Он служил у хурритов и пошел навестить своего господина (т. е. царя хурритов) Царь прослышал об этом и изувечил его.

Не использовался ли этот своеобразный документ Как справочник, из которого оратор мог почерпнуть подходящий для его цели сюжет? Как бы то ни было, существование таких записей показывает некий подход к истории, который стал характерной чертой всех последующих царских указов.

В последовательности надписей, которыми мы располагаем, имеется пробел, относящийся к периоду между царствованием Мурсили I (наследника Хаттусили) и Телепину. Когда мы знакомимся с указом Телепину, предписывающим правила поведения царской семьи и останавливающим закон престолонаследования, то видим перед собой уже почти полностью развитую форму. Подобно речи Хаттусили, этот текст, очевидно, оглашался перед собранием знати; однако, в отличие от более раннего документа, этот имеет упорядоченный характер и, несомненно, потребовал тщательной подготовки. Исторический пример превратился в длинную преамбулу (ее первые параграфы цитировались выше), которой описываются гибельные последствия раздоров в государстве; преамбула подводит к главной теме, содержание которой составляет вторую часть документа. Эта историческая преамбула стала в дальнейшем обязательной составной частью всех хеттских царских указов, включая так называемые договоры, в которых она служила напоминанием о прошлых милостях, оказанных вассалу, и, таким образом, пробуждала в нем чувства долга и благодарности. В конце концов в указах Мурсили II она была полностью отброшена, и мы впервые находим историю царствования как таковую,

изложенную в форме анналов (*Анналистика — один из наиболее ранних жанров хеттской литературы, о чем свидетельствуют древнехеттские «Анналы» Хаттусили I.* — Примеч. ред.). Однако и здесь изложение представляет собой не просто хронику событий; последняя пронизывается, как правило, религиозной темой: перечень царских успехов смиренно докладывается покровительствующему божеству в виде благодарения. Это можно проиллюстрировать абзацем из введения к анналам Мурсили:

Когда я, Солнце (*Обратите внимание на новый титул, сменивший «Я, царь» из прежней эпохи.*), взойшел на отцовский престол, то прежде, чем выступить против какой-либо из враждебных стран, объявивших мне войну, я посещал все праздники богини Солнца Аринны, госпожи моей, и праздновал их и, воздев руку, так говорил богине Солнца Аринны, госпоже моей: «Богиня Солнца Аринны, госпожа моя, враждебные страны, окружающие меня, зовут меня ребенком и не уважают меня и постоянно пытаются захватить твои земли, о богиня Солнца, госпожа моя, — обрушьюся на них, о богиня Солнца Аринны, госпожа моя, и порази эти враждебные страны ради меня» И богиня Солнца Аринны услышала мою молитву и пришла мне на помощь, и за десять лет с тех пор, как я сел на отцовский трон, я завоевал эти вражеские страны и разорил их.

Анналы этих первых десяти лет записаны на единственной, большой и исключительно хорошо сохранившейся табличке, в конце которой царь возвращается к своей теме в следующих словах:

А с тех пор, как я сел на отцовский трон, я правлю десять лет И эти вражеские страны я завоевал за десять лет своими руками, вражеские стоаны, завоеванные царевичами и сановниками, сюда не включаются. Каких бы благ ни удостоила меня богиня Солнца Аринны в дальнейшем, я запишу все л повергну к ее стопам.

Как видно, этот документ может быть назван «личными анналами» Мурсили II. Существовали также полные анналы всего царствования, занимавшие множество табличек, но многие из них ныне утрачены. Некоторые отрывки, иллюстрирующие стиль этих анналов, приводились выше, в главе о войнах.

Царь Мурсили имел особую склонность к анналам. Он регистрирует события не только своего царствования, но и царствования своего отца Суппилиумы в форме анналов. О его наследнике Муваталли таких записей не существует; маленький фрагмент, из которого следует, что примеру Мурсили следовал его второй сын, Хаттусили III, — это все, что осталось. Анналы Тудхалии IV также сильно повреждены.

Мы, однако, располагаем хорошо сохранившимся текстом, касающимся царствования Хаттусили III; здесь традиционная форма используется для особой цели. Саттусили свергнул своего племянника Урхи-Тешуба и тем нарушил тот старый закон Телепину, который так корошо поддерживал стабильность царства. Для того чтобы оправдаться в этих насильственных действиях, он составил тщательно продуманный документ, который принято называть его «Автобиографией». Она начинается так:

Так говорит Табарна Хаттусили, великий царь, царь страны Хатри, сын Мурсили, великого царя Хатти, внук Суппилиумы, великого царя, царя Хатти, потомок Хаттусили, царя Куссара.

Я говорю о божественном чуде Иштар, пусть все люди слышат то и пусть впредь среди богов Моего Солнца, сына моего, внука моего и потомства Моего Солнца воздается почтение богине Иштар.

Это — традиционная тема. Однако здесь повествование не касается в первую очередь военных побед, одержанных во имя господне. Царь рассказывает о своем детстве (когда он страдал от плохого здоровья) и описывает, как он был посвящен богине Иштар, как он был окружен завистливыми врагами и как Иштар всегда наделяла его способностью одолевать их. Она продолжала помогать ему, когда он был правителем северных провинций; затем Урхи-Тешуб наследовал трон и, из зависти к его успехам, присоединился к его противникам.

Но из почтения к моему брату (пишет царь) я преданно воздерживался от своеволия и семь лет подчинялся. Но затем этот человек задумал погубить меня... и он забрал у меня Хакписсу и Нерик, и тогда я перестал подчиняться и восстал против него. Но хотя я и восстал против него, я сделал это не греховным путем, не напал на него в колеснице и не

напал на него в доме, а (открыто) объявил юлу войну, (сказав): «Ты хотел затеять ссору со мной — ты Великий Царь, а я, тот, кому ты оставил только одну крепость, я именно этой крепости царь. Так в бой! Пусть Иштар Самухи и бог грозы Нерика рассудят нас». А если бы кто-нибудь сказал мне, тогда я так написал Урхи-Тешубу, «почему ты раньше возвел его на трон, а теперь объявляешь ему войну?», то (я бы ответил): «Если бы он никогда не ссорился со мной, то разве (боги) допустили бы, чтобы он, Великий Царь, проиграл малому царю? Но раз уж теперь он решил затеять со мной ссору, боги своим приговором унизили его передо мной... И так как госпожа моя Иштар в свое время обещала мне трон, то теперь она явилась моей жене во сне (и сказала) «Я помогу твоему мужу, и вся Хаттуса перейдет на сторону твоего мужа».. И тогда Иштар оказала мне великие милости Она покинула Урхи-Тешуба, и не где-нибудь, а в (ее собственном) городе Самухе она заперла его, как свинью в хлеву... И вся Хаттуса перешла на мою сторону.

Хаттусили рассказывает здесь, как он обошелся с Урхи-Тешубом и с другими своими врагами, не мстя им, а лишь изгнав их, и вкратце подытоживает свои триумфальные успехи под руководством Иштар. Далее следуют два абзаца, в которых речь идет о посвящении некоторых зданий богине Иштар, о царевиче Тудхалии, как о ее жреце, и в заключение царь обращается к начальной теме со словами: «Кто бы ни наследовал в будущем, сын ли, внук ли или потомок Хаттусили и Пудухепы, пусть среди богов почитает Иштар города Самухи».

Самое существенное в этом документе — то, что касается Урхи-Тешуба. Это образец продуманного рассуждения, восходящего к почти юридической аргументации; такой тип рассуждения нередко встречается в хеттской литературе и почти не имеет параллелей у других народов ранней древности. Если подобные рассуждения кажутся явно неубедительными, то лишь потому, что мы уже давно перестали верить, что война есть «суд божий», на котором правое дело должно взять верх; но, как мы уже убедились, такая точка зрения для хеттов была аксиомой, и рассуждения Хаттусили были для них убедительными. То, что цитированный документ свидетельствует о высокоразвитой политической мысли, мы уже отмечали выше.

Объем книги не позволяет привести подробное описание всех менее значительных типов государственных документов, содержащихся в хеттском архиве. Мы располагаем жалованными грамотами, в которых некоторые лица или учреждения объявляются свободными от налога или других поборов; дарственными, по которым крупные имения передаются царским указом новым владельцам; рескриптами, улаживающими споры о границах или обвиняющими восставших вассалов в измене; следственными записями; и наконец, предписаниями для различных должностных лиц и знати.

Из вышесказанного можно видеть, что хетты создали свои собственные литературные формы и стиль, служившие административным и государственным целям; эти формы и стиль резко отличаются от тех, которые были приняты у современных им народов. Правда, ан-налистика давно известна ученым-ориенталистам по текстам ассирийских царей, но эти произведения относятся к векам, последовавшим за падением хеттской 'империи, и в этом смысле ассирийцы были наследниками хеттов.

2. Миф, легенда и повесть

Число текстов, относящихся к этим категориям, невелико, и они с точки зрения формы не обладают особыми художественными достоинствами. Рассказ ведется простейшей и довольно убогой прозой; попытки использовать стих или размер отсутствуют (*Песнь Улликумми* (см ниже), *имеющая рудиментарную ритмическую структуру, представляется исключением*). Впрочем, некоторые детали вносят живые штрихи, а сами рассказы, несмотря на примитивность, представляют значительный интерес. Имеется несколько мифов, относящихся к хеттским божествам; однако более сложные сочинения этого рода принадлежат, строго говоря, не хеттской, а хурритской религии. Имеются легенды, основанные на ранней истории хеттского царства, а также хеттские варианты вавилонских легенд и эпоса. Разнообразные короткие рассказы имеют, видимо, опять-таки хурритское происхождение. Наличие всех этих чуждых мифов, легенд и рассказов в хеттских архивах следует объяснять тем, что в период между Древним и Новым царствами

хурриты доминировали в политическом и культурном плане; даже вавилонские легенды проникли в архивы, по-видимому, через хурритов, которые были пропитаны вавилонскими традициями.

Легенда

Из чисто хеттских легенд более или менее удовлетворительно сохранилась только одна: история осады Уршу. Текст изложен на аккадском языке, но, несомненно, восходит к хеттской традиции. Действие разворачивается вне города Уршу (где-то в Северной Сирии); город осажден хеттским войском, которым руководит царь из города Лухуцантии. Уршу вступает в контакт, а может, и пребывает в союзе с хурритским государством, с городом Алеппо и городом Заруаром, а может быть, также и с городом Каркемишем, войска которого засели в горах над городом и несут стражу. После нескольких малоразборчивых абзацев мы читаем:

Они сломали таран. Царь разгневался, и лицо его стало ужасно: «Они постоянно приносят мне дурные вести; пусть бог Грозы унесет вас в потоке. (Царь продолжает:) «Пошевеливайтесь! Изготовьте таран на хурритский лад и доставьте его на место. Сделайте "гору", и пусть ее (тоже) поставят на место. Сделайте таран из (дерева), взятого с гор Хассу, и доставьте его на место. Начинайте наваливать земляную кучу. Когда кончите, пусть каждый заступит на свой пост. Пусть только враг даст бой — и его замыслы расстроятся. (Далее он говорит своему полководцу Сайте, вероятно тому самому злосчастному полководцу, с которым мы уже встречались в качестве субъекта «назидательной притчи»): «Кто бы мог подумать, что Ирия придет и солжет, говоря: "Мы принесем осадную башню и таран", но они не приносят ни башни, ни тарана, а он принес их в другое место. Схватите его и скажите ему: "Ты обманываешь нас, а значит, мы обманываем царя"».

Лакуна не позволяет нам узнать, что случилось дальше. Когда Сайта снова докладывает царю, тот снова в бешенстве от продолжающихся промедлений.

«Почему вы не дали боя? Вы словно стоите на колесницах из воды, вы сами словно превратились в воду (?)... Вы должны стать перед ним на колени! Вы должны были бы убить его или хотя напугать. А как ты повел себя, как женщина»... Тогда они ответили ему: «Восемь раз (т. е. на восьми фронтах?) мы дадим бой. Мы расстроим замыслы и разрушим город». Царь ответил: «Хорошо!»

Но пока они ничего не делали с городом, многим из царских слуг досталось, так что многие умерли. Царь рассердился и сказал: «Следите за дорогами. Наблюдайте, кто войдет в город и кто выйдет из города. Никто не должен уйти из города к врагу»... Они ответили: «Мы следим. Восемьдесят колесниц и восемь пеших отрядов стоят вокруг города. Пусть сердце царя не смущается. Я стою на своем посту». Однако из города явился беглец и донес: «Подданный царя Алеппо приходил пять раз, подданный Цуппы пребывает в самом городе, люди Заруара входят и выходят из города, подданный моего господина, Сына Тешуба, ходит туда и назад»... Царь разгневался...

Остальная часть текста утрачена. Видно, что рассказ состоит из ряда инцидентов, вызвавших гнев царя, возмущенного бездарностью своих служак; поэтому рассказ представляется в какой-то степени сродным с приведенным выше текстом, состоящим из назидательных притч. Сходным документом является сильно поврежденный документ, излагающий легендарную историю города Цальпы и его связей с тремя поколениями хеттских царей.

Легенды вавилонского происхождения представлены в хеттской версии лишь во фрагментах, приводить же здесь полностью их вавилонские оригиналы было бы неуместным. Есть много фрагментов эпоса о Гильгаме-ше, имевшего не только хеттские, но также и хуррит-ские версии. Эпизод с Хувавой [Хумбабой], разыгрывающийся в Сирии и Ливане, занимает большую часть сохранившегося текста; вполне возможно, что этому эпизоду здесь уделялось больше внимания, чем в исходном вавилонском эпосе. Что касается других вавилонских легенд, то опять-таки представлены те, которые имеют отношение к Сирии и Анатолии, а именно повести о походах древних царей Аккада на страны, лежавшие у северо-западных границ. Существует фрагмент хеттского перевода повести о Саргоне, озаглавленной «Царь Битвы» (ее оригинальный аккадский текст был

найден в Телль-эль-Амарне) и описывающей, как этот знаменитый царь пришел на помощь купцам, обосновавшимся в Бурушхаттуме (см. выше); имеются также версии легенд о Нарам-Суэне, особенно о его войне против коалиции семнадцати царей. Небезынтересно отметить, что в последнем из упомянутых текстов имена некоторых царей и их царств не совпадают с теми, что в вавилонском оригинале; по-видимому, их приспособили к хеттским (или хурритским) условиям. В Богазкёе также было найдено значительное количество «научных» трудов вавилонского происхождения, в частности справочник по истолкованию различного рода знамений, гороскопы, модели печени и медицинские тексты.

Миф

Мифологические тексты, относящиеся к хеттским или хаттским божествам, составляют две группы, которые можно обозначить так: миф об убийстве Змея и миф об исчезнувшем боге. Трудно сказать, существовали ли иные мифы о хеттских или хаттских богах, ибо таблички расколоты на маленькие фрагменты, из которых нельзя составить никакого связного повествования. Имеется, однако, ряд слегка отличающихся вариантов вышеуказанных двух мифов.

Убийство Змея — типичный новогодний миф, такой же, какой мы встречаем в вавилонском эпосе о творении, в старинных английских художественных пантомимах и в аналогичных сказках и драмах, распространенных во многих частях света. Суть этого мифа — ритуальная схватка между божественным героем и его противником, олицетворяющим силы зла. Имеются два варианта. Оба начинаются, без обиняков, с сообщения, что бог Грозы (он и есть герой мифа) при первой встрече со Змеем Иллуянкой потерпел поражение. Тогда, согласно первой версии, бог Грозы воззвал ко всем богам, и богиня Инара задумала несложную хитрость. Она приготовила большой пир с бочонками всяческого питья. Затем она пригласила на помощь человека по имени Хупасия. Тот ответил: «Если ты позволишь мне поспать с тобой, я приду и сделаю, что ты захочешь». И она спала с ним. Затем она послала приглашение Змею, чтобы тот пришел из своей норы и разделил с ней еду и питье.

И пришел Змей Иллуянка со своими детьми; они ели, и пили, и опустошили все бочонки, и утолили свою жажду. Они не могли вернуться в свою нору. Тогда появился Хупасия и связал Змея путами. Затем бог Грозы пришел и убил Змея Иллуянку, и боги были на его стороне.

Далее следует странный эпизод, конец которого утрачен.

Инара построила дом на скале в Тарукке и дала этот дом Хупасии, чтобы тот жил в нем. И Инара наставляла его, говоря «Прощай! Я сейчас уйду. Не выглядывай из окна; ибо если ты выглянешь, то увидишь свою жену и детей». Но когда прошло двадцать дней, он распахнул окно и увидел свою жену и детей. И когда Инара вернулась из путешествия, он начал стенать, говоря: «Пусти меня домой!»

В этом месте табличка становится фрагментарной и неразборчивой, но мы можем быть уверены, что Хупасия был уничтожен в наказание за свое непослушание.

Согласно второй версии рассказа, Змей не только победил бога Грозы, но вдобавок искалечил его, забрав у него сердце и глаза. Для того чтобы вернуть их, бог Грозы сам задумал хитрость. Он родил сына от дочери бедного человека. Сын вырос и взял в жены дочь Змея, а бог Грозы наставил его, сказав: «Когда ты войдешь в дом своей жены, выпроси у них мое сердце и мои глаза». Так он и сделал, и украденные органы были вручены ему без возражений.

Тогда он принес их своему отцу, богу Грозы, и вернул сердце и глаза богу Грозы. Когда его тело приобрело таким образом прежний вид, он пошел к морю, чтобы сразиться, и, когда они вышли на бой с ним, ему удалось победить Змея Иллуянку.

Здесь снова следует любопытный эпизод. Сын бога Грозы оказался в это время в доме Змея. И он закричал своему отцу: «Бей меня тоже! Не жалея меня!» Тогда бог Грозы убил обоих, Змея и своего собственного сына.

Примитивный характер обеих этих версий очевиден. Рассказы эти должны быть отнесены к фольклору, и попыток возвысить их в литературном или религиозном направлении не было. Типичным фольклором, как отметил д-р Теодор Гэстер, являются мотивы глупости и жадности Змея, побежденного простыми уловками, так же как и тема

участия человека, действующего по поручению богов. При этом явно считалось необходимым, чтобы участник — человек попадал в беду после исполнения поручения. Наши две версии заканчиваются, как мы убедились, различными описаниями того, как это осуществилось. Первая версия, перевод которой вначале был ошибочным, теперь вполне ясна: заключение Хупасии в доме на непреступной скале и запрещение видеть жену и детей объясняются тем, что богиня поняла, что она бессильна удержать своего любовника, если тот увидит свою семью. Что касается второй версии, д-р Гэстер считает, что призыв сына к отцу «бить его тоже» объясняется убеждением сына, что он необдуманно нарушил законы гостеприимства, т. е. совершил смертельный грех, сделавший его жизнь невыносимой.

В тексте прямо говорится, что этот миф оглашался на празднике пурулли, который, как мы видели, был, вероятно, ежегодным весенним праздником. Поэтому имеются все основания для сопоставления этого мифа с другими, того же типа, оглашавшимися на сезонных праздниках. Читателя, интересующегося этими сравнениями, мы отсылаем к книге д-ра Гэстера «Thespis».

Барельеф из Малаты иллюстрирует либо этот, либо сходный миф; бог, сопровождаемый фигурой меньшего размера, выступает с поднятым копьём против свернувшегося кольцами Змея. Из тела змея, кажется, выскакивают языки пламени.

Миф об исчезнувшем боге описывает оцепенение, охватившее все живое на земле после исчезновения бога плодородия, далее — поиски бога и, наконец, исцеление земли после того, как бог найден и возвращен домой. В пределах этой общей схемы имеется ряд вариантов, значительно отличающихся друг от друга. Есть группа близко связанных текстов, в которых исчезнувший бог — Телепину, и поэтому миф получил название мифа Телепину. Недавно был найден новый вариант, в котором объектом поиска является сам бог Грозы; более того, фрагмент, известный как Йозгатская табличка, содержит миф, следующий той же общей схеме, но в нем исчезают несколько божеств, включая бога Солнца; по этим причинам было бы предпочтительней дать мифу более емкое название.

Рис. 7. Барельеф из Малаты

В главном варианте, относящемся к Телепину, богу растительности, начало текста утрачено; по-видимому, там описывалось обычное течение жизни, до бедствия. Затем по какой-то неуказанной причине бог разозлился и «надел правый сапог на левую ногу, а левый сапог на правую» (видимо, признак спешки). Далее идет описание последовавшего бедствия; точное значение некоторых слов еще не установлено:

Облака пыли (?) застлали окно, дым (?) заполнил дом, пепел в очаге был погашен (?), боги задыхались [в храме], овцы задыхались в овчарне, быки задыхались в хлеву, овца не подпускала своего ягненка, корова не подпускала своего теленка... Ячмень и полба перестали расти, коровы, овцы и женщины больше не зачинали, а те, что уже зачали, не могли родить.

Деревья увяли, а луга и родники высохли. Наступил голод, и боги и люди начали умирать.

Великий бог Солнца дал пир и позвал тысячу богов; они ели, но не насытились, они пили, но не утолили своей жажды. Тогда бог Грозы вспомнил своего сына Телепину (и сказал): «Нет Телгшшу в стране; он рассердился и ушел и взял все хорошие вещи с собой». Боги, великие и малые, отправились искать Телепину. Бог Солнца послал своего быстрого орла, сказав: «Ступай, обыщи высокие горы, обыщи глубокие долины, обыщи синие воды».

Орел улетел; но не нашел он его и, вернувшись, сказал богу Со.:нца: «Я не нашел его, Телепину, могучего бога».

Миф о боге Грозы, сохранившийся лишь во фрагментах, развивается строго параллельно этому отрывку, с той лишь разницей, что роль Телепину достается богу Грозы, а в мифе о Телепину роль бога Грозы отводится «отцу бога Грозы». Здесь, однако, варианты расходятся. Мы следуем более полному мифу:

Тогда бог Грозы сказал богине Ханнаханне: «Что же нам делать? Мы умрем с голоду».

В ответ богиня велела богу Грозы идти и самому искать Телепину. И он отправился на поиски.

Он постучался в ворота своего города, но ему их не открыли, и он (только) сломал рукоять своего молота. Тогда бог Грозы... отступился и сел (отдохнуть).

Хакнаханна тогда предложила послать на поиски пропавшего бога пчелу. Бог Грозы запротестовал:

«Боги великие и малые искали его и не нашли. Неужели теперь эта пчела будет искать к найдет его? Ее крылья малы, и сама она мала».

Но богиня отвергла эти возражения и послала пчелу, повелев ей, когда найдет Телепину, ужалить его в руки и ноги и заставить проснуться, а затем вымазать его воском и вернуть домой. Пчела отправилась и облетела горы, реки и источники и нашла Телепину: согласно тексту, он был найден спящим на лугу около города Лихцина (центр культа бога Грозы). Ужаленный пчелой, бог проснулся, но снова впал в ярость.

Тогда Телепину сказал: «Я в бешенстве! Почему, когда я сплю и в плохом настроении, ты заставляешь меня вести беседу?» (*Перевод заимствован из книги Т. Гэстера «Thespis».*)

Так что он не вернулся домой и продолжал губить людей, быков и овец. Здесь текст становится фрагментарным, но, по-видимому, бог в конце концов был возвращен домой на орле.

Тогда поспешно прибыл Телспину. Были гром и молния. Внизу темная земля была в смятении. Камрусепу увидела его. Крылья орла принесли его издалека Она смирила его гнев, она смирила его бешенство, она смирила его ярость, она смирила его неистовство.

Далее следует ряд магических заклинаний, которыми Камрусепу заговорила гнев Телепину. Наконец:

Телепину вернулся в свой храм Он позаботился о стране. Он отогнал тучу (пыли?) от окна, он выпустил дым из дома. Он привел в порядок алтари богов. Он освободил пепел из очага, он освободил овец из овчарни, он освободил быков из хлева. Мать стала ухаживать за своим дитятей, овца стала ухаживать за своим ягненком, корова стала ухаживать за своим теленком.

Телепину (позаботился) о царе и царице, он позаботился о том, чтобы даровать им жизнь и силу на будущее. (Да,) Телепину позаботился о царе.

Затем перед Телепину поставили вечнозеленое дерево. На дерево была повешена овечья шкура. В шкуру вложили баранье сало, в нее вложили зерно, скот (?), вино (?), в нее вложили быков и овец, в нее вложили многолетие и потомство, в нее вложили нежное бляение (?) овец, в нее вложили благоденствие (?) и изобилие (?), в нее вложили...

Здесь текст обрывается.

В мифе о боге Грозы место, содержащее диалог между отцом бога Грозы и его дедом, сохранилось; здесь дед, по-видимому, обвиняет отца в том, что последний согрешил, и грозит за это убить его. Отец бога Грозы ищет защиты у богинь Гуле (судьбы?) и Ханнаханна. Остальная часть повествования утрачена; во всяком случае, нет и следа эпизода с пчелой и неясно, каким образом бог Грозы был возвращен домой. Окончание, в котором речь идет о вечнозеленом дереве, сохранилось в виде, практически тождественном вышеприведенному.

Фрагмент, известный как Йозгатская табличка (ибо она первоначально досталась А. Г. Сейсу в Йозгате около Богазкёя в 1905 г.), приписывает бедствие, постигшее землю, Хаххима, что, вероятно, означает «оцепенение»; оно персонифицируется и играет активную роль в повествовании. «Хаххима парализовал всю землю, он обезводил ее, могуч Хаххима!» Этими словами в начале сохранившейся части текста бог Грозы подытоживает ситуацию. Он, по-видимому, обращается к своей сестре, которая воззвала к нему за

помощью, однако диалог остается темным. Затем он обращается к «своему брату Ветру» и говорит: «[Дохни на] воды в горах, сады и луга, и пусть твое целебное дыхание изойдет и заставит ею перестать парализовать их». Но ветер, видимо, ничею не достиг. Он лишь докладывает богу Грозы: «Этот Хаххима говорит своему отцу и своей матери: ешьте это, пейте (это)! Будьте безразличны к пастухам овец и коров!» И он парализовал всю землю.

Здесь повествование проясняется.

Бог Грозы послал за богом Солнца, (сказав): «Ступайте! Приведите бога Солнца». Они пошли искать бога Солнца, но не нашли его. Тогда бог Грозы сказал: «Хотя вы не нашли его поблизости (?), смотрите, мои конечности теплы, (значит), как же он мог погибнуть». Тогда он послал Вурункатте (Забабу), (сказав). «Ступай! Приведи бога Солнца!» Но Хаххима схватил Вурункатте. (Тогда он сказал): «Позовите Покровительствующего Духа» (*Имя этого бога, вероятно, Тувата; «Покровительствующий Дух» — это попытка передать цумерограмму, с помощью которой это имя было написано.*). Он оживит его (*Как это часто бывает в хеттских текстах, здесь неясно, к кому относится местоимение, — к Вурункатте или к богу Солнца.*), он дитя полей». Но его тоже схватил Хаххима (Тогда он сказал). «Ступай! Призови Телепину! Этот сын мой могуч, он боронит, пашет, орошает поля; и он выращивает урожай». Но и его тоже схватил Хаххима.

Тогда он сказал: «Призови Гуле и Ханнаханну».

Далее следуют довольно темные строки; похоже, что бог Грозы опасается, что если эти богини также будут схвачены, то Хаххима кончит тем, что заставит сдаться его самого. Поэтому он дает богиням в качестве сопровождающих братьев бога Хасаммили; этот бог, по-видимому, обладал способностью защищать путешественников или даже делать их невидимыми. Он произносит угрозу Хаххиме; но здесь текст прерывается.

Лакуна охватывает более половины таблички, и мы оказываемся в самом конце повествования. Следует колофон или заголовок, гласящий: «[Табличка] о призыве бога Солнца и Телепину; окончена». Однако текст продолжается и следует описание ритуала, имеющего ясную цель: зазвать этих двух богов назад в храм. Расставляются два стола: один — для бога Солнца, другой — для Телепину; выкладывается еда и напитки. Конец утрачен.

Надо признать, что эти рассказы представляют собой литературу невысокого пошиба. Особенно примитивна табличка из Иозгата. Главный интерес составляет их религиозный аспект. Описание бедственных последствий отсутствия бога, поисков его по горам и по долам и восстановления земли после его возвращения имеет тесные параллели в мифологической литературе, связанной с Адонисом, Аттисом, Осирисом и Таммузом: это такие же характерные элементы мифов ежегодных весенних праздников, как и ритуальная битва в мифе об убийстве Змея. Однако ни один из этих текстов не приурочен в явном виде к сезонному празднику. Это — «взывания» (мугавар или мугессар), и они принадлежат к тому же типу религиозных действий, примеры которых многочисленны в хеттских архивах. Считается, что бог удалился куда-то и его убеждают с помощью сочетания молитвы и ритуала вернуться назад; разница лишь в том, что здесь включается миф, описывающий те события в мире богов, которые желательно было бы видеть осуществленными. В мифе о Телепину в само повествование включаются даже ритуальные действия; при этом исполнитель изображает богиню Кам-русепу. Ссылка на царя и царицу в мифе о Телепину могла бы навести на мысль о том, что миф «рассказывали» при обстоятельствах, имевших по крайней мере значение для всего коллектива; однако это опровергается тем фактом, что в одной из редакций мифа царь заменен неким человеком по имени Пирва; по-видимому, именно дом этого Пирвы был поражен бедствием, а затем избавлен от последнего. Факты как будто показывают, что, каково бы ни было происхождение этих мифов, они использовались жрецами по мере надобности, например когда какое-нибудь лицо хотело вновь снискать милость богов. Предположение о том, что они возникли как некое «либретто» для весеннего праздника, остается возможным, но прямые доказательства этого пока отсутствуют.

Эпизод о посланной пчеле имеет значительный интерес. Представления о том, что мед является очистительным средством, способным изгнать злых духов, и о том, что укус пчелы или муравья может излечить от паралича конечностей, широко распространен в

фольклоре; примечательный параллелизм мы находим в финской «Калевале», где герой Лемминкяйнен, убитый врагами, воскрешается чудесным медом, принесенным пчелой с девятого неба по настоянию матери героя. В мифе о Телепину, вероятно, знаменательно, что пчела послана богиней Ханнаханной, имя которой представляет собой удвоение слова, означающего «бабушка», и обычно заменяется идеограммой, выражающей понятие «великая»; если пчела была специально посвящена этой богине, то отзвук этого поверья, скорее всего, можно усмотреть в том, что, согласно Лактанцию, жрицы Кибелы, «Великой Матери», звались мелиссаи, т. е. пчелы.

Наиболее интересные литературные сочинения, в частности цикл мифов, связанных с богом Кумарби, имеют хурритское происхождение. В хурритской мифологии Кумарби был отцом богов и приравнивается шумеро-вавилонскому богу Энлилю. Есть два основных текста, в которых Кумарби играет главную роль: миф о борьбе за царство между богами и пространный эпос на трех табличках, озаглавленный «Песнь об Улликумми».

Миф о царствовании на небесах заключается в следующем: когда-то Алалу был небесным царем. Алалу восседал на троне, и «могущественный Ану, первый среди богов, стал перед ним, поклонился ему в ноги и Подал ему чашу с питьем»

Алалу царствовал на небесах девять лет. На девятом году Ану пошел войной на Алалу и победил его, и Алалу убежал от него на землю (в подземный мир?). Затем Ану сел на трон, а «могущественный Кумарби прислуживал ему и кланялся ему в ноги».

Ану тоже царствовал на небесах девять лет, а на девятом году Кумарби пошел войной на Ану. Последний покинул битву и взлетел как птица в небо, но Кумарби схватил его за ноги и стащил вниз. Кумарби откусил у Ану член (эвфемистически названный «коленом») и смеялся от радости. Но Ану обратился к нему и сказал: «Не радуйся тому, что ты проглотил! Я сделал тебя беременным тремя могущественными богами. Во-первых, я сделал тебя беременным могущественным богом Грозы (?), во-вторых, я сделал тебя беременным рекой Аранцах (река Тигр) и, в-третьих, я сделал тебя беременным великим богом Тасмису (любимец бога Грозы). Трех ужасных богов, плодов моего тела, я посеял в тебе!» С этими словами Ану взлетел на небо и исчез из виду. Но Кумарби, «мудрый царь», выплюнул то, что было у него во рту, и земля, оплодотворенная в свою очередь, по-видимому, породила этих трех «ужасных богов». К несчастью, с этого места и дальше табличка сильно повреждена, и остаток текста поэтому по большей части невозстановим.

Издатель этого текста, д-р Г. Гютербок уже указывал на его разительное сходство с «Теогонией» греческого поэта Гесиода. Там Земля (Гея) рождает Небо, (Урана); затем Уран и Гея вместе становятся родителями Крона и титанов. Уран ненавидит своих детей и пытается воспрепятствовать их рождению, но Крон, подстрекаемый Геей, оскотпляет своего отца серпом, и из вытекшей крови возникают эринии (фурии), гиганты и мелийские нимфы; Афродита же рождается из пены, возникающей от падения отсеченного члена в море. Крон и его жена Рея затем порождают олимпийских богов, главный из которых — Зевс. Крон проглатывает всех своих детей; лишь Зевсу удается спастись: вместо него Крон проглатывает подменяющий Зевса камень. Зевс, возмужав, заставляет Крона выплюнуть проглоченных богов; камень, который выходит первым, устанавливается в качестве объекта культа в Пифо (Дельфы). Поэма кончается битвой богов и титанов, в которой окончательную победу одерживают олимпийские боги.

Гесиодовской последовательности Уран — Крон — Зевс отвечает хеттская последовательность Ану (по-шумерски ан — небо) — Кумарби, отец богов, — бог Грозы; впрочем, Алалу в хеттской версии представляет еще более древнее поколение, неизвестное Гесиоду. Оскотпление бога Неба происходит в обоих мифах, хотя мотив глотания и выплевывания связывается, по-видимому, с различными инцидентами. В поврежденной части таблички имеется что-то о Кумарби, который ест, и о камне; возможно, это соответствует пифийско-му «омфалосу» из гесиодовской версии; и вероятно, что хеттский миф кончается победой бога Грозы. Этих моментов сходства достаточно, чтобы говорить о высокой вероятности того, что обе версии восходят к одному и тому же хурритскому мифу.

«Песнь об Улликумми» сохранилась лишь в виде фрагментов, каждый из которых является не более чем коротким отрывком из последовательного повествования; даже порядок, в котором должны располагаться эти отрывки, не вполне ясен. Это рассказ о

заговоре Кумарби против своего сына Тешуба, который отнял у отца место царя богов. Кумарби замыслил создать могучего противника, который победил бы для него бога Грозы и разрушил бы его город Куммию. Он включил в свой план поддержку Моря и, согласно одной версии этого мифа (или, может быть, другого мифа), взял в жены дочь Моря; однако главная версия называет его супругой «великий горный пик». В должный срок у него родился сын, названный Улликумми, что может означать «разрушитель Куммии», или что-либо в этом роде. Тело этого ребенка (очевидно, истинного дитя своей матери) было из диоритового камня. Кумарби призвал божества Ирсирры, и они отнесли ребенка на землю и посадили его на плечи Упеллури (некто вроде Атланта), где он и рос не по дням, а по часам посередине моря. Когда он вырос таким большим, что море стало доходить ему только до поясицы, бог Солнца углядел его и пришел в гнев и отчаяние. Он не мешкая сообщил об увиденном Тешубу, и последний вместе со своей сестрой Иштар вскарабкался на вершину горы Хацци (гора Касиус неподалеку от Ан-тиохии), откуда они могли видеть чудовищного Улликумми, торчащего из моря. Тешуб горько заплакал, а Иштар старалась утешить его. Затем Тешуб, видимо, решил биться. Он приказал своему помощнику Тасмису привести быков Серису и Телла, украсить их и вызвать гром и дождь. Грянул бой; но боги были бессильны против Улликумми, который пробился к самым воротам Куммии, города бога Грозы, и заставил его отречься. Когда дурные новости дошли до его царицы Хепат, которая стояла, наблюдая, на башне, она едва не упала с башни от ужаса. «Если бы она сделала хоть один шаг, она бы свалилась с крыши, но ее женщины удержали ее и не дали ей упасть». Тешуб, следуя совету Тасмису, отправился просить помощи у премудрого Эа в его «город» Абзу (неправильно понятое шумерское «абзу» или «Нижнее море», которое, собственно, и было обиталищем Эа). Эа созвал богов на совет и призвал Кумарби к ответу, но последний хвастливо раскрыл свой заговор, и совет, видимо растерявшись, распался. Эа отправился к Энлилю рассказать ему о случившемся, а затем нанес визит старому Упеллури, на чьих плечах вырос Улликумми. Но Упеллури, оказывается, даже ничего не заметил, ибо он обратился к Эа со следующими словами:

Когда на меня взгромоздили небо и землю (*Рис. 8 изображает митаннийскую концепцию фигуры Атланта, поддерживающего крылатый диск, олицетворяющий небо.*), я ничего об этом не знал, и, когда они пришли и отделили небо от земли медным резак, этого я тоже не заметил. Теперь что-то причиняет боль моему правому плечу, но я не знаю, кто этот бог». Когда Эа услышал это, он зашел за правое плечо Упеллури, и там стоял Диоритовый Камень на правом плече Упеллури, как столб (?).

Однако слова Упеллури, по-видимому, навели Эа на мысль. Он приказал открыть древние склады и достать оттуда тот древний резак, с помощью которого небо было отделено от земли. Пользуясь этим мощным орудием, он отделил Диоритовый Камень от его подножия и тем лишил его силы. Затем он объявил о своем поступке богам и побудил их возобновить битву с чудовищем, которое теперь было бессильно против них. Конец истории потерян, но можно быть уверенным, что она заканчивалась восстановлением Тешуба и поражением Кумарби и его сына-чудовища.

Рис. 8. Оттиск митаннийской (?) печати

Этому сказанию также можно найти параллель (хотя и со значительными различиями в подробностях) в греческой мифологии, а именно в мифе о Тифоне — чудовище, чья голова достигала неба, объявившем войну Зевсу от имени своей матери Геи. Этот рассказ примыкает к гесиодовской «Теогонии» как продолжение войны богов с титанами; его же можно найти у Аполло-дора и Нонния Грекам такие мифы были, впрочем, столь же чужды,

как и хеттам; они, несомненно, дошли до них прямым из их восточного источника, морским путем, либо из порта Посидейона в Северной Сирии, через который, как мы теперь знаем (благодаря раскопкам Л. Вулли), шла многовековая торговля между Грецией и глубинными районами Азии, либо через финикийцев, у которых были подобные же мифы.

Мы здесь имели дело лишь с наиболее сохранившимися текстами этого типа. Множество иных, схожих сочинений представлено небольшими и едва понятными фрагментами: миф о змее Хедамму, который любил богиню Иштар; эпос о Гурпаранцах, в котором важную роль играет река Аранцах (название Тигра по-хурритски); сказание об Аппу и его двух сыновьях, которых звали Благой и Злой. Все эти истории несут на себе ясные признаки их хурритского происхождения, хотя возможно, что многие мотивы, встречающиеся в них, восходят к мифологии шумеров. Существует также несколько фрагментов ханаанских мифов, таких, как миф о богине Ашерт и ее муже Элькунирсе.

Глава IX. Искусство

В этой книге речь шла до сих пор в основном о хеттском царстве и об империи Хаттусы. Мы смогли представить довольно полную картину этого царства и его цивилизации, основываясь на обильной информации, почерпнутой из глиняных табличек, составлявших царский архив. Когда же мы обращаемся к произведениям искусства и предметам материальной культуры, созданным хеттской цивилизацией, то политический фон приобретает меньшее значение, а временные и пространственные пределы изменяются. Период Древнего царства мало что дает нам, кроме гончарных сосудов. Скульптура начинается вместе с империей, но не оканчивается с ее падением. Напротив, царствонаследники отличаются изобилием наскальных изображений, статуй и рельефов, неотделимых от скульптуры царства Хаттусы, даже если в них проступают все явственнее месопотамские черты (особенно в сирийских царствах).

Пожалуй, чтобы подчеркнуть контраст, следует начать с того, что нам известно о дохеттском искусстве в центральной Анатолии. В Аладжа-Хююке турецкие археологи откопали ряд могил, датируемых начиная с III тыс. и хранивших замечательное собрание предметов. Среди них были серебряные и бронзовые фигурки животных, золотые кувшины и кубки, золотые украшения и ряд «штандартов» (неизвестного назначения), форма которых, как полагают, берет свое начало от солнечного диска; на некоторых из них изображены маленькие фигурки оленей. Олень, как мы уже видели, был священным животным того бога, которому поклонялись в хеттские времена по всей Анатолии. Однако в целом эти изящно выделанные предметы не находят никаких параллелей в более поздних периодах (хотя, разумеется, это может быть связано с элементом случайности, неизбежным при раскопках).

Столь же уникальны примитивные каменные идолы из Кюльтепе ([см. фото 10б в галерее](#)); тела их выполнены в форме диска, покрытого геометрическим рисунком; сверху диск переходит в голову на длинной шее. В некоторых случаях имеются две или даже три головы, а в более примитивных образцах голова сводится всего лишь к паре глаз; это может навести на мысль о связи с «глазастыми идолами», большое количество которых найдено проф. Мэллоуэном в Телль-Браке в Северной Месопотамии. Тип лица, изображенного на наиболее искусно выполненных образцах, совершенно не похож на что-либо относящееся к хеттскому периоду.

Посуда, характерная для этого древнего периода, — это полихромные изделия красивой ручной работы, ранее известные как каппадокийские. Сосуды украшены геометрическим рисунком, сделанным черной, красной и белой красками; иногда вводились стилизованные изображения птиц. Формы сосудов весьма разнообразны; носик сосуда любили делать срезанным. Ритоны в форме животных, один из которых показан на фото 18б, и модель сапожка на фото 21 являют примеры образцовых изделий гончарного искусства. Геометрический рисунок тесно связывает этот тип посуды с дисковыми идолами, описанными в предыдущем абзаце.

Одновременно с посудой этого типа в ходу были изделия, изготовленные на гончарном круге, глянцевые, политые, как правило, красной глазурью. Они отличались чрезвычайно

изящной формой и пропорциями и наводили на мысль о металлических прототипах (см. фото 21 в галерее). Постепенно раскрашенные изделия уступили им место. Впрочем, ко времени хеттской империи металл, по-видимому, в значительной степени вытеснил керамику, которая в этот период была представлена простыми, предназначенными для домашнего обихода изделиями, лишенными художественных достоинств.

Самой высокоразвитой формой искусства в начале II тыс. в Анатолии была глиптика, представленная отпечатками цилиндрических печатей на табличках ассирийских торговых колоний. Цилиндрическая печать — это небольшой каменный цилиндр, просверленный по оси для нанизывания; на боковой поверхности выгравирован рисунок, дающий отпечаток при прокатывании цилиндра. Это было месопотамское изобретение, и хотя рисунки были по стилю провинциальными и содержали специфические анатолийские мотивы, такие печати надо рассматривать как чужеземное нововведение. После исчезновения ассирийски с колонистов эти печати и их оттиски стали чрезвычайно редки. Важно, однако, отметить, что плоские печати и их оттиски, очень похожие на те, которые были в ходу в более позднее время (см. ниже), также время от времени встречаются на табличках, происходящих из ассирийских колоний, и, таким образом, имеют в Анатолии очень продолжительную историю.

Что касается человеческих изображений в этот период, то здесь мы можем основываться лишь на нескольких спорадических находках, ставящих перед нами пока еще не разрешенные проблемы. Бронзовая статуэтка (фото 10а) была найдена в Богазкёе местными жителями много лет назад и поэтому не может быть точно датирована, хотя ее обычно относят примерно к 2000 г. до н. э. Однако этот бородатый человек в шерстяной накидке удивительно не похож на голову дискообразного идола, изображенного на фото 10б. Но статуэтки такого типа были найдены в Сирии и поэтому могли быть ввезены оттуда (См.: *Schaeffer F.A. Ugaritica I, c. 136-137.*). Свинцовая фигурка из Кюльтепе (фото 9в), изображающая мужчину с бородой (похоже, подвязной), одетого в короткую юбочку с боками, относится, вероятно, к более позднему времени; эта фигурка была найдена в слое, соответствующем Древнему царству, и представляет собой, возможно, самое раннее изображение человека, которое можно считать подлинно хеттским.

С началом Нового царства все меняется. Появляются монументальные каменные барельефы, часто в сопровождении иероглифических надписей; они вырезаны либо на массивных каменных блоках, составлявших нижний пояс фронтальных стен хеттских дворцов и храмов, либо, что характерно, на отдельных лицевых гранях скал в далеко отстоящих друг от друга частях страны. Все это, несомненно, подтверждение того, что хеттская власть имела централизованный характер и что все было исполнено по прямому требованию царя. Многие изваяния изображают самого царя, обычно в облике жреца, совершающего богослужение. Такая фигура царя в одеянии и накидке (см. выше), держащего литuus, становится отличительным признаком хеттской скульптуры периода империи; однако точная датировка скульптур внутри этого периода оказалась по большей части невозможной. Самое интересное из изображений царя находится в маленькой галерее в Язылык (фото 13); здесь царь предстает в объятиях бога. В то же время это самое красивое и наименее выветрившееся из наскальных изваяний; более того, поскольку имя царя, Тудхалия, дано иероглифами, скульптура может быть точно отнесена к позднему периоду хеттской империи. В самом деле, такую совершенную скульптуру невозможно соотнести ни с одним более ранним царем, носившим то же имя.

В сценах поклонения божество иногда изображается в виде фигуры человека в полный рост, либо стоящей, либо сидящей, а иногда он или она заменяется животным (рис. 6) или символом (фото 15). Выдающийся памятник хеттской религии — это, конечно, уже описанная галерея в Язылык. Здесь каждое божество официального пантеона изображено согласно своему типу и может быть опознано по оружию, которое оно несет, по знаку, который вырезан над его простертой рукой, и по животному, на котором оно стоит. Боги одеты в короткую подпоясанную тунику (а иногда также и в плащ), обуты в башмаки с загнутыми вверх носками или мокасины; на голове — шапка в виде удлиненного конуса. Богини одеты в длинные, складчатые юбки, сверху — свободная накидка, драпирующая руки, на ногах — башмаки с загнутыми вверх носками, на голове

— нечто вроде «стенной короны» (*Корона, которой в Риме награждали солдата, поднявшегося первым на стену осажденного города.— Примеч. пер.*); вуали нет. Божества обоего пола носят серьги и браслеты. Этот костюм, несомненно, представляет собой наиболее торжественный наряд того времени, хотя головные уборы имеют религиозное значение.

О том, что обозначают две сходящиеся процессии в Язылыккая, высказывалось множество теорий. Тексье, первый, кто сообщил о существовании святилища, истолковал эту сцену как встречу амазонок с пафлагон--цами; Гамильтон видел в этих двух группах мидян и лидийцев; Киперт — скифов и киммерийцев. На возможность религиозной интерпретации впервые указал Рамсей, полагавший, что здесь речь идет о Ваале и Аштарте. Наиболее полный обзор и обсуждение вопроса, базирующееся на знании хеттской истории, принадлежит Гэрстэнгу (*The Hittite Empire, с.111 и сл.*), который считает, что сцена изображает священный брак; это либо ежегодный ритуал того типа, который нам знаком по другим восточным религиям, либо событие, уникальное в мире божеств, а именно союз бога Грозы Хатти с Хепат из Кицуватны (Кумманни) — и он и она со своей свитой — по случаю брака Хаттусили III со жрицей Пудухепой. Эта идея очень соблазнительна; беда лишь в том, что в текстах нет ни намека на то, что такая церемония когда-либо совершалась или хотя бы воображалась хеттами. В конце концов ничто нас не обязывает видеть в этом храме что-либо кроме священного места, в котором «тысяча хеттских богов» представлялась присутствующими и была изображена художником в виде гармонично-симметричной композиции, позволяющей свести верховную божественную семью в фокус на внутренней стене храма. Впечатление двух сходящихся процессий — вероятно, иллюзия, основанная на том, что все фигуры изображены в условных позах, как если бы они делали шаг вперед; но эта поза универсальна на всех хеттских рельефах, и ее можно видеть даже тогда, когда нет и речи ни о каком движении вперед (см., например, фото 8, 9). Протянутые руки также условны — ведь в текстах культовые статуи описываются как держащие свои символы в левой руке, именно так, как фигуры в Язылыккая. Действительно, изображены в движении лишь двенадцать богов, замыкающих «мужскую» процессию; это позволяет сделать следующий вывод: если некоторые фигуры движутся, то, значит, и весь ряд есть движущаяся процессия. Но мы еще не можем опознать, кто эти двенадцать богов, и, может быть, есть какие-то специальные резоны, по которым они должны изображаться бегущими. Они изображены также в боковой галерее, где наверняка не составляют часть процессии (*Боковая галерея, видимо, была погребальным храмом, созданным в честь одного из царей, по имени Тудхалия; его статуя когда-то стояла рядом с его «монограммой» в конце ниши.*).

В качестве еще одной стилистической особенности можно отметить, что если в Язылыккая и других местах боги изображены в вавилонской и ассирийской скульптурной манере — торс в полный фас, а ноги и голова — в профиль, то богини показаны (несколько неуклюже) в истинный профиль, как, например, в сцене почитания в Аладжа-Хююке. В восточном искусстве это, по-видимому, было нововведением.

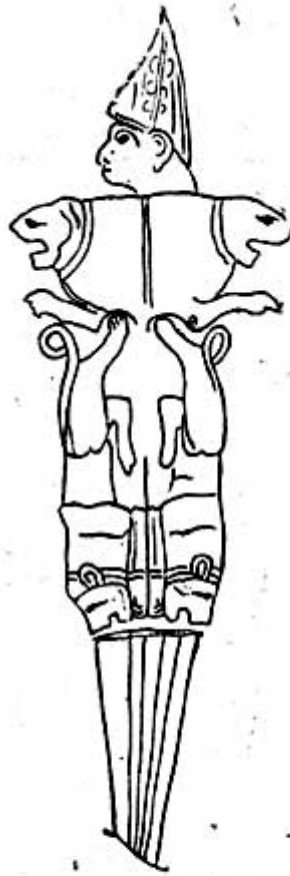

Рис. 9.
Бог-меч
(Язылыккая)

Крупная фигура божества, вырезанная на косяке одних из ворот в Богазкёе, уже была описана выше. Это, пожалуй, самый искусный из всех хеттских рельефов, хотя даже на нем мы опять-таки видим торс в условном поворотном положении (см. фото 8 в галерее). Грудь изваяны весьма отчетливо (они покрыты рисунком из маленьких спиралек), поэтому некоторые полагали, что это — женская фигура, амазонка, одетая в кольчугу. Однако если мы возьмем для сравнения бронзовую фигурку, о которой говорилось выше, и манеру условного изображения гривы животных, например у льва из Малатьи (фото 19), то представится более вероятным, что «страж ворот» — это обнаженный до пояса воин-мужчина; волосатая грудь считалась признаком силы. Эта фигура вырезана настолько (Язылыккая) рельефно, что ее лицо прекрасно видно сбоку (фото 8); примерно та же черта отличает скульптуры в Язылыккая, где центральные фигуры в главной галерее заметно выступают из плоскости и изваяны с большой тщательностью.

Одна из фигур заслуживает особого упоминания; это — «бог-меч» в боковой галерее Язылыккая (рис.). Скульптура изображает короткий меч, рукоять которого имеет вид четырех припавших львов, попарно расположенных вдоль обоюдоострых лезвий меча; два льва расположены вдоль лезвий и смотрят в сторону острия меча; два других расположены поперек меча, срезанными задами друг к другу. Железный топор с похожей рукояткой был найден в Рас-Шамре в Сирии. Высказывалось мнение, что меч, изображенный в Язылыккая, был военным трофеем, захваченным у сирийского или митаннийского противника, поскольку не существует свидетельств о том, что хетты пользовались такими мечами. Но как же быть с человеческой головой, венчающей всю скульптуру? На этой голове типичная коническая шапка хеттских богов, на топоре же, найденном в Рас-Шамре, голова отсутствует. Из положения фигуры в скальном храме ясно следует, что эта фигура изображает божество; более того, мы сейчас можем уточнить: это божество подземного

мира, ибо, согласно недавно обнаруженным текстам, группа божеств подземного мира изображалась в виде мечей.

Скульптурные блоки дворца (?) в Аладжа-Хююке изображают музыкантов, играющих на лютнях и волынках; жонглеров; пастуха, ведущего свое стадо (вероятно, это часть религиозной процессии, в которой овец ведут на заклание); сцены охоты (фото 14). Все это — в более непринужденном стиле, чем все остальное, что было до сей поры найдено на хеттской территории. Следует также упомянуть о двойном орле, вырезанном там же, сбоку от одного из сфинксов. Это геральдическое существо (имеющее столь достойную историю) находится у ног двух богинь в Язылык; оно, вероятно, было их священным животным. Фрагменты женской фигуры также виднеются над орлом в Аладжа-Хююке.

Скульптуры, в наибольшей степени приближающиеся к полнообъемным, из тех, что находятся — в центральной хеттской области, — это сфинксы и львы у ворот в Богазкёе и Аладжа-Хююке (фото 7, 1); здесь из каменных блоков выступают по крайней мере передние части тел животных. Их нельзя признать полностью удавшимися. Тем не менее головы сфинксов проработаны тщательно и, как можно полагать, дают нам свидетельства идеалов женской красоты в представлении хеттов. Подобная же промежуточная стадия между барельефом и полнообъемной скульптурой представлена колоссальной статуей, ныне лежащей на склоне холма около Фасил-лара; это единственный образец хеттской культовой статуи времени империи (если считать ее таковой).

Отсутствие полнообъемной монументальной скульптуры в некоторой степени восполняется несколькими миниатюрными фигурками, сделанными из металла. На фото 9а изображена фигура молодого мужчины в короткой юбочке, схваченной поясом, и, вероятно, в сапожках; эта фигурка очень напоминает «стража ворот», только в уменьшенном виде. На голове, несомненно, был шлем. Прекрасная фигурка, изображенная на фото 9 б являет собой пример ювелирного искусства. На этом человечке полная туника с короткими рукавами, покрывающая тело до колен.

Хеттская глиптика мало связана с искусством месо-потамских цилиндрических печатей. Истинно хеттские цилиндрические печати — весьма исключительное явление, и изображения на них не восходят к вавилонскому репертуару. Типичная хеттская печать — это конический штамп с кольцом или просверленной шишечкой сверху, предназначенными для привязывания; впрочем, известны и многие другие формы хеттских печатей. Корпус печати мог разрастаться, приобретая вид барабана или цилиндра, и тогда, в дополнение к гравировке рисунка на торце, появлялась резьба по окружности; иногда печати придавалась форма кубика, и тогда на всех четырех боковых сторонах могли быть награвированы рисунки (фото 17а). В этих случаях ручка является отдельной деталью и иногда имеет форму треножника с молоткообразной головкой. Главная гравированная поверхность была обычно плоской, но в некоторых случаях делалась резко выпуклой; были также найдены печати, похожие на пуговицы или двояковыпуклые линзы (фото 17б). Более редкими были кольца с печатями.

Рисунки на сравнительно малом числе реально сохранившихся печатей могут быть сторицей восполнены большим количеством отпечатков, найденных на комках глины, служивших для припечатывания (так называемых буллах). Как правило, отпечаток выглядит так: имеется центральное поле, которое (если оно достаточно велико) может быть окаймлено одной, двумя или тремя полосами с орнаментами или письменами. Окружающие орнаментальные полосы имеют вид бегущих спиралей, прядей и плетений; на царских печатях имеются только клиновидные письмена, сообщающие имя царя, а иногда и другие сведения. Центральное поле в большинстве случаев содержит группу иероглифических знаков или символов, значение которых неясно. В некоторых случаях на отпечатке изображена фигура бога или животного, его символа; некоторые примеры приведены на рисунке: мы видим, что весь этот репертуар в значительной степени тождествен наскальным скульптурам и другим рельефам. Царские печати содержат по большей части «монограмму» царя под крылатым солнечным диском. Изображенные на этих царских печатях фигуры и сцены лишь очень редко не несут символики; один из подобных примеров — сцена объятия, хорошо известная нам по изображениям в Язылык; эта сцена видна на трех печатях Му-ваталли (отметим, что в качестве бога здесь фигурирует

бородатый бог Грозы, а не юное божество, покровительствующее царю Тудхалии, как в Язылыкая). Отпечаток на серебряной табличке, содержащей договор с Египтом, сделан, очевидно, подобной же печатью, использовавшейся царем Хаттусили, ибо, по описанию египетской копии текста, печать изображает «фигуру Сета (египетского бога Бури), обнимающего подобие великого царя Хатги». Серебряная печать «Таркондемо-са» изображает самую царя в жреческих одеждах (фото 16) — это одни из самых совершенных и типичных примеров хеттской глиптики.

На фото 4 и 17 мы видим три замечательные печати. Золотое кольцо с печаткой служит хорошим примером хеттского искусства. На кольце изображено крылатое божество, стоящее на своем священном животном. Изображения на цилиндрической и кубической печатках выходят за рамки обычного репертуара: это ритуальные сцены, смысл которых все еще не поддается интерпретации, несмотря на многочисленные предположения. Изображения на торцах этих печатей, по-видимому, связаны с традициями хеттского искусства, однако, поскольку все эти вещи были куплены у дельцов, их происхождение неясно. Еще один цилиндр такого же типа был куплен в Айдыне, в Западной Анатолии, где могли проявляться иные влияния.

Хеттская глиптика не пережила падения Хаттусы. Глиптическое искусство последующих сирийских царств — это искусство цилиндрической печати; оно носит совершенно ясно выраженные месопотамские черты.

После падения Хаттусы традиции хеттского искусства были бережно сохранены в царстве Мелид (Малатья). На целом ряде рельефов, найденных в этих местах, мы видим сцены возлияний божествам; эти сцены легко отождествляются с их аналогами в Язылыкая. Интереснейший пример дает рис. 12а, на котором царь (здесь на нем нет накидки) держит литуус и совершает возлияние перед богом Грозы. Последний присутствует здесь в двух видах: на своей архаической, со сплошными колесами, колеснице, которую тащат два его быка, а также стоящим на земле и потрясающим молниями. Художник из Малаты объединил в этой сцене анатолийскую и сирийскую концепции бога Грозы. Сцена убийства змея — новая, но иллюстрирует хеттский миф (см. выше). Сирийское влияние здесь особенно ощущается в ряде сцен охоты на колеснице (рис. 12б); охотник же из Аладжа-Хююка — пеший (фото 14). Сцена охоты на колеснице, впервые зафиксированная в сирийском искусстве, стала впоследствии самым излюбленным мотивом ассирийской дворцовой скульптуры.

Маленькое государство Са'мал у подножия Тавра (ныне Зинджирли) также некоторое время поддерживало и не без успеха, традиции хеттского искусства. Зинджирли дало нам несколько массивных каменных львов, весьма близких по стилю тем, которые украшали ворота Богазкёя; культовую статую (которую можно сравнить со статуей из Фасиллара, хотя любопытная фигурка, изображенная бегущей между львами, — типично сирийская); львиноголового духа, аналогичного тому, что охраняет вход в боковую галерею в Язылыкая; наконец, фигуру бога Грозы (фото 20), напоминающую, по крайней мере своей одеждой (короткая туника, пояс с мечом, башмаки с загнутыми вверх носками), искусство Хаттусы, хотя поза бога — это поза сирийского Ваала. Царство это весьма рано подпало под власть арамейской династии, а арамейцы были кочевниками, не имевшими традиций собственного искусства, и поэтому неудивительно, что хеттский стиль продолжал здесь существовать столь долгое время.

В царствах Северной Сирии хеттской традиции пришлось соперничать с развитой местной культурой, имевшей месопотамское происхождение, так что мы находим здесь смешение стилей. Наиболее полными сведениями мы располагаем об искусстве Каркемиша, где дважды вели раскопки экспедиции Британского музея. Вызывавшая благоговейный трепет статуя бога Грозы на своей колеснице, влекомой львами, является развитием ряда хеттских мотивов. Человеческая голова с конической шапкой нелепо посажена на плечи крылатого льва (рис. 13), по-видимому, для указания божественности; это мы уже видели на золотом кольце из Коньи (фото 46); напомним для сравнения сходную голову «бога-меча» из Язылыкая (рис. 9). Многие фигуры на ранних рельефах из этого места все еще одеты в короткие туники, пояса и башмаки с загнутыми вверх носками. Однако на более поздних изображениях, несмотря на наличие хеттских иероглифических

надписей, одежда представляет собой длинную ассирийскую мантию с окаймлением, ассирийский головной убор и башмаки с прямыми носками; большое внимание уделено бороде и волосам, что тоже характерно для ассирийской манеры. Сцена охоты на колеснице изображена хорошо; имеются также другие сцены, для хеттского искусства новые. В Сакдже-Гёзю около Мараша скульптуры— поздние и главным образом ассирийские по стилю; однако здесь возродился любопытный обычай вырезать фигуры столь рельефно, что лица можно видеть сбоку.

Слабая струя хеттской традиции прослеживается даже в Гузани (ныне — Телль-Халаф), по ту сторону Евфрата. Здесь особенно бросаются в глаза крылатые чудовища и духи, прототипы которых часто встречаются в хеттском искусстве времени империи, особенно на печатях. Однако репертуар того, что мы находим в этом отдаленном царстве, по большей части восходит к шумерским или сирийским оригиналам.

Вообще говоря, использование барельефов (ортостатов) в качестве панелей, украшающих нижнюю часть лицевой стены — это архитектурный прием, объединяющий искусство всех этих позднехеттских государств с Искусством царства Хатти (тем, которое представлено в Аладжа), с той, впрочем, оговоркой, что если в зданиях II тыс., как в Каркемише, так и в Аладжа, рельефы вырезаны на больших блоках, входивших, по существу, в структуру самой стены, то в позднехеттский период бруски накладывались на стены и были чисто орнаментальными. Общий план хеттских храмов описанный выше, не имеет аналогий в сирийских княжествах. Существовал взгляд, что характерный сирийский бит хилани (двухэтажное строение с воротами и стол-бами, к которому вела каменная лестница, вводящая ватем в широкий, но неглубокий зал) имеет специфические особенности раннего хеттского храма. Этот взгляд стал гораздо менее убедительным с тех пор, как было показано, что представления о виде ранних хеттских храмов, сложившиеся на основе изучения их остатков, довольно произвольны. Более того, термин бит хилани ныне прочтен на одной из табличек из Мари, датируемой XVIII в. до н. э., т. е. временем, когда хеттская Малая Азия еще не начала оказывать заметного влияния на цивилизацию сирийских равнин. Представляется, что как этот тип строений, так и его название имеют сирийское происхождение.

Рис. 10. Оттиски хеттских печатей

Рис. 11. Оттиски царских печатей: Муваталли (1,2), Суппилулиумы (3), Урхи-Тешуба (4), Тудхалии (5), Хаттусили (6)

а

б

Рис. 12. а — Сцена возлияния (Малатья);
б — Охота на оленя (Малатья)

Рис. 13. Мифическое чудовище (Каркемиш)

Некоторые проблемы

Внезапное появление каменной скульптуры в начале новохеттского царства поставило неизбежный вопрос о причинах, вдохновивших ее создателей. Утверждалось даже, что все хеттское искусство в целом является не хеттским, а хурритским; основанием для такого утверждения было то, что многие характерные черты этого искусства чаще представлены в Сирии, и в особенности в Телль-Халафе, чем на равнинах. Согласно этой теории, хетты будто бы заимствовали основные мотивы хурритского искусства в течение XV в., когда хурриты оказывал» глубокое влияние на хеттскую религию и литературу; заспугой самих

хеттов было лишь развитие некоторых черт и мотивов в рамках фундаментально чуждого им стиля. Слабость этой теории заключается в том, что пластическое искусство митаннийского и хурритского царств никогда так и не было открыто и остается чисто гипотетическим; все, чем мы располагаем, — это некоторое число цилиндрических печатей, которые относятся к провинциальной ветви месопотамской глиптики, восходящей прямо к шумерскому прототипу.

То, что хетты заимствовали многое из Сирии и тем самым косвенно из месопотамского репертуара, отрицать нельзя. Прежде всего это фигура стоящего на животном бога, имеющая долгую историю, восходящую к шумерским временам. Двойной орел, сказочные чудовища и некоторые картины светского содержания из Аладжа-Хююка также имеют восточное происхождение. Египетское влияние можно усмотреть в человекоголовых сфинксах в Аладжа и Богазкёе, а особенно в крылатом солнечном диске, парящем над головой каждого хеттского царя и составляющем часть его «монограммы». Этот диск был в Египте царственным символом, а для сирийского и анатолийского царств престиж египетской империи XVIII династии был огромным. Этот символ, по-видимому, был впервые принят царями Митанни и соотнесен с концепцией символа неба, поддерживаемого столбом, упоминающейся в Ригведе. Затем хетты снова заимствовали этот символ из Сирии, где он смешался с вавилонским символом солнца; именно по этой причине хеттский символ содержит звездоподобное солнце с лучами вместо египетского диска. Употребление этого символа выделяет Хатти как одну из великих; держав той эпохи.

С другой стороны, культовые сцены, и прежде всего царь в объятиях своего бога-покровителя, являются, бесспорно, хеттскими нововведениями. Тем не менее использование этих мотивов для рельефов, вполне возможно, было вторичным, а исходными были идеи, вдохновлявшие хеттских резчиков печатей, работы которых, как мы видели, относятся к очень ранним временам.

Другая проблема, о которой можно здесь упомянуть, касается типов людей, изображенных на памятниках. Как выглядели хетты? Можно усмотреть резкое различие между «арменоидным» типом с большим крючковатым носом и покатым лбом (как у бегущих фигур в язылыкая, у стража ворот в Богазкёе или у золотой статуэтки из Британского музея, изображенной на фото 9b) и более плоскими, прямыми физиономиями сфинксов в Богазкёе и статуэток, найденных там же (фото 7, 9a). То, что существовало по крайней мере два типа хеттов, видимо, подтверждают египетские, очень тщательно выполненные памятники. На фото 5 (вверху) и 6 мы видим выраженные «арменоидные» типы, в то время как две центральные фигуры на фото 5 (внизу) имеют совершенно отличный тип лица (те, что стоят позади, могут быть и не хеттами). Мы вполне можем предположить, что «арменоидный» тип представляет основную массу населения хеттов (а может быть, даже хатти), тогда как прямые лица относятся к индоевропейскому правящему классу; впрочем, гордая осанка «арменоидного» возничего колесницы на фото 6 говорит, что эти два типа были достаточно смешаны.

Эти гипотезы, однако, не согласуются с данными раскопок. Изучение черепов, найденных в различных поселениях Анатолии, показывает, что в III тыс. преобладал длинноголовый, или долихоцефальный, тип: число брахицефалов было незначительно. Во II тыс. доля брахицефальных черепов возрастает примерно до 50 процентов. Но ни в том, ни в другом тысячелетии брахицефальный элемент не принадлежит к «арменоидному» типу, который является гипербрахицефальным с уплощенным затылком, а может быть квалифицирован скорее как «альпийский». «Арменоидный» тип появляется лишь в I тыс.

Эти факты не представляется возможным согласовать с изображениями на памятниках. Если бы противоречие было ограничено пределами Анатолии, то его можно было бы обойти, предположив, что сравнительно небольшое число откопанных там черепов не является представительным, однако то же самое противоречие характерно и для находок в Иране и Ираке, где краниологический материал значительно полнее. Эта проблема до сих пор не имеет решения.

Египетские портреты (фото 5, 6) дают нам представление о различных модах причесок. Вообще говоря, волосы оставляли нестриженными и они, зачесанные назад, свисали с затылка; иногда они схватывались лентой; лоб порой подбрасывали. У одной из фигур вся

голова обрита, за исключением короткой косички сзади. Длинная свисающая полоса позади шлема у привратной фигуры в Богазкёе — не «косица»: этот убор прикреплен к шлему; собственно волосы, однако, также можно различить — они вылезают из-под шлема и рассыпаются по плечам. У более поздней фигуры из Зинджирли ясно видна косичка или пучок волос (фото 20). На египетских памятниках все хетты, кроме их союзников сирийцев, гладко обриты. Хеттские памятники времен империи, в общем, подтверждают эту моду, хотя стоит отметить, что бог Грозы изображен бородатым (фото 20 и рис. 12а); более поздние памятники говорят о том, что мода носить бороду распространилась из Сирии по всей хеттской Анатолии.

Заключение

Цивилизация хеттов была весьма передовой в тех аспектах, которые могут быть отнесены к правящему слою, а именно: военное дело, политическая организация, законодательство и отправление правосудия. Литература и религия, хотя и имели много интересных черт, оставались примитивными и ведут свое начало от хаттского и хурритского элементов населения. В Древнем царстве царь был прежде всего военным предводителем, религиозные же его функции стали приобретать значение позже. Что касается искусства, то за хеттским народом можно признать известную степень таланта, хотя и здесь мощное искусство наскальных изображений поздней империи было, вероятно, стимулировано правителями хеттов.

Множество интригующих проблем все еще ждет своего разрешения; к ним относятся время и пути самого раннего проникновения индоевропейцев в Малую Азию; происхождение хеттской клинописной и иероглифической письменности и полная дешифровка последней; историческое соотношение хеттского свода законов со сводами месопотамских законов; и, самое главное, построение окончательной карты хеттской Малой Азии, которая позволила бы разобраться в весьма подробных отчетах о военных походах хеттских царей. Надо надеяться, что раскопки в Богазкёе, а может быть, и в других местах позволят обнаружить много новых клинописных табличек, которые прольют свет на эти главные, а также многочисленные второстепенные проблемы, о которых у нас все еще слишком мало информации.

Приложение

Таблица хеттских царей

Имя	Годы правления	Степень родства с предыдущим царем
Питхана (из Куссары)		
Анитта (из Куссары)		сын
Древнее царство		
Тудхалия I (?)	1740-1710	?
Пу-Шаррума (?)	1710-1680	сын
Лабарна I	1680-1650	сын
Лабарна II — Хаттусили I	1650-1620	сын
Мурсили I	1620-1590	приемный сын
Хантили I	1590-1560	муж сестры
Циданта I	1560-1550	зять (?)
Аммуна	1550-1530	сын
Хуцция I	1530-1525	сын (?)
Телепину *	1525-1500	муж сестры
Аллувамна	1500-1490	зять
Хантили II (?)	1490-1480	?
Циданта II (?)	1480-1470	?

Хуцция II (?)	1470-1460	?
Империя		
Тудхалия II	1460-1440	?
Арнуванда I	1440-1420	сын
Хаттусили II	1420-1400	брат
Тудхалия III	1400-1380	сын
Суппилиуима I	1380-1340	сын
Арнуванда II	1340-1345**	сын
Мурсили II	1345-1315	брат
Муваталли	1315-1296	сын
Урхи-Тешуб (-Мурсили III)	1296-1289	сын
Хаттусили III	1289-1265	дядя
Тудхалия IV	1265-1235	сын
Арнуванда III	1235-1215	сын
Суппилиуима II	1215-?	брат

* Известно имя еще одного хеттского царя — Тахурваили, правившего после Телепину (до Аллувамны).— Примеч. ред.

** Здесь и ниже годы правления хеттских царей приводятся по изданию 1976 г.— Примеч. ред.

Замечания о списке царей и хронологии

Родство Питханы и Анитты с царями Древнего царства Хаттусы остается темным вопросом (см. выше).

Последовательность царей Древнего царства вплоть до Аллувамны установлена надежно, хотя есть некоторое сомнение в том, был ли Тудхалия I, дед Лабарны, царем Хатти. Существование трех последних царей Древнего царства менее достоверно, хотя и стало более вероятным в свете новых находок.

Текст, опубликованный д-ром Кемалом Балканом в 1948 г., доказал существование Суппилиуимы II в конце империи, но лишь в 1953 г. Э. Ларош показал в «Revue d'Assyriologie» (XLVII, с. 70-78), что ряд других текстов, приписывавшихся до этого Суппилиуиму I, в действительности относится к более позднему царю с тем же именем. Из этого следует, что помещение между Тудхалией III и Суппилиуимой I царя Арнуванды II было ошибкой и что Суппилиуима наследовал своему отцу непосредственно. Этот Арнуванда был, таким образом, вычеркнут из списка. Существование Арнуванды I также несколько сомнительно.

Все приведенные даты являются приблизительными, однако две из них связаны с событиями соответственно в Вавилоне и Египте. Смерть настигла Мурсили I вскоре после его похода на Вавилон, приведшего к падению I вавилонской династии; Суппилиуима умер через четыре года после смерти Тутанхамона. Даты, относящиеся к Древнему царству, начиная с Мурсили I, должны быть полностью перестроены в согласии со средней продолжительностью жизни, приходящейся на одно поколение. Даты, относящиеся к империи, в некоторой степени проверяются сетью синхронизмов, объяснять которые мы здесь не станем.

Абсолютная хронология, принятая в этой книге, принадлежит д-ру Сиднею Смитту, изложившему ее в труде «Alalakh and Chronology» (1940); эта хронология скомбинирована с новыми, пониженными датами, относящимися к египетским царям; эти даты разработаны М. Б. Роутоном в «Iraq», vol. VIII (1948), с. 94-110, и в «Journal of Egyptian Archeology», vol. XXXIV (1948), с. 47-74. Хронология Роутона (*Ныне Роутон отказался от сниженных дат в хронологии египетских царей XVIII и XIX династий. Самая последняя из предлагавшихся хронологий повысила бы даты, приводящиеся в этой книге для эпохи после 1500 г. до н. э., на 14 лет. См.: Hayes W.C. Rowton M.B., Frank H. Cambridge Ancient History, rev. ed. Vol. I*

(1962), *Сар. VII. — Примеч. авт. к изд. 1962 г.*) отличается примерно на десять лет от той, которая общепринята. Следует заметить, что даже с помощью этой схемы едва ли возможно найти место трем царям в конце Древнего царства. Если понизить вавилонские даты на шестьдесят лет, как это предлагают проф. Олбрайт и другие, то возникнут серьезные трудности в хеттской хронологии.

Послесловие

Книга «Хетты» принадлежит перу английского ученого, проф. Оливера Р. Герни, широко известного хеттолога и ассириолога, автора целого ряда работ в области истории и культуры древней Передней Азии. В их числе переводы важных памятников литературы («Хеттские молитвы, Мурсили II», вавилонская поэма «Ниппурский бедняк»), книги «Некоторые аспекты хеттской религии», «География хеттского государства» (совместно с проф. Дж. Гэрстэнгом), главы «Хеттское царство», «Анатолия» в коллективных трудах и множество других исследований. Автор принимал участие в археологических раскопках, в частности городища Султантепе в Турции.

Книга «Хетты» впервые была опубликована в 1952 г. Впоследствии она многократно, с незначительными дополнениями, переиздавалась в Англии (последнее издание вышло в 1980 г.); в 1969 и 1981 гг. в переводе на немецкий язык работа О. Герни была издана в ГДР.

Секрет популярности книги О. Герни, видимо, кроется прежде всего в том, что она написана компетентно и в то же время довольно увлекательно. Изложение определенных концепций сочетается в ней с переводами, подробными описаниями содержания первоисточников, многие из которых составляют «золотой фонд» хеттологий (хеттские законы, «Законодательство» Хаттусили I и др.). В работе освещаются самые разные стороны хеттской цивилизации: история, право, религия, искусство, литература хеттского государства, государственный и общественный строй хеттов, военное дело и многое другое. Тем самым книга одновременно удовлетворяет интересы широкого читателя и специалистов.

Вместе с тем следует иметь в виду, что, например, картина государственного и общественного строя, социально-экономических отношений хеттов, воссоздаваемая О. Герни, основана на теории о феодальном характере хеттского общества. Влияние этой последней ощущается и в трактовке содержания ряда текстов, представленных на страницах книги. Эти положения и трактовки О. Герни не совпадают с теми, которые разделяют многие отечественные специалисты (см. ниже).

Кроме того, за годы, прошедшие со времени первого издания книги, сделано много открытий в области хеттологии, введены в научный оборот новые документы, выдвинуты интересные гипотезы. Они, конечно, вносят коррективы в материалы и выводы книги О. Герни.

К числу наиболее значительных научных достижений относится открытие в Сирии Эблы, города-государства второй половины III тыс. до н. э., хотя ранее считалось, что цивилизация возникла здесь только во II тыс. до н. э. Это открытие заставляет по-новому подойти к истории этнической ситуации в Сирии III тыс. до н. э., к истории сложения цивилизации в Малой Азии.

Важным событием в науке стало открытие в 70-х годах архива хеттского административного центра — города Тапигги. В архиве города Тапигги, обнаруженного турецкими археологами под насыпью Машат-Хююка, вблизи современного города Зиле (вилайет Токат), найдено около 200 клинописных табличек. По числу найденных текстов архив Машат-Хююка сильно уступает богазкёйским архивам (в которых обнаружены тысячи табличек). Однако в новом архиве широко представлен малоизвестный тип текстов — письма-инструкции хеттского государя должностным лицам Тапигги и некоторые другие важные документы. Большой интерес представляют архитектура дворца Тапигги, а также найденные здесь оттиски печатей с именами Тудхалии II и его жены, Суппилиуми I, образцы импортной микенской посуды и многое другое.

Историю хеттского государства ныне принято делить не на два периода, как это сделано в книге О. Герни, а на три: древнехеттское (1650—1500 гг. до н. э.), среднехеттское (1500—1400 гг. до н. э.) и новохеттское (1400—1200 гг. до н. э.) царства.

В новом свете предстает история хурритов, проблема генетических связей хурритского и хаттского языков. Согласно одной из точек зрения, хурриты были автохтонами Армянского нагорья, Северной Сирии, Северной Месопотамии и Загросских гор (между Месопотамией и Ираном) или занимали эти области с III тыс. до н. э. Самый древний клинописный хурритский текст относится ко второй половине III тыс. до н. э. Именно хурриты и хатты, как считает И. М. Дьяконов, создали в Малой Азии такие города-государства, как Пурусханда, Амкува, Куссара, Хаттуса, Вахшушана, Самуха и др. Уже первые цари хеттского государства в своей борьбе за Северную Сирию сталкивались здесь, в частности, с хурритами; восточные и центральные области страны Хатти в древнехеттский период подвергались разорительным вторжениям хурритов с Армянского нагорья и из Северной Сирии. При хеттском царе Хантили хурриты даже захватили и казнили хеттскую царицу вместе с ее сыновьями.

Существенные результаты в решении проблемы внешних связей хурритского и хаттского языков достигнуты в новейших исследованиях советских ученых. В недавно вышедшей за рубежом совместной работе И. М. Дьяконова и С. А. Старостина (*Diakonoff I.M., Starostin S.A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language.— Munchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiheft. N.F., 12, 1986.*) обосновывается вывод о принадлежности хуррито-урартских языков к восточнокавказским языкам (к ним относятся дагестанские и чечено-ингушские языки).

В работах В. В. Иванова, опубликованных за последние годы (*Иванов В. В. Об отношении хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения). Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 5-36; он же. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским.— Древняя Анатолия. М., 1985, с. 25-59.*), содержатся итоги исследования проблемы генетического родства хаттского с западнокавказскими языками (в эту группу входят аб-хазо-абазинские, адыгские и убыхский языки, которые вместе с восточнокавказскими языками составляют единую семью языков). По оценкам автора, результаты исследования «делают гипотезу в целом доказанной при необходимости уяснения большого числа деталей в будущем» (*Иванов В. В. Об отношении хаттского..., с. 39.*).

В связи с историей взаимоотношений Хатти с Аласией (Кипр) значительный интерес представляют сведения хеттских текстов о военных походах царей страны Хатти на Аласию. Этот остров был занят Тудхалией IV; в руки хеттского правителя попали царь Ала-сии, его жены, сыновья. Тудхалия' увез с собой в Хатти в качестве добычи серебро, золото и пленных, а Аласию обложил данью. Следующий поход на Аласию состоялся при Суппилиуме II. Последний захватил в море и сжег корабли Аласии, которые, видимо, препятствовали высадке хеттского десанта. Затем он взял верх и в битве на самом острове. После одного из этих походов был заключен мирный договор Хатти с Аласией.

Эти и многие другие новые факты и выводы, в том числе и те результаты, которые содержатся в недавних исследованиях самого О. Герни, стали достоянием науки много лет спустя после выхода в свет книги и оттого не могли быть учтены в ней. Тем не менее это вполне репрезентативный труд, обобщающий результаты, накопленные зарубежной наукой за определенный период ее развития; воссоздаваемая автором картина истории и культуры хеттов сохраняет в целом свое значение и в наши дни. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на всех не охваченных в книге моментах и сосредоточим внимание на некоторых результатах научных поисков, касающихся главным образом проблем хеттского государственного строя, социально-экономических отношений.

Работа О. Герни открывается кратким введением, в котором автор рассказывает об истории открытия хеттов. Наука XIX — начала XX в. располагала лишь достаточно скудными и малоинформативными данными о хеттах, встречающимися в Библии, в египетских иероглифических текстах, в клинописных табличках на аккадском языке из дипломатического архива Телль-эль-Амарны, в анналах ассирийских царей, а также иероглифическими надписями и памятниками искусства из Северной Сирии и Анатолии. История этих ранних открытий более подробно, чем в работе О. Герни, изложена в научно-популярных книгах К. Керама и В. Замаровского, переведенных на русский язык в 60-е годы (см. список работ, прилагаемых в конце книги).

Событием огромного значения стало обнаружение архивов хеттских царей в столице государства Хаттусе. Архивы, подобные тем, что были обнаружены в хеттской столице, существовали и в других центрах цивилизаций Передней Азии. Характерные для таких архивов способы хранения, учета текстов (и в том числе специальные глиняные или деревянные полки для табличек, каталоги, содержавшие перечни текстов, и т. п.), сложившиеся в глубочайшей древности, во многом напоминают те, что применяются в библиотеках и в наши дни. Некоторое представление о древних архивах дают, в частности, описания архива из Эблы: «В главном архиве квадратные документы среднего размера стояли в вертикальном положении горизонтальными рядами параллельно стенам, а маленькие круглые таблички, видимо, хранились в корзинах на полу или в горизонтальном положении на верхней полке. Находившиеся в главном архиве квадратные таблички, расположенные вертикальными рядами, были установлены таким образом, чтобы столбцы текста оказались в горизонтальном положении, а лицевая сторона всех без исключения табличек-была обращена вперед: это позволяло тут же на месте быстро получить справку. В малом архиве таблички первоначально были уложены на две прикрепленные к стене полки, вероятно деревянные или глиняные, следы от которых хорошо видны на штукатурке. В наружном вестибюле больше всего табличек было в северных углах помещения рядом с небольшой скамейкой из сырцового кирпича и на самой скамейке, которая, видимо, использовалась одновременно как сиденье и как место, куда клали принадлежности для письма. В этом же помещении мы нашли несколько обломков костяных стилей, заостренных с одного конца, с помощью которых, вероятно, подготавливали таблички к записи текста, а также маленький ромбовидный стеатитовый инструмент, уже отполированный и готовый к употреблению, который, несомненно, служил для стирания ошибочных строк или столбцов с табличек ...архивные материалы царского дворца — это не коллекция оставшихся от далекого прошлого старинных документов, которые хранятся, но уже никого не интересуют, а документация, которой пользуются повседневно» (*Маттиэ П. Царский дворец Г в Эбле и протосирийские архитектурные традиции. — Древняя Эбла: Раскопки в Сирии. М., 1985, с. 39—40.*).

Несмотря на всю значимость самого факта выявления хеттских архивов, подлинным открытием хеттов стала дешифровка хеттских клинописных табличек, осуществленная выдающимся чешским востоковедом Б. Грозным. Именно выход в свет первых публикаций Б. Грозного (в 1915—1917 гг.), по существу, стал днем рождения хеттологии как специальной отрасли науки о древнем Востоке; 70 лет отделяют нас от этой знаменательной даты.

На страницах книги О. Герни очень скупы оценены заслуги Б. Грозного перед мировой наукой. Хотя у Б. Грозного встречаются и неоправданные толкования фактов хеттского языка, в его работах впервые были установлены многие основные признаки принадлежности хеттского языка к индоевропейским. Это открытие придало мощный импульс развитию сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.

Сравнение данных хеттского языка, письменные памятники которого датируются II тыс. до н. э., с более поздними письменными свидетельствами других родственных индоевропейских языков позволило осветить многие языковедческие проблемы и заглянуть в глубь истории и культуры индоевропейцев. Вместе с тем трудами Б. Грозного и других ученых была воссоздана история хеттской цивилизации, одной из крупнейших цивилизаций древнего Востока, сыгравшей важную роль в мировой истории.

Следует отметить, что открытия западноевропейских исследователей XIX — начала XX в. в области истории хеттов привлекли к себе внимание и научной общественности России. Одной из первых публикаций на эту тему был краткий очерк И. Троицкого (*Троицкий И. Г. Результаты исследований о хеттских памятниках, добытые в западноевропейской литературе. СПб., 1887; он же. Критический обзор главнейших систем по дешифровке и объяснению хеттских надписей. СПб., 1893.*). Многие аспекты хеттской проблематики освещались в ранней статье выдающегося русского востоковеда Б. А. Тураева (*Тураев Б. А. К истории хеттского вопроса. — ЗКОРАО. 1901, т. XII, вып. 3/4.*). Была переведена на русский книга одного из первооткрывателей памятников хеттской культуры — А. Г. Сейса (*Сайс А. Г. Хетты или история забытого царства. М., 1902.*).

О значительном интересе к открытиям, связанным с историей хеттов, свидетельствует и одна из рукописей Н. Я. Марра, хранящаяся в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 800, оп. 1, № 374). Эта рукопись содержит подробные выписки транслитераций клинописных текстов и комментария к ним из работы И. Кнутсона, посвященной так называемым "арцавским" письмам (см. об этих текстах в книге О. Герни).

Разными путями попали в Россию и некоторые памятники хеттской культуры. К их числу относятся барельефы, печати, статуэтки и клинописные документы. Одни из самых интересных среди этих памятников хеттской культуры — письменные тексты (всего 14 фрагментов из собрания Н. П. Лихачева в Государственном Эрмитаже) — впервые были введены в научный оборот талантливым ассириологом В. К. Шилейко (*Шилейко В. К. Фрагмент из Богазкёя в собрании Н. П. Лихачева—ЗВРАО. 1921, т. 25, с. 77—82; Богазкёйские фрагменты в собрании Н. П. Лихачева.—ИРАИМК. 1925, т. IV, с. 318—324.*) еще в 20-е годы. В их числе фрагмент аккадской версии договора Хаттусили III с Рамсесом II, описания хеттских празднеств и др. Эти публикации В. К. Шилейко были первыми специальными работами в области хеттологии в СССР. И сегодня, много лет спустя, нельзя не удивляться переводам хеттских текстов В. К. Шилейко. Трудно поверить в то, что они выполнены тогда, когда хеттология, по существу, делала свои первые шаги. Более того, как отмечал сам В. К. Шилейко, ему было доступно всего лишь несколько работ зарубежных исследователей, посвященных дешифровке хеттского языка.

За годы, прошедшие со времени публикации этих первых исследований в области хеттологии в нашей стране, советскими учеными созданы многие основополагающие работы; хеттологические исследования ведутся в научных центрах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана и других городов (*См.: Гиоргадзе Г. Г. Хеттология в СССР.—ВДИ, 1980, № 1. с. 113-124.*).

После краткого введения О. Герни обращается к описанию некоторых важных этапов истории Малой Азии. Одна из самых загадочных страниц этой истории — отрезок времени, который именуется автором как «древнейший период».

Наука еще не располагает точными сведениями о том, когда именно появились в Анатолии первые раннегосударственные образования. Раскопки ряда малоазийских поселений второй половины III тыс. до н. э. (Алишар, Аладжа-Хююк и др.) показывают, что процесс социальной дифференциации этих обществ достиг значительного уровня; они, вероятно, находились на стадии сложения ранней государственности. Однако ни в самой Анатолии, ни за ее пределами в соседних областях древнего Востока, где к тому времени уже процветали древние государства (в Месопотамии, в Сирии), пока еще не найдены прямые письменные свидетельства того, что в Анатолии второй половины III тыс. до н. э. существовали ранние города-государства.

Поэтому представляют особый интерес несколько текстов аккадской литературы, касающихся истории Аккада времен династии Сар-гона Древнего. Однако эти тексты, в отличие от подлинных исторических документов, обычно написанных от имени конкретных исторических лиц, представляют собой определенный жанр литературы. Это значит, что они составлены значительно позже того периода, о котором они повествуют; «материал» их почерпнут как из подлинных исторических документов, так и, вероятно, из устных преданий. В силу этого достоверность многих канувших в Лету событий, описываемых в подобных текстах аккадской литературы, часто ставится под сомнение исследователями. Так обстоит дело, в том числе и в книге О. Герни, с интерпретацией аккадских текстов, которые включают в себя изложение ряда событий, связанных, в частности, с историей Анатолии (некоторые из этих текстов дошли до нас и в переводах на хеттский язык).

В одном из таких текстов, легенде «Царь Битвы», повествуется о том, как к Саргону Древнему (2316—2261 гг. до н. э.) явились купцы с жалобой на какие-то притеснения, чинимые им в малоазиатском городе Бурушхаттуме (хеттское название его — Пурусханда), видимо, местными властями этого города; представитель купцов как будто предлагал Саргону и его воинам определенную плату за поход в Пурусханду. Содержание текста позволяет также предположить, что планируемый поход состоялся и, возможно, был успешным.

Название малоазиатского города Пурусханда упомянуто и в другом литературном тексте, стилизованном под царскую надпись. Из этой «Царской надписи (бога) Мардука», в частности, следует, что Мардук установил свой трон в «стране Хатти» (т. е. в Малой Азии); он оставался там в течение 24 лет и следил за торговыми связями между Хатти и Вавилоном. Впоследствии наступили какие-то неблагоприятные времена, в результате которых торговые связи, видимо, были прерваны.

Еще более любопытная информация об Анатолии содержится в литературном тексте, стилизованном под царскую надпись царя На-рам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.). Этот текст известен нам как бы в двух версиях. Одна из них изложена в табличке, составленной на аккадском языке, а другая — на хеттском языке. В аккадской версии речь идет о том, что на страну напал враг (видимо, какие-то племена — умман-манда) и его жертвой стали многие города и страны, в том числе Пурусханда. В союзе с этим врагом как будто находились 17 царей. Эти же события, вероятно, отражены и в хеттской версии. Однако, в отличие от аккадского «оригинала», в хеттской версии внимание сосредоточено на описании военной победы Нарам-Суэна, одержанной над коалицией из 17 царей. В их числе упомянуты правители Малой Азии: Памба — царь Хатти и Ципани — царь Канеса. Оба названия этих малоазиатских пунктов хорошо известны из документов II тыс. до н. э. Хатти — название города (откуда и название «страны Хатти»), впоследствии ставшего столицей хеттского государства; Каниш (хеттское Канес, Неса) — наименование крупного торгового центра, открытого археологами в Кюльтепе (вблизи турецкого города Кайсери). Локализация многих других «стран» коалиции во многом неясна. Возможно, что часть их связана с соседними с Анатолией областями Северной Сирии.

Проблема достоверности сведений, сообщаемых вышеупомянутыми текстами, пока еще не может быть окончательно решена наукой. Тем не менее часть исследователей склонна считать, что эти свидетельства имеют под собой фактическую основу. В частности, вполне вероятно, что раннегосударственные центры существовали в Малой Азии уже во времена царей Аккада и аккадские купцы вели в Анатолии свои торговые операции.

Такой вывод становится все более вероятным в свете замечательных открытий, сделанных в Эбле. Этот древний город-государство был найден итальянской археологической экспедицией под руководством Паоло Маттиэ в 55 км к югу от Алеппо. Раскопки в Телль-Мардихе (таково название холма, под которым была найдена Эбла) были начаты в 1964 г., но лишь в 1968 г. исследователям стало ясно, что обнаружили Эблу. И наконец, в 1974—1975 гг. были найдены государственные архивы, более 17 тыс. глиняных табличек.

Начавшиеся исследования этого огромного корпуса документов уже позволили показать, что существенным источником процветания Эблы — крупного культурного и политического центра древней Сирии — была торговля. Благодаря выгодному географическому положению Эбла могла контролировать торговые пути, связывающие многие области Ближнего Востока; ряд товаров, производившихся в самой Эбле, предназначался для обменной торговли. Торговые связи Эблы — через посреднические звенья — простирались на тысячи километров. Связи Эблы с Египтом, вероятно, осуществлялись через Библ; в эблаитских документах упоминаются значительные количества лазурита (месторождения которого известны в Афганистане — ч не), олова, использовавшегося для сплава с медью и поступавшего из месторождений на востоке Передней Азии.

В эблаитских текстах пока не обнаружены названия городов Анатолии, с которыми поддерживались бы торговые или иные связи Эблы. Тем не менее ряд косвенных данных позволяет предположить, что регулярные связи между ними и через Эблу с другими областями Восточного Средиземноморья и Египта в действительности должны были иметь место. Прежде всего следует учесть то, что обменные связи между Анатолией и Сирией существовали уже на заре цивилизации. В последующие периоды истории они, видимо, могли упрочиться. Так, именно Малая Азия могла быть основным поставщиком серебра, которое через Сирию привозилось, в частности, в период Древнего царства в Египет; видимо, из Анатолии поступала в Египет и часть меди, использовавшейся металлургами этой страны. В эблаитских документах перечисляются значительные количества серебра и

меди (в виде металла и различных изделий), источником которых, вероятно, служили месторождения этого металла в Малой Азии.

В текстах из Эблы перечисляются многие пункты Северной Сирии и Месопотамии, располагавшиеся вблизи границ Малой Азии: Кар-кемиш, Харран, Уршу, Хашшу, Хахха (позднее в этих и более южных областях осуществлялись важные военные предприятия древне-хеттских (*Согласно гипотезе П. Маттиэ, полное разрушение Эблы, произошедшее незадолго до 1600 г. до н. э., может быть связано с походом древнехеттского царя Мурсили I в Верхнюю Сирию: Маттиэ П. Введение. Раскопки Эблы 1964—1982 гг.: Итоги и перспективы. — Древняя Эбла: Раскопки в Сирии. М., 1985, с. 7.*), а впоследствии и новохеттских царей; в конечном счете ряд этих областей был включен в состав хеттского государства).

Если учесть, что эблаитские тексты свидетельствуют о наличии международных обменных связей в III тыс. до н. э., осуществлявшихся через посредство купцов и связывавших многие культурные центры Ближнего Востока (в том числе города, располагавшиеся вблизи границ Анатолии), то нет ничего невероятного в том, что в орбиту этих связей могли быть вовлечены и области Анатолии, где к тому времени уже сложились ранние города-государства (как можно предположить на основе текстов, повествующих о Саргоне и Нарам-Суэне). Торговля, несомненно, явилась существенным катализатором многих социально-экономических процессов, протекавших в Малой Азии в тот период.

Косвенным подтверждением достоверности данных аккадских текстов о военных предприятиях Саргона и Нарам-Суэна в Анатолии и соответственно о наличии там ранних городов-государств могут быть и сообщения этих царей о походах в Эблу; предполагается, что именно Нарам-Суэн разрушил Эблу и уничтожил эблаитское царство при его последнем царе Ибби-Зикире (*См.: Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания.—Древняя Эбла: Раскопки в Сирии. М., 1985, с. 335.*). Не исключено, что события, относящиеся к Анатолии, с одной стороны, и Эбле — с другой, каким-то образом взаимосвязаны (тем более что Нарам-Суэн боролся против коалиции из 17 царей, в которую входили и правители городов-государств, в частности Сирии).

Вывод о существовании городов-государств в Малой Азии III тыс. до н. э. хорошо согласуется и с результатами анализа текстов («каппадокийских табличек»), которые происходят с территории самой Анатолии. Это деловые документы и письма, выявленные в торговых центрах Малой Азии, существовавших здесь в XIX—XVIII вв. до н. э. Они составлены клинописью на староассирийском (ашшурском, по названию города Ашшура на Тигре) диалекте аккадского языка. Анализ этих документов показывает, что деятельность торговцев контролировалась правителями местных анатолийских городов-государств. Иноземные купцы выплачивали последним определенную пошлину за право торговли. Правители малоазиатских городов пользовались преимущественным правом покупки товара.

Города-государства Анатолии этого периода имели достаточно развитую политическую структуру. Известны обозначения многих должностных лиц «дворов» местных правителей, в том числе такие, как «стольник», «виночерпий», «военачальник» и др., а также титулов «великих» (сановников) городской общины («главный над кузнецами», «главный над переводчиками» и др.). Если города-государства Малой Азии XIX—XVIII вв. до н. э. представляли собой довольно развитые политические структуры, то вероятно, что становление этих царств должно было произойти задолго до образования ашшурских торговых центров в Малой Азии.

Обращает на себя внимание и то, что среди иноземных торговцев представлены не только ашшурцы (восточные семиты). Здесь было много выходцев из северосирийских областей, населенных, в частности, народами, говорившими на западносемитских диалектах; западно-носемитские (аморейские) слова содержатся в лексике архивов Каниша. (*См.: Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР: Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э. М., 1968, с. 15.*) Аморейские купцы Северной Сирии, видимо, были не первыми торговцами, проторившими пути в Анатолию. Как и ашшурские купцы, возможно сменившие

аккадских, они, вероятно, следовали в Анатолию по торговым маршрутам эблаитских купцов III тыс. до н. э.

Этот последний вывод представляется небезосновательным еще и потому, что в одном деловом документе торговцев сообщается о прибытии в Малую Азию множества иблайцев (iblai) с целью приобретения меди. Как отмечала Н. Б. Янковская, эти купцы, прибывшие, видимо, целым караваном, представляли не сборище частных лиц, а торговую организацию (так как они пользовались льготным тарифом при покупке товара). Наименование местности, откуда прибыли эти торговцы, очевидно, связано с названием г. Эбла (в хеттских текстах, как и обычно в клинописных документах из других архивов, в форме ibla). Иначе говоря, купцы, происходившие из

Эблы, вели торговые операции с Малой Азией и в начале II тыс. до н. э.

Наряду с ашшурскими, аморейскими торговцами, активную роль в деятельности торговых центров играли местные купцы: хатты, хетты, лувийцы. Среди купцов были и торговцы-хурриты, происходившие как из городов Северной Сирии, Северной Месопотамии, так и, вероятно, из Малой Азии.

В Анатолию иноземные купцы везли ткани, хитоны; но главными статьями торговли были металлы: восточные участники торговли поставляли олово, а западные — медь. Особый интерес проявляли иноземные торговцы к другому дефицитному металлу; он стоил в 40 раз дороже серебра и в 5—8 раз дороже золота. Как установлено в исследованиях последних лет, этим металлом было железо (ср. о нем ниже). Вывоз железа за пределы Анатолии, видимо, был запрещен. Именно этим обстоятельством могут быть объяснены неоднократные случаи контрабандного вывоза железа, описанные в текстах.

Торговля обеспечивалась с помощью караванов, доставлявших товары на вьючных животных (дамасских ослах). Караваны двигались небольшими переходами; известно около 120 названий пунктов на пути через Северную Месопотамию, Северную Сирию и по восточной части Малой Азии.

Особая значимость архивов торговых центров заключается и в том, что они содержат непосредственные свидетельства этнической ситуации в Анатолии в период существования купеческих центров. Хеттские, лувийские, хаттские и хурритские имена засвидетельствованы и среди имен торговцев и других участников сделок. Более того, в лексике деловых документов купцов встречаются слова, заимствованные из хеттского и хурритского языков. Эти и некоторые другие факты говорят о том, что местное население составляли народы, говорившие на языках хетто-лувийской (иначе «анатолийской») группы индоевропейской семьи языков: хеттском, лувийском, а также палайском. Хетты занимали главным образом центральную часть Малой Азии, лувийцы — юг и юго-запад; палайский был распространен на северо-востоке Анатолии (к числу «анатолийских языков» относятся также диалект лувийского клинописного — «иероглифический лувийский», надписи на котором датируются в основном X—VIII вв. до н. э., и поздние языки Малой Азии: лидийский, ликийский и, возможно, карийский).

О времени появления в Малой Азии народов, говоривших на хетто-лувийских языках, мало что известно. Согласно одной из точек зрения, носители этой группы языков мигрировали в Малую Азию в самом конце III тыс. до н. э. (через Балканы или через Кавказ); сторонники этого мнения исходят из предположения, что так называемая индоевропейская прародина может быть локализована в Северном Причерноморье или на Балканах. Сравнительно недавно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым выдвинута теория, согласно которой первоначальной областью распространения общиндоевропейского языка являлась Передняя Азия, в частности на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии, примерно в сфере распространения халафской археологической культуры V тыс. до н. э. Соответственно делается вывод, что носители анатолийских языков являются не пришлым, а местным населением Анатолии (предполагается незначительное смещение их из восточных районов Малой Азии в центральные и западные ее области).

Среди местного населения были также хетты (или хатти), которые в III тыс. до н. э., как, вероятно, и значительно раньше, занимали области на севере и северо-востоке Малой Азии

в излучине реки Кызыл-Ирмак (античный Галис). Первоначальная область расселения этого народа могла охватывать и районы южнее Галиса.

Юго-Восток, юг, а также, видимо, и юго-запад Анатолии в это время были заселены хурритами.

Проникновение носителей хетто-лувийских языков в среду неиндоевропейского местного населения Анатолии происходило не путем завоевания, как считает, в частности, О. Герни, а в результате постепенного просачивания нового этнического элемента. Причем хетты и палайцы осели в областях, занятых главным образом хат-тами, а лувийцы — среди хурритов. Если учесть то обстоятельство, что в различных сферах хеттской и палайской культур обнаруживается сильное влияние культуры хатти (ср. о хатти ниже), то, как считает часть исследователей, речь должна идти о том, что взаимодействие этноса хатти, с одной стороны, и хеттов и палайцев — с другой, продолжалось в течение длительного периода; в ходу были как хаттский, так и хеттский и палайский. Впоследствии хаттский стал выходить из употребления и разговорным языком, во всяком случае части хатти, стали хеттский и палайский языки.

Прекращение деятельности международных торговых центров в Малой Азии привело и к исчезновению письменных текстов, важнейшего источника информации об истории Анатолии. Они появляются почти 150 лет спустя, когда на значительной части Малой Азии уже сложилось древнехеттское государство.

Единственный письменный текст, который позволяет приподнять завесу над событиями, развернувшимися в период последней фазы существования купеческих центров, является «Текст Анитты». Исследованию этого текста посвящены монография и большое число статей, часть которых появилась в свет в последние 10—20 лет. Тем не менее на многие вопросы, возникающие в связи с этим документом, все еще нет окончательного ответа (и в том числе на вопрос, поставленный в книге О. Герни: на каком языке — аккадском или хеттском — первоначально был составлен «Текст Анитты»). Следует, однако, добавить, что нам известны не только поздние, но и древние копии «Текста Анитты»; язык этого документа древнехеттский.

Если не принимать крайнюю точку зрения, согласно которой «Текст Анитты» является поздней литературной компиляцией, то один из важных выводов, который может быть сделан на его основании, заключается в том, что в период последней фазы существования торговых центров в Анатолии резко активизировалась борьба правителей городов-государств за политическое лидерство. Эти междоусобные войны могли стать одной из причин прекращения деятельности международных торговых центров. Вместе с тем борьба правителей малоазийских царств в конечном счете привела и к объединению значительной части Малой Азии и образованию хеттского государства.

В работе О. Герни высказывается сомнение в исторической достоверности сведений «Текста Анитты» о том, что принесенные Анит-ТР правителем Пурусханды скипетр и трон были сделаны из железа. За последние годы достигнуты важные результаты в исследовании истории производства и применения железа в Малой Азии в III—II тыс. до н. э. Комплексный анализ проблемы древнейшей истории железа, осуществленный впервые в работах В. В. Иванова (*Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983 (здесь же см. список более ранних работ автора по этой проблеме).*), использование археологических, текстологических и лингвистических данных позволили выявить определенную область Евразии и конкретную культуру, в которой был открыт способ получения железа из руды.

Исследуя проблему древнейшей истории железа, В. В. Иванов опирался на новейшие выводы археологии, касающиеся путей эволюции отдельных ремесел. Эти результаты говорят о «длительном сохранении нераздельности древнего слияния металлургии с другими видами деятельности, которые только позднее дифференцируются, становясь отдельными ремеслами (гончарное производство, ювелирное дело, стеклодувный промысел) или областями знания (ранняя химия, из которой вырастает алхимия, и связанные с ней системы знаков)». По этому пути эволюции шло и становление металлургии железа. Предполагается, что первоначально окислы железа могли использоваться гончарами в качестве красящего вещества, от примеси которого зависит

цвет глины. При керамическом производстве или производстве меди и бронзы железо уже очень рано стали получать в качестве шлаков — побочных продуктов такого производства. Впоследствии была осознана самостоятельная значимость этих отходов. Для определения области, в которой этот ценностный сдвиг мог произойти раньше всего, существенное значение имели данные археологии, говорящие о том, что в Малой Азии, в частности в Аладжа-Хююке и Алишаре (в отличие от некоторых других областей древнего Востока, в которых найдены ранние образцы предметов из железа), в погребениях встречаются изделия как из метеоритного, так и из рудничного железа; они датируются XXI в. до н. э.

Эти данные археологии соотносятся со свидетельствами текстов малоазиатских торговых центров и хеттских клинописных табличек. Наименование дефицитного металла — акк. *amutu*, неоднократно упоминаемого в «каппадокийских табличках», как установлено, было названием железа; сбыт этого металла строго контролировался правителями городов-государств. Новую главу истории производства и широкого применения железа открывают перед нами хеттские клинописные тексты (ср. ниже).

Связать воедино свидетельства археологии и текстологии удалось благодаря лингвистическому анализу названий для железа. Как установлено В. В. Ивановым, хаттское название этого металла *hap/walki*— (наряду с технологией выплавки железа) было перенято хеттами и через посредство хеттского (или непосредственно из языка хатти) проникло в хурритский и в западные (левантийские) диалекты аккадского языка. Хаттское название железа распространилось в целом ряде других языков Евразии (греческий, славянские, литовский, тибетский, древнекитайский, тайские и др.). В то же время хаттский термин обнаруживает тождество с кавказским (пра-абхазо-адыгским) названием этого металла, реконструированным на основе данных убыхского, адыгейского и кабардинского языков. (См.: *Старостин С. А. Об одном миграционном термине: еще раз о названии «железа» в языках Евразии.— Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Тезисы. Т. II. Языкознание. Литературоведение. М., 1982, с. 112—113.*) (что представляет интерес и в свете упомянутой выше теории о генетической принадлежности языка хатти).

Как свидетельствуют данные клинописных текстов из архивов Богазкёя, составленных на хеттском и хаттском языках, в культуре хатти железо воспринималось как металл, имеющий символическую ценность. С этой особенностью культуры хатти связана и практика использования кусков железа и изделий из него в ритуалах; в молитвах хатти порой воспевалось железо (или изделия из него). Из этого металла хатти изготавливали как небольшие (в частности, гвозди), так и крупные предметы, и в том числе атрибуты власти священного царя.

Символическая значимость железа и изготовленных из него предметов, под влиянием культуры хаттов, сохранялась и в хеттской культуре. Еще одним свидетельством влияния хатти на культуру хеттов, не только в плане производства железа, но и металлургии в целом, является хаттское имя бога-кузнеца — Хасамил (откуда соответствующее хеттское наименование этого бога — Хасамили).

Вместе с тем в истории хеттского государства отмечается определенная эволюция практики использования железа. Наиболее детально данные хеттских текстов относительно производства и применения железа изучены в работах Я. Зигеловой (*Siegelova J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z.— Annals of the Naprstek-Museum, 12. Prague, 1984, с. 71-168*) и Г. Г. Гиоргадзе (*Гиоргадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов.— Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1987 (в печати).*). В этих исследованиях, выполненных независимо друг от друга, показано, что значительная часть изделий хеттских железных дел мастеров производилась из рудничного железа. Оно именуется в источниках термином «железо». Наряду с обычным (рудничным) железом довольно широко применялось метеоритное железо, называвшееся «черным», «небесным» или даже «черным небесным» железом. По своей крепости оно, вероятно, превосходило обычное рудничное железо. Эти физические свойства метеоритного железа связаны с тем, что в нем-обычно содержится 5—10% никеля.

Кроме того, хеттские мастера производили так называемое «железо очага», которое, как считает Г. Г. Гиоргадзе, видимо, стоило дороже, чем обычное железо. Но более всего ценилось «хорошее/чистое» железо, которое Г. Г. Гиоргадзе вслед за В. В. Ивановым считает сталью. Предполагается, что «хорошее/чистое» железо изготовлялось из науглероженных пластин, образующихся в процессе восстановления железа в сыродутной печи.

Одним из косвенных свидетельств высокого качества железа, изготовлявшегося в Хатти, может служить характерное для целого-ряда хеттских документов (в том числе текстов, составленных в древнехеттский период) фигуральное выражение «слова табарны, великого царя из железа», т. е. железо рассматривалось как самый крепкий из всех металлов, известных хеттам.

Секрет производства железа и в особенности стали хранился в тайне малоазиатскими мастерами, и другим народам Ближнего Востока он не был известен. О роли Хатти как центра, осуществлявшего монополию на производство и торговлю этим металлом, указывает не только письмо Хаттусили III (см. в книге О. Герни), но и письмо хеттского должностного лица Цуланну, посланное префекту Угарита. В начале этого письма сообщается о конкретном случае, когда Цуланну, откликнувшись на просьбу своего угаритского адресата, выслал ему «клинок из железа».

Из железа хеттские кузнецы производили широкий ассортимент изделий. Так, в различных хеттских клинописных текстах перечисляются следующие изделия из железа: знаки царской власти: три типа трона, скипетр, калмус (посох, напоминающий авгурский), жезл, копье; символы, использовавшиеся в ритуале и культе: шарики (и кусочки) из железа, модельки яблок, языков, неба, земли, модельки кораблей, дверей, алтари, различные виды сосудов, гвозди, подставки для статуэток, статуэтки, обычно выполненные в виде фигурок, изображающих мужчину или женщину, животных или просто палицу (булаву). Эти статуэтки, рассматривавшиеся как воплощение определенного божества, почитавшегося в том или ином городе царства Хатти, могли снабжаться определенными атрибутами: копьем или другим символом в руке, животным, на котором покоилась фигурка; эту композицию могли дополнять изготовленные из железа фигурки птиц (орла), лунарные и солярные диски.

Из железа изготавливались различные украшения: кольца (для ношения на руке и на ноге), серьги, нагрудные украшения. Но особенно существенно то, что из железа делались и предметы хозяйственного, бытового назначения и оружие: «длинные сосуды», ножи, молоты, серпы, кинжалы (и в особенности железные лезвия), мечи, копья, топоры, палицы (булавы) и т. п.

Вес и размеры некоторых железных изделий, упомянутых в текстах, говорят о том, что железо в Хатти производилось в значительных количествах и использовалось для производства как небольших, так и крупных предметов. Так, в текстах перечисляются изделия весом от 1 сикля (11,75 г) или нескольких сиклей до «источника» из железа (видимо, нечто вроде емкости для воды, служившей в качестве основания для статуэтки) весом 90 мин, т. е. 45 кг 450 г. (если считать, что хеттская мина равна 505 г) или 42 кг 300 г. (если, по другим данным, вес хеттской мины 470 г). Возможно, что одним из самых массивных железных изделий хеттских мастеров являлся сакральный трон; в ритуалах на священном престоле часто совместно восседали два человека — царь и царица.

В других хеттских текстах упоминаются также железные слитки (куски) весом от нескольких сиклей до 1—3 и больше мин весом. Порой речь идет о десятках железных гвоздей (9, 12, 30 и т.п.), о 60 железных основаниях для статуэток, о 16 копьях, 81 «длинном сосуде», о железных клинках (от 1 до 56 и даже 4400 лезвиях кинжалов, возможно, также из железа). Высота некоторых изделий из железа, в частности статуэток, колеблется от 1/2 пяди до 3 пядей.

Очевидно, что письменные тексты содержат более обширную информацию об истории железа в Хатти в сравнении с данными археологии (археологами найдены лишь отдельные экземпляры железных изделий, в текстах же упоминаются десятки и даже сотни предметов; значительно шире в текстах и ассортимент изделий из железа). Вместе с тем воссоздаваемая на основе клинописных документов картина имеет и определенные

пробелы, обусловленные характером текстологического материала. Сравнительно мало известно древнехеттских документов; лишь в последние годы наметились успехи в определении корпуса текстов среднехеттского периода. Основную массу документов составляют тексты, датируемые новохеттским периодом. Соответственно при исследовании этого текстологического материала неизбежно складывается впечатление о широком производстве и применении железа в Хатти лишь в новохеттский период. Не исключая возможности того, что на рубеже среднехеттского и новохеттского периодов начался новый этап металлургии железа в Хатти можно надеяться, что в будущем на основе новых методов датировки текстов, будет воссоздана достаточно репрезентативная картина производства и применения железа в хеттском государстве в каждый из трех важнейших периодов его истории.

Вторая глава книги О. Герни посвящена государственному и общественному строю хеттов.

В этой части работы автор, в частности, касается вопроса о возможном существовании у хеттов практики утверждения избранника на престол и соответственно вопроса о наличии специального органа, «собрания», на котором решался этот и целый ряд других вопросов.

Затронутая О. Герни проблема очень сложна и дискутируется почти столько лет, сколько существует сама хеттология; многие ее аспекты еще окончательно не решены. Вместе с тем нам представляется, что наиболее убедительная картина истории хеттского собрания воссоздана в работе, вышедшей у нас в стране 30 лет назад. (Иванов В. В. *Происхождение и история хеттского термина *panki* — «собрание»*.—ВДИ, 1957, № 4; 1958, № 1; ср. также пан-кусе: Довгяло Г. И. *К истории возникновения государства*. Минск, 1968, с. 12—68.) Первоначально хеттский социальный институт панкус («собрание») представлял собой собрание членов определенной группы (вначале рода, а затем и больших общественных единиц), имевшее юридические и религиозные функции. В период Древнего царства в «собрание» входили высшие сановники (родственники и свойственники царя) и воины (часть свободного населения страны Хатти), Панкус, имел широкие полномочия: он утверждал наследника на престол; царь должен был испрашивать мнение панкуса в случае чьих-либо провинностей, речей преступного характера и прегрешений перед божеством; «собрание» имело право судить высших должностных лиц — представителей царского рода, а также самого царя в случае его покушения на жизнь ближайших родственников.

Наибольшим наказанием для родственников царя было нечто вроде почетной ссылки: им выделялись дворцы, земли, скот и предоставлялась возможность пользоваться всеми благами. При хеттском царе Телепину был введен новый закон, по которому сам царь отвечал головой за убийство брата или сестры.

О функционировании панкуса отчетливо свидетельствует «Законодательство» Хаттусили I. Впоследствии, в период многочисленных дворцовых переворотов, его не собирали. Панкус был вновь возрожден при Телепину, о чем свидетельствует «указ» этого царя. Этим актом Телепину стремился положить конец убийствам членов царского рода. Собирался ли панкус в среднехеттский период, мы не знаем. В период Нового царства термин панкус не встречается в исторических, политических и юридических документах. Это объясняется тем, что в результате социально-экономического развития хеттского государства характер власти царя изменился. Панкус продолжал фигурировать в новохеттский период лишь в религиозных текстах, обозначая совокупность участвовавших в обряде.

В исследованиях последнего времени высказывается мнение о том, что термин панкус, возможно, является синонимом хеттского слова тулия. Это последнее употребляется для обозначения «собраний» богов, «собраний» определенных должностных лиц, созываемых царем, а также в качестве инстанции, в которой вершился суд (в частности, в отношении лиц, виновных в покушении на жизнь царя). Причем, в отличие от панкуса, тулия упоминается как в древне— и среднехеттских, так и в новохеттских документах. Если панкус и тулия — синонимы, то можно было бы считать, что хеттский социальный институт «собрание» существовал почти на всем протяжении истории хеттского государства. Однако более вероятна другая возможность. Хеттское тулия могло быть обозначением не «собраний», а более узкого круга лиц — царского совета, полномочия которого, видимо, отличались от тех, что имелись у панкуса.

Характерной чертой хеттского государственного строя является и то, что в функциях хеттского царя (как и в функциях многих высших должностных лиц аппарата управления) прослеживается тесная взаимосвязь типов деятельности. Царь имел важные экономические, правовые, военные и культово-религиозные функции. В сознании носителей хеттской культуры все эти виды деятельности, вероятно, расценивались как взаимосвязанные аспекты целостной функции царя по «управлению» коллективом. В этом сказывается историко-культурная обусловленность понятия «управление», несовпадение позиций древнего и современного человека (*Ср. в этой связи реконструкцию представлений, характерных для древнеиндийской культуры: Романов В. Н. Древнеиндийские представления о царе и царстве.— ВДИ. 1978, № 4, с. 26—33*).

Одним из наиболее важных аспектов этой функции царя была культово-религиозная деятельность. Особая значимость ее была связана, в частности, с тем, что царь рассматривался в качестве священного символа плодородия.

Сакрализация власти царя у хеттов вряд ли сложилась в поздний период истории хеттского государства. Наиболее вероятно, что представления о царе как о священном символе коллектива были унаследованы хеттами из культуры хаттов. Такой вывод становится все более очевидным по мере существенного углубления наших знаний в области истории культуры народов древней Малой Азии.

Благодаря тесному взаимодействию с хаттами хетты переняли у последних целый ряд элементов социальной организации. К их числу относятся титулы нескольких категорий хеттских придворных. Эти хаттские обозначения должностных лиц лишь в некоторых, очень редких случаях были заменены соответствующими им хеттскими эквивалентами, как, например, титул «чашника» (того, кто дает царю пить). Вместе с обозначениями придворных и заимствованными у хатти наименованиями священнослужителей были переняты также титулы царя (табарна), царицы (таваннана) и царевича (тух-канти). Иначе говоря, титулатура, свойственная социальной организации хатти, легла в основу системы должностей хеттского двора.

Однако дело не ограничилось заимствованием титулатуры. Были переняты также некоторые атрибуты царской власти. К их числу относятся, в частности, особый вид копья, посох-кривулина. Непременной деталью хеттского царского костюма, видимо, являлся и особый вид мягкой обуви, с загнутым вверх носком — чувяки хаттского образца. Важнейшим из всех заимствованных атрибутов власти был ритуальный трон, хеттское название которого халмасуитта происходит от хаттского слова, имеющего значение «то, на чем сидят». Сакральный престол предстает в хеттской культуре, следующей и в этом культуре хатти, не только как царское сиденье, но и одновременно как божество.

Из культуры хатти унаследованы многие описания обрядов и другие тексты, в которых подчеркивается священный характер власти хеттского царя. В этих текстах царь изображается как наместник бога Грозы, как воплощение этого божества. Царь предстает в них как священный символ, периодическое «обновление» которого рассматривалось как необходимое условие плодородия страны и благополучия коллектива.

Священный характер власти хеттского царя отчетливо выявляется при исследовании ритуальных функций царя в хеттском обществе. Эти функции царя, в частности, были связаны с двумя важнейшими празднествами года: весенним ритуалом антахшум (по названию цветущего весной луковичного растения) и осенним нунта-риясха (букв, «спешка»). Эти празднества происходили в форме объезда царем и царицей наиболее важных, в частности в культовом отношении, городов Центральной и Северо-Восточной Анатолии. На легкой повозке или на колеснице царь и царица следовали из города в город и повсюду приносили жертвы богам.

Эти поездки царя и царицы по случаю празднеств антахшум и нунтариясха восходят к древнему обычаю объезда территории страны. Они, возможно, отчасти продолжали раннюю традицию, существовавшую в среде хаттского населения Анатолии. Объезды страны, по-видимому, представляли собой целостное социальное явление. Они связаны с подтверждением прав царя на владение территорией царства. Одновременно своими поездками по территории царь имитировал «движение» солнца по небосклону (выступая в

функции солнца) и воспроизводил «рождение» нового сезона (смену одного времени года другим).

В связи с этой функцией царя в ритуалах объезда территории привлекает к себе внимание то, что поездки по стране совершались дважды в год (весной и осенью) и что у хеттских царей, видимо, существовали две основные резиденции (летняя — в столице Хаттусе и зимняя — в городе Амкуве). Смена резиденций могла быть обусловлена климатическими условиями Анатолии (на юге, в Амкуве, зима была мягче, чем в Хаттусе). Однако, если учесть то, что в хеттской культуре в целом еще продолжала сохраняться древняя практика деления года на два сезона (время холода, зимы и время тепла, света, урожая), можно высказать гипотезу, что объезды страны царем — воплощением солнца соотносились с двумя сезонами года (отправными точками которых могли быть летнее и зимнее солнцестояние или весеннее и осеннее равноденствие); с этими периодами года могли быть связаны и переезды царя из одной резиденции в другую.

Вместе с тем объезды территории страны в хеттской традиции имели и важное экономическое значение.

Древний институт объезда страны, в котором тесно связаны или составляют единое целое его символические и социальные аспекты, существовал в целом ряде обществ древности и средневековья; он засвидетельствован в традиционных обществах XVIII—XIX вв.

С влиянием хаттской социальной организации, возможно, связано и соотношение царя и царицы в хеттском обществе. Кроме ряда фактов, свидетельствующих, согласно О. Герни, о независимом положении царицы, можно привести и некоторые дополнительные свидетельства. Так, известно, что конфликт, подобный тому, что произошел между царицей-таваннаной и Мурсили II, имел место в период Древнего царства между Хаттусили I и его сестрой-таваннаной. Вследствие этого конфликта сын таваннаны был лишен прав на престол. Вместо него наследником был назван Мурсили I.

Хеттские царицы имели свои дворы и персональные владения; существовал специальный штат «придворных царицы». Царица могла самостоятельно вести судебные дела; об одном из таких дел говорится в судебном протоколе, упомянутом в книге О. Герни. Не исключено, однако, что царица могла выступать в роли главного судьи в тех случаях, когда дело касалось имущества, принадлежавшего самой царице.

Одним из источников имущества царицы, видимо, могла быть специальная дань, шедшая в ее пользу. Перечень такой дани, присланной из города Амкувы, содержится в одном из хеттских текстов. Это свидетельство хеттского документа напоминает обычай, существовавший, в частности, в государстве Конго. Цари Конго брали жен из правящего дома определенной провинции. Население этой провинции выплачивало особый налог в пользу царицы, который шел на содержание штата придворных.

Эти и многие другие данные хеттских текстов относительно функций и статуса царя и царицы объясняются некоторыми исследователями гипотезой, по которой соотношение царя и царицы в хеттском обществе представляет собой пережиток дуальной системы власти. Поскольку речь идет об очевидном архаизме, представляется существенным то, что, согласно ранним текстам («каппадокийским табличкам»), высокий статус как царя, так и царицы — явление, характерное для ряда малоазиатских городов-государств XIX в. до н. э.

В этих городах-государствах царицы совместно с царями участвовали в решении внутригосударственных вопросов. Совместно с «главой лестницы» (заместителем главного судьи) царицы вершили суд; они могли осуществлять важные мероприятия и единолично. Основываясь на этих и многих других данных «каппадокийских табличек», часть исследователей склонна считать, что эти царицы являлись титулованными соправительницами царей в городах-государствах Малой Азии.

Соотношение царей и цариц в хеттском обществе и в ранних городах-государствах Анатолии, возможно, следует рассматривать как наследие хаттской социальной организации, в которой, вероятно, царь и царица представляли собой двух соправителей, царствовавших одновременно.

Важная специфика выявляется и в социально-экономическом строе хеттского общества. В работах зарубежных исследователей хеттское общество обычно определяется как

феодалное. В соответствии с этой концепцией трактуются на страницах книги О. Герни, в частности, вопросы землевладения и соответствующих форм зависимости.

Многие советские исследователи придерживаются теории о рабовладельческом характере социально-экономического строя хеттского общества. Однако часть специалистов считает, что существующие типологические классификации («феодалный», «рабовладельческий») не учитывают многих специфических черт хеттского общества.

Картина землевладения и связанных с ней форм зависимости в хеттском обществе, воссоздаваемая в работах советских ученых, отличается от той, что представлена в книге О. Герни. В них, в частности, отмечается, что, подобно другим обществам древнего Востока, земли в Хапи были поделены на общинные (частные), дворцовые и храмовые. Общинные земли, видимо, находились в собственности территориальных (соседских) общин. Эти земли обрабатывались в основном трудом членов семей общинников.

В отличие от этого сектора, дворцовые и храмовые земли находились в распоряжении государственной власти. На этих землях существовало множество государственных хозяйств (*О структуре этих хозяйств и формах зависимости в хеттском обществе см.: Гиоргадзе Г. Г. Очерки по социально-экономической истории хеттского государства: О непосредственных производителей в хеттском обществе. Тб., 1973.*), так называемых «домов» (ведомств): «дома дворца», «дома царя», «дома царицы», «дома богов» (т. е. храмы), «каменные дома» (т. е. храмы, посвященные заупокойному культу) и т. п. Крупные владения включали в себя мелкие «дома» (хозяйства). Эти индивидуальные хозяйства обычно состояли из жилого дома и подсобных (хозяйственных) строений, земельного участка, садов, огородов и т. п. Основную массу владельцев и тружеников «домов» составляли лица, относившиеся к классу зависимых (неполноправных) людей; наряду с ними в хозяйствах часто трудились и рабы.

Одним из источников пополнения рабочей силы этих индивидуальных хозяйств, созданных на государственных землях, на землях крупных землевладельцев, были войны. Население завоеванных хеттской армией стран, так называемых арнувала (букв. «тот, кто должен быть уведен (в плен)»), насильственно депортировалось в Хатти и использовалось главным образом в сельскохозяйственном производстве. Люди-арнувала, поселенные на государственных землях, обычно наделялись необходимыми средствами производства: земельным участком, тягловой силой, мелким рогатым скотом, семенами и т. п. В течение трех лет с момента поселения люди-арнувала были освобождены от несения повинностей.

Известны два вида повинностей, связанных с использованием государственной земель. Одна из них (хет. саххан), по-видимому, представляла собой натуральную повинность (поставки скота, продуктов питания); другая повинность (хет. луцци) была связана с исполнением работ на полях (вспашка, сев и т. п.); примерно половину рабочего времени пользователь государственной земли трудился на предоставленном ему поле, а другую половину он проводил за обработкой государственной земли. На основании данных хеттских текстов делается вывод о том, что в государственном секторе имели место два типа экономических отношений: отношения рабовладельческого характера и отношения нерабовладельческого-крепостнического типа.

Эта картина землевладения и связанная с ней система эксплуатации существовали в Хатти, видимо, уже в древнехеттский период. Вместе с тем в некоторых хеттских документах можно обнаружить указания на ту стадию развития хеттского общества, когда пользование землей могло не связываться с исполнением повинностей. В этой связи представляет особый интерес ст. 47а хеттских законов. В древней редакции этой статьи говорится: «Если кто-нибудь имеет поля как дар царя, (то) он не должен нести службу. Царь возьмет со стола хлеб и даст ему». Поздний вариант ст. 47а гласит: «Если кто-нибудь имеет поле как дар царя, (то) он должен нести службу. Если же царь освободит его, (то) он не должен нести службу». Известен и еще один поздний вариант той же статьи: «Если кто-нибудь имеет поле как дар царя, (то) он должен нести службу, связанную с владением этим полем. Если его освободят по приказу дворца, (то) он не должен нести службу».

В ст. 47а, во-первых, бросается в глаза то, что действие ее распространяется не на какое-то конкретное лицо или категорию лиц. Она относится к любому лицу, получившему в дар от царя землю. Во-вторых, в древней редакции статьи отсутствует указание «прежде», т. е.

отраженное в ней правило действовало в момент составления кодекса. В-третьих, этот древний закон впоследствии, согласно поздним редакциям статьи, был изменен. Пользование государственной землей автоматически влекло за собой повинности в пользу государства. Свобода от несения повинностей могла быть установлена только по специальному царскому указу.

Отраженная в ст. 47 тенденция обнаруживается и в некоторых других статьях хеттских законов. В этих последних перечисляется целый ряд категорий лиц, которые первоначально не исполняли повинностей; впоследствии часть их была лишена древних свобод:

50. «У людей священного звания, которые имеют обрядовую власть в городах Нерик, [Аринна] и Циплаида, и у жрецов во всех городах дома свободны, но люди их наследственной доли должны (нести) службу. Когда в городе Аринна наступает 11-й месяц, тот, в воротах чьего дома виднеется вечнозеленое дерево, свободен от повинностей»;

51. «Прежде дом того, кто становился ткачом в городе Аринна, был свободным (от повинностей) (и) люди его (наследственной) доли и его люди (люди его дома) были свободны. Теперь же (только) его собственный дом свободен, а люди его (наследственной) доли и его люди (люди его дома) должны нести повинности. В городе Ципланда то же самое»;

54. «Прежде воины манда, воины сала, воины городов Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува, лучники, плотники, конюшие и их люди карухала не исполняли повинностей»;

55. «Когда сыновья страны Хатти — люди, несущие повинность, пришли и стали просить отца царя, они говорили (ему): „Никто не платит за нас платы, и нас отвергают, (говоря): Вы (все) лишь люди, несущие повинность“. (Тогда) отец царя на совет (пришел) и объявил о следующем решении, скрепленном печатью: „Идите, вы должны быть такими же, как ваши товарищи“».

Сравнивая содержание ст. 47а и ст. 50, 51, 54, 55, можно сделать два вывода. Во-первых, хотя в ст. 47а речь идет о земле, полученной в дар от царя кем-либо, а в ст. 50, 51, 54, 55 — о конкретных категориях лиц, пользовавшихся прежде или продолжавших пользоваться древними свободами, одна из них (ст. 47а) может рассматриваться как общее правило, другие (ст. 50, 51, 54, 55) — как некоторые конкретные случаи действия данной правовой нормы. Этому тезису не может противоречить то, что ст. 47а определенно касается вопроса о дарственной земле, в то время как характер земельных владений жрецов и других категорий лиц, упомянутых в ст. 50, 51, 54, 55, в документе не отражен. Поскольку в обоих случаях речь идет о свободе от несения государственных повинностей, естественно считать, что во всех параграфах имеются в виду лица, пользовавшиеся государственной землей (дворцовой и храмовой). Косвенным подтверждением настоящего тезиса может служить то, что все статьи размещены в кодексе, по существу, друг за другом. Это обстоятельство вряд ли случайно и скорее всего указывает на то, что имела место систематизация статей, касающихся единой темы — землевладения.

Во-вторых, содержание статей, как было уже отмечено исследователями, определенно свидетельствует о том, что в хеттском обществе имела место характерная тенденция к ограничению круга лиц, не исполнявших те или иные повинности в пользу государства. Вместе с тем, поскольку предполагается, что у хеттов «свободным человеком» считался тот, кто не нес повинностей в пользу дворца, храмов, крупных землевладельцев (в отличие от «несвободного», исполнявшего их), можно говорить о том, что в перечисленных выше статьях кодекса мы имеем свидетельства ограничения круга «свободных людей», превращения их в людей зависимых, неполноправных.

Вполне вероятно, что в этих статьях кодекса перечислены далеко не все категории лиц, считавшиеся «прежде», т. е. в ранний период истории хеттского государства (если считать, что дошедшая до нас древняя редакция законов была составлена при Телепину или даже при Хаттусили I), свободными людьми. Такая гипотеза вполне допустима, в частности, потому, что, как известно, хеттский свод законов носит казуальный характер и не охватывает всех сторон общественной жизни (хотя в судебной практике могли рассматриваться и такие дела, которые не нашли отражения в кодексе). В действительности из других хеттских документов известно, что по распоряжению царя

(дворца) от повинностей в пользу государства освобождались храмы, посвященные заупокойному культу хеттских царей, храм бога Пирвы («скалистый дом бога Пирвы») и, видимо, другие схожие хозяйства. Сама практика предоставления подобных свобод, если сравнить ее с содержанием статей кодекса, может рассматриваться как реминисценция древней нормы, которая лишь позднее была ограничена благодаря изменению характера власти царя.

Возникает вполне естественный вопрос: на какой почве покоились взаимоотношения царя с подданными, если владение государственной землей не связывалось с определенными повинностями в пользу дворца? Ответ на этот вопрос, видимо, следует искать в том, что в недрах хеттского общества — в его экономике, политических институтах, культуре — сохранялись явления доклассового общества. Они во многом определяли специфику нового общественно-экономического строя, сосуществовали в нем с нарождавшимися формами этого строя.

В связи с ролью явлений доклассового общества в хеттской культуре в целом особый интерес представляет древний институт «взаимных услуг». Этот институт лежал в основе взаимоотношений членов доклассового коллектива друг с другом, взаимоотношений между коллективами. Он мог включать обмен брачными партнерами, жертвоприношениями, взаимными визитами, обмен материальными дарами и т. п. По своей форме обмен носил добровольный характер, но по существу был обязательным, так как в обществе действовало правило обязательного возмещения услуг.

Аналогичная система связей могла складываться между членами коллектива и представителями родовой знати. В частности, участие предводителя (вождя) в общественно необходимом мероприятии, от которого зависело благополучие всего коллектива, могло расцениваться в качестве функции, которая влечет за собой ответную услугу со стороны других членов коллектива. Одним из способов достижения престижа предводителя (вождя) служили пиры, дарения, предоставлявшиеся последним другим членам коллектива. Экономические отношения являлись неразрывной частью единой системы взаимных услуг.

Прямые параллели между системой социальных связей, существовавшей в доклассовом обществе и обществе типа хеттского, очевидно, необоснованны. В то же время целый ряд фактов показывает, что в основе многих явлений хеттской культуры лежали, по сути дела, те же самые представления, что и у первобытных народов.

При анализе этих фактов следует учитывать существенную особенность хеттской культуры. Засвидетельствованные в ней виды деятельности и соответствующие экономические, политические, юридические, религиозные установления тесно связаны друг с другом. Так, например, хозяйственная деятельность была сопряжена с многочисленными обрядами, осуществление которых расценивалось как необходимое условие успешности той или иной работы. Управление страной включало в себя исполнение определенных ритуальных функций. Многие нормы, регулировавшие экономические отношения между царем и коллективом, между членами коллектива, основывались на принципах, прямо не связанных с экономикой (в современном смысле этого понятия). Многие хеттские тексты, имеющие литературное значение, обнаруживают тесное единство с ритуалами; они составляли его словесную программу. Полностью религиозный характер носило хеттское искусство; иначе говоря, литература и искусство еще не стали вполне специализированными видами деятельности, решающими собственно эстетические задачи.

Относительная нерасчлененность социальной практики скорее всего свидетельствует о том, что специализация видов деятельности и соответствующих установлений происходила путем их дифференциации из единой, целостной системы.

Эта закономерность ощущается и в ст. 47а хеттских законов. Эта статья завершается фразой: «Царь возьмет со стола хлеб и даст ему». Содержание последней, видимо, состоит в том, что дарение земли стоит в одном ряду с выдачей хлеба с царского стола. Сопоставление дарения земли с выдачей хлеба в хеттском тексте совершенно справедливо сравнивалось Э. А. Менабде с данными средневекового документа периода сельджуков.

Халиф Багдада, находившийся в вассальной зависимости от сюзерена, получил от него землю в «кормление», и это дарение было оформлено как выдача «куска хлеба».

Хеттская формула о выдаче хлеба с царского стола обнаруживает очевидное совпадение с церемонией, представленной в целом ряде описаний хеттских ритуалов. «Царь берет хлеб со стола», — говорится в одном из таких текстов (КОВ XX, 96, IV, 10—11). Содержание другого документа позволяет расширить представления об интересующей нас церемонии: «Царь и царица стоя пьют из сосуда (в честь) бога [Грозы] военного лагеря. Люди города Канеса поют, (а) кравчий дает царю 1 хлеб; царь разламывает (хлеб) и кладет его на свой стол. И господам (сановникам) дают пить» (КВо XV, 36, III, 3—6). В обоих текстах речь идет о так называемом «столе царя», который фигурирует в большинстве описаний ритуалов. Подобные столы порой устанавливались и для многих других участников церемоний; пищей с этих столов кормили богов и участников Обряда. Причем в ряде текстов уточняется, что кормления участников ритуала совершал сам царь: «Царь стоя в руки господ (санов-Ников) дает Пить» (КВо XIX, 128, VI, 14—16). Схожая церемония воспроизводилась и в другом ритуале, в котором «кравчий» черпал вино из золотого сосуда, установленного на царском сакральном Троне, и подавал царю. Царь же «в руки давал пить» целому ряду высших должностных лиц государства (КОВ X, 13, IV, 9—28).

О содержании процедуры «кормления» участников обряда (высшего слоя знати) напоминает и фраза текста, бесспорно унаследованного из традиции хатти: «Хлеб лабарны, царя, мы едим, и воду его мы пьем. И (ритуально) чистое вино из золотого сосуда мы попиваем» (КЧВ XXXVI, 110, 5—7). Отголоски той же процедуры ощущаются и в древнем «Законодательстве» Хаттусили I, в котором этот царь советовал своему преемнику на престоле Мурсили I: «Ешь хлеб и пей воду».

Совпадение правовой формулы о выдаче хлеба с царского стола и конкретной процедуры, возможно, объясняется тем, что правовые и ритуальные установления развивались путем дифференциации из единой целостной системы. Первоначальные связи их могут быть обнаружены благодаря тому, что в ритуале сохранялись и воспроизводились архаичные формы социальных отношений.

Упомянутая ритуальная процедура и соответствующая ей формула свидетельствуют о существовании у царя функции по «кормлению» (в широком смысле, т. е. предоставление еды, земли, а также другие материальные дары) членов коллектива. Эта функция в конечном счете покоится на представлениях, которые лежали и в основе института «обмена услугами».

О функции хеттского царя, связанной с «кормлением» членов коллектива, свидетельствуют и древнехеттские наставления, напоминающие схожие тексты из традиций целого ряда народов древнего Востока (из Месопотамии, Египта и Индии). В этих хеттских наставлениях предписывается проявлять заботу о подданных: «[3]атем ты их помажь (маслом) и вложи в руку хлеб. Смотри за больным и дай ему хлеб (и) воду. Когда его жара донимает, ты его в тени укрой, если его холод одолевает, ты его укрой в тепле. Пусть подданные царя не мрут от истощения».

Известны и новохеттские копии этих древних наставлений: «Смотри за (боль)ным, дай [хлеб голодному], [дай воду] жаждущему, [дай]... [масло], [дай] одежду [голому] ...[дай] обувь...» Представленные в этих и других подобных текстах фразы «вложи им в руки хлеб», «дай хлеб и воду» совершенно определенно соответствуют смыслу конкретных действий царя в ритуале; они обнаруживают также очевидный параллелизм и с рядом текстов, приведенных выше.

Если рассматривать хеттские ритуалы как архаическую форму социального общения, выполняющего одновременно экономические, религиозные и многие другие функции, то в них можно вскрыть древние формы социальных отношений, в том числе экономические, которые сосуществовали в хеттском обществе с иными формами социально-экономических отношений, сформировавшимися в условиях классового общества.

Наиболее информативной группой ритуалов, позволяющих раскрыть древнюю систему отношений царя с подданными, являются так называемые «царские ритуалы», т. е. празднества, происходившие при участии царя, а также обычно царицы, царевича, высокопоставленных придворных. Наряду с ними участвовали в ритуалах жители городов,

небольших поселений, в которых совершались ритуалы, а также жители и определенные категории лиц, происходившие из других пунктов хеттского царства. При всем различии конкретных целей и задач этих празднеств они обнаруживают в целом сходную структуру, что, как отмечено уже О. Герни, дает основание рассматривать их как единый царский ритуал. Наибольшая часть празднеств приурочивалась к весне и осени и частично к зиме; летнее время царь обычно проводил в походах. Среди этих празднеств наиболее продолжительными являлись весенний ритуал антахшум, занимавший более 30 дней, и осенний праздник нунтариясха, длившийся более 20 дней (ср. о них выше). Наряду с этими празднествами имели место и многие другие ритуалы: праздник Нового года, праздник грозы, праздники месяца, посвященные определенным месяцам года, и многие другие. Эта ритуальная деятельность имела вполне определенные прагматические цели, так как осуществление ритуала расценивалось как необходимое условие плодородия страны и благополучия коллектива.

Как установлено, центральным актом всех этих празднеств являлась ритуальная трапеза. Основное содержание ее составляло «кормление» богов и людей — участников ритуала. Все использовавшиеся для этих целей животные, различные виды хлеба, напитки, предназначавшиеся богам или другим участникам трапезы, считались «жертвой», так как всякая еда у хеттов одновременно воспринималась и как «жертва».

Каждый участник трапезы получал определенное «кормление». «•Еду и напитки делят на части», «всей совокупности (участников обряда) в руки дают есть и пить» — эти и подобные им выражения служат свидетельствами кормлений. Подобные кормления, как известно, практиковались и в хеттских ритуалах, совершавшихся по случаю смерти царя, царицы или царских детей. Схожие кормления, возможно вне связи с конкретными ритуалами, имели место и в различных локальных пунктах хеттского государства. Различные категории лиц получали определенные «пайки», в частности, из рук управляющих царскими хозяйствами («дворцами»).

В одном из таких текстов говорится (КВо XVI, 67, I, 8—10): «Снабжение людей из города Цинхуры: 1 коз[ленка, 2 хлеба], 18 других хлебов, 2 сосуда с (хмельным) напитком марнува для праздника...» дает управляющий города Цинирнувы». В другом тексте, подобном вышеупомянутому, речь идет о кормлении кузнецов по железу, по серебру и по меди. Каждая категория кузнецов получала стандартный «паек» (КВо XVI, 68, III, 14—19): «Снабжение для меднико[в: 1 козленка, 1 большой толстый хлеб, 1 сосуд] с (хмельным) напитком марнува, 1 сосуд пива (и) [вина они (медники) берут в храме богини-защитницы] И его (козленка) они [приносят в жертву] богу своему, [а печень они приносят царю]. Перед царем они берут 1 хле[б], и перед ним «управляющий» города Али-сь. дает (медникам) 1 хлеб, [10 (других) хлебов, 1 сосуд с (хмельным) напитком марнува], а «чашник» дает (им) 1 сосуд с пивом (и) вином».

Если сопоставить эти «кормления» со свидетельствами других вышеупомянутых текстов, согласно которым сам царь «дает в руку» еду и питье высокопоставленным должностным лицам государства, то можно отметить одну любопытную особенность. «Кормления», шедшие от царя, помещались непосредственно «в руки» сановников. В то же время подношение, предназначавшееся царю, в частности печень жертвы, о которой речь шла выше, помещалась перед царем. Хотя в тексте не уточняются детали процедуры поднесения царю этой части жертвы (сказано лишь, что «печень они приносят царю»), можно предположить, что ее клали у ног царя. В связи со сказанным можно сослаться и на то, что, согласно тексту, «перед царем они берут 1 хлеб», т. е. предназначавшийся медникам (а также другим кузнецам) хлеб в качестве царского угощения, видимо, лежал у ног царя.

Характер процедуры, связанной с подношениями, предназначавшимися царю, отчетливо прослеживается в хеттском ритуале под названием килам (возможное значение «рынок», «сторожка у ворот»). В этом ритуале, в частности, имела место церемония объезда царем складов готовой продукции. Как только царь подъезжал к воротам того или иного склада, здесь его встречал «управляющий» царского хозяйства с определенными подношениями: 1 бык, овца, сосуд с пивом и хлеб, видимо, в виде каких-то шариков. Сопровождавший царя герольд бросал под ноги царя изделия из хлеба и произносил название города, из которого,

видимо, поступили эти подношения; управляющий же хранилища кланялся царю (см КВо Х, 24, IV, 21—33; V, 1—25). Как следует из этого текста, царю не вручали подношения, а бросали их к его ногам. Можно предположить, что «класть в руку» и «класть у ног» — это процедуры, отражающие иерархические уровни участвующих в обряде сторон.

Помимо кормлений (еды), которые обеспечивались, в частности, зг. счет продуктов из государственных хозяйств, участникам ритуала могли предназначаться одеяния, порой украшенные драгоценными металлами, ткани различного цвета, драгоценные камни, украшения из серебра, золота и бронзы.

Многие категории лиц, участвовавших в таких ритуалах, являлись не с пустыми руками. В качестве приношений этих лиц на празднества обычно фигурирует скот (иногда вместе с какими-то подарками и данью). В текстах иногда отмечается, что жители такого-то города дают для празднества овцу, определенное количество хлебов и пиво и вино. Порой подчеркивается, что «прежде» люди такого-то города «давали» столько-то приношений, а теперь они их «не дают».

Один из примечательных примеров церемонии, связанной с подношением царю животных и ответными дарами царя, представлен в древнехеттском ритуале грозы. Здесь речь идет о том, что, по-видимому, каждый участник ритуала — «человек копья» — преподносил царю одного быка. Царь же, в свою очередь, вручал двадцати «людям копья» 5 мин серебра, т. е. каждому из них по 10 сиклей серебра — обычную стоимость взрослого быка (одна хеттская мина равнялась 40 сиклям). Описанная здесь церемония может рассматриваться не как торговая сделка, а как символический обмен царя с подданными.

Не исключено, что в эту систему отношений, представленную в хеттских ритуалах, были включены, в частности, певцы. Эти последние, принимая участие в празднествах, исполняли песни на различных языках народов древней Анатолии (известны певцы, певшие по-хаттски, по-канесийски, т. е. по-хеттски, по-хурритски и т. д); певцы одного и того же города порой упоминаются в совершенно различных ритуалах (например, певцы Анунувы — города, который, видимо, славился своими певцами-сказителями). Кормления, которых удостоивались певцы, могут рассматриваться как ответная услуга за исполнение конкретной функции. Свидетельства хеттских текстов напоминают систему вознаграждения певцов за их деятельность, выявленную в целом ряде архаических обществ (См.: *Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 51-53.*).

Мы можем сделать следующие, пока еще предварительные, выводы. В ряде статей хеттских законов, в других правовых текстах, а также в описаниях государственных ритуалов засвидетельствованы формы отношений царя с подданными, которые в конечном счете восходят к доклассовому институту «обмена услугами». Однако в хеттском обществе эти формы отношений, видимо, имели иное содержание. Государственные земли уже в период Древнего царства предоставлялись царем не с целью достижения престижа; выделение земли было своего рода платой за службу в пользу царя.

С укреплением власти царя была установлена иная система отношений. Земли стали выделяться на условиях исполнения определенных повинностей (саххана и луцци) в пользу царя. Это установление не распространялось лишь на некоторые категории лиц, связанных с исполнением ритуальных функций, за которыми были сохранены архаичные привилегии, а также на лиц, освобожденных от повинностей по специальному царскому указу.

Подарки и дани, поставлявшиеся населением по случаю государственных ритуалов, видимо, не приобрели в хеттском обществе принудительного характера. Но поскольку государственные празднества сохраняли сакральное значение, т. е. рассматривались как способ поддержания естественного порядка в природе, сохранения и продолжения во времени жизни человека и всего коллектива, отказ от участия в таких ритуалах был невозможен, и подарки и дани, по существу, приобретали характер регулярных поборов с населения.

Экономические функции государственных ритуалов, которые еще мало исследованы, должны быть учтены при реконструкции картины экономических отношений в хеттском обществе (и системы отношений членов общества в целом). В процессе празднеств потреблялись и перемещались из рук в руки значительные материальные ценности; в этот процесс были вовлечены широкие слои населения. Система отношений, вскрываемая на

основе описаний празднеств (которые в определенной степени могут служить своего рода «текстами хозяйственной отчетности»), видимо, может рассматриваться как одна из форм социально-экономических отношений, сосуществовавшая в хеттском обществе с системами отношений рабовладельческого и крепостнического типов. Причем, в отличие от этих последних, она являлась наиболее ранней формой отношений.

* * *

История и культура хеттов несравненно менее знакома читателям, чем история и культура других народов древнего Востока. Можно надеяться, что книга О. Герни заинтересует читателей, привлечет их внимание к проблемам истории и культуры хеттов.

В. Г. Ардзинба

Литература *

* Издание 1964 г., по которому осуществлен настоящий перевод, сопровождалось обширным списком литературы, включающим специальные исследования зарубежных ученых, малодоступные широкому читателю. Вместо этого списка мы приводим краткий перечень работ по истории и культуре Анатолии, опубликованных на русском языке.

Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII—XIII вв. до н. э.). Ер., 1984.

Айхенвальд А. Ю., Баюн Л. С., Иванов В. В. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии.— Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.

Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Ардзинба В. Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. Послесловие — Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Ардзинба В. Г. Хеттская дипломатия.— Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987.

Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ер., 1985.

Баюн Л. С. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории.— ВДИ. 1980, № 2

Гамкрелидзе Т. В. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности.— ВДИ, 1956, № 1.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I—II. Тб., 1984.

Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий.— Переднеазиатский сборник. Вып. I. М., 1961.

Гиоргадзе Г. Г. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов — ВДИ. 1965, № 4.

Гиоргадзе Г. Г. Борьба хеттов За Северную Сирию в период Древнего царства.— ВДИ. 1964, № 1.

Гиоргадзе Г. Г. Хетты и хурриты по древнехеттским источникам.— ВДИ. 1969, № 1.

Гиоргадзе Г. Г. Наследование царской власти в древнехеттском государстве (до Телепину).— Вопросы древней истории. Тб., 1970 (Кавказско-ближневосточный сборник. III).

Гиоргадзе Г. Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тб., 1973.

Гиоргадзе Г. Г. Хеттское царство.— История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1982.

Довгяло Г. И. К истории возникновения государства (На материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1968.

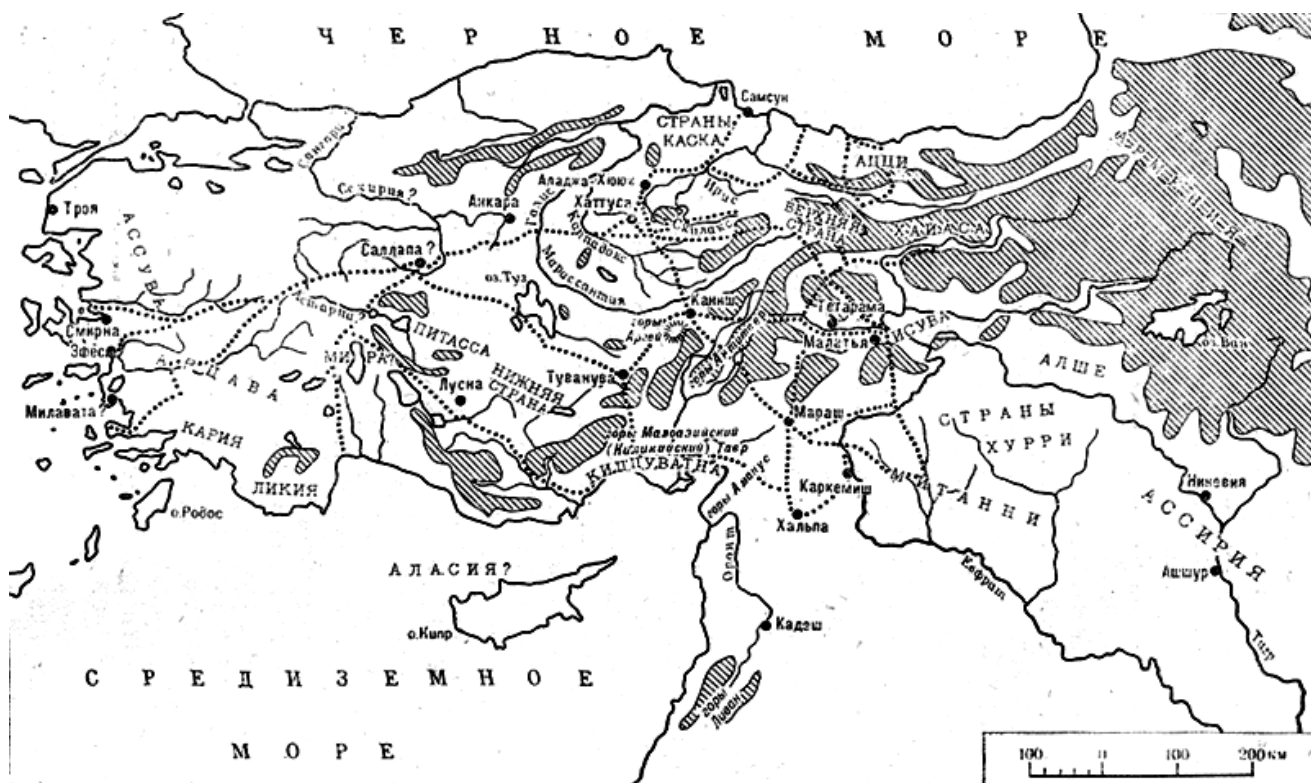
- Довгяло Г. И. Становление идеологии раннеклассового общества (На материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1980.
- Древняя Анатолия. Сборник статей. Под ред. Б. Б. Пиотровского, В. В. Иванова, В. Г. Ардзинба. М., 1985.
- Древняя Эбла: Раскопки в Сирии. Составление и введение П. Мат-тиэ. Общая редакция и заключительная статья И. М. Дьяконова. М., 1985.
- Древние языки Малой Азии. Сборник статей. Под ред. И. М. Дьяконова и В. В. Иванова. М., 1980.
- Дунаевская И. М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа.— Исследования по истории культуры народов Востока. В честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960.
- Дунаевская И. М. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола.— Переднеазиатский сборник. Вып. I. М., 1961.
- Дунаевская И. М. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне). Ер., 1968.
- Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968.
- Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов В. В. Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии. М., 1977.
- Иванов В. В. Древние культурные и языковые связи Южнобалканского, Эгейского и Малоазийского (Анатолийского) ареалов. Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Иванов В. В. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце пса и евразийские параллели.— Балканская лингвистика. М., 1977.
- Иванов В. В. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8.— Этимология. 1976, М., 1978.
- Иванов В. В. Проблемы происхождения культа Кубабы-Кибелы.— Balçapo-Balıo-3ıaıısa. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.
- Иванов В. В. Предварительные данные о материалах клинописного архива Эблы.— Народы Азии и Африки. 1980, № 2.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып. VII. Памяти Э. А. Ме-набде. Тб., 1984.
- Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977. Королев А. А. Хетто-лувийские языки.— Языки Азии и Африки. I. М., 1976. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тб., 1954.
- Меликишвили Г. А. Возникновение ХеттсКБРо царства и Проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии.— Вестник древней истории. 1965, № 1.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Менабде Э. А. Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование. Тб., 1965.
- Мифологии древнего мира. Пер. с англ. М., 1977.
- Нозадзе Н. А. Вопросы структуры хурритского глагола. Тб., 1978.
- Хазарадзе Н. В. Царская власть в позднехеттских политических образованиях.— Труды Тбилисского государственного университета. 1982, т. 227.
- Хачатрян В. Н. Восточные провинции Хеттской империи: Вопросы топонимики. Ер., 1971.
- Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ер., 1985.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие. Ч. 1. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузи-щина. М., 1980.
- Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюльтепе в собраниях СССР: Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э. М., 1968.

а

б

